

THE KING OF ATTOLIA

AUTHOR OF THE NEWBERY HONOR BOOK *THE THIEF*
MEGAN WHALEN TURNER

Вор Эддиса, мастер кражи и интриги, стал царем Аттолии. Евгенидис, желавший обладать царицей, но не короной, чувствует себя загнанным в ловушку. По одному ему известным причинам он вовлекает молодого гвардейца Костиса в центр политического водоворота. Костис понимает, что он стал жертвой царского каприза, но постепенно его презрение к царю сменяется невольным уважением. Постепенно придворные Аттолии начинают понимать, в какую опасную и сложную интригу втянуты все они. Третья книга Меган Уолен Тернер, автора подростковой фэнтези, из серии «Царский Вор».

Меган Уолен Тернер

Царь Антолии

Пролог

Царица ждала. Сидя у окна она наблюдала, как постепенно зажигаются огни в городе, сопротивляющемся наступлению долгих сумерек. Солнце опустилось за горизонт несколько часов назад, но за окном не было темно. Фонари и факелы будут гореть всю ночь, а люди переходить от одного праздничного стола к другому до возвращения солнца и, пошатываясь, разойдутся по домам только на рассвете. Они с танцами, музыкой и вином отмечали великое событие, которое, как им казалось, не наступит уже никогда. День свадьбы их царицы. Теперь она сидела у окна, глядя на огни, прислушиваясь к музыке и ожидая мужа.

По обычаям Аттолии женщина сама шла к мужу в первую брачную ночь. В Эддесе мужчина шел к своей невесте. Они решили сохранить обычай Эддиса. Эддисийцы могли убедиться, что царица склоняется перед обычаями своего молодого мужа, но с точки зрения аттолийцев их царица ни в чем не поступилась традиционными обязанностями жены. Политические уступки, осторожное маневрирование — всего лишь танец теней вокруг истинной сути события: брака двух любящих людей. Сегодня она отдала судьбу своей страны в руки Евгенидиса, обменявшего все свои честолюбивые надежды на право стать ее царем.

Посреди шумного дворцового зала за изобильным столом в ярком свете разноцветных фонарей Орнон, посол Эддиса, подавил зевок и сыто улыбнулся, мысленно поставив точку на будущем бывшего Вора Эддиса. Они с Евгенидисом были старыми недругами, и лицемерие Вора, скованного узами суверенитета, согревало сердце опытного политика. Это чувство принесло ему больше удовлетворения, чем любая тщательно взлелеянная месть. Царица Эддиса, казалось, прочитала его мысли и с другого конца зала одарила взглядом, заставившим его быстро выпрямиться на стуле, сделать еще глоток вина и, не меняя выражения лица, повернуться к соседу справа.

* * *

На дворцовой стене молодой часовой смотрел на город почти с тем же выражением, что и царица Аттолии из своего окна. Ему не довелось участвовать в торжествах, но не будучи любителем выпивки и драк, он не роптал против своей участи. Ему нравились эти одинокие часы в вышине над дворцом. Одиночество и время, проведенное вдаль от шума казармы и болтовни товарищей, давали ему возможность подумать. Честно говоря, эти дежурства были даже удовольствием. Сегодня можно было не опасаться никакой внешней угрозы: ни кораблей Суниса, стремящихся к гавани, ни вражеской армии спускающейся с холмов на равнину. Самый опасный враг Аттолии перестал быть врагом и больше не попытается тайно

проникнуть во дворец, думал он. Костис мог с тем же успехом проспять свое дежурство, тем не менее, он быстро выпрямился и зорко уставился в темноту при появлении капитана.

— Костис, — сказал капитан, — тебе не помешало бы немного развлечься.

— Так точно, командир.

— Я бы не возражал. — никаких эмоций в бесстрастном голосе шефа.

* * *

Глубокой ночью, когда торжественный ужин во дворце закончился, но шум на улицах еще не стих, Секретарь архива сложил свои документы аккуратной стопкой на столе. Он взял на себя смелость в личном порядке обратиться к царице с предложением обсудить способы ограничения власти царя. Евгенидис был молод, хорошо образован, решителен и наивен. Его можно будет легко взять под контроль, как только влияние эддисийских советников немного ослабеет, а это обязательно произойдет. Царица одним взглядом дала понять, что Релиус превысил свои полномочия. Он отступил с извинениями. Царица намеревалась распорядиться судьбой царя по собственному усмотрению, и Секретарь архива с чистой совестью мог умыть руки.

Глава 1

Костис сидел в своей комнате. На столе перед ним лежал лист бумаги, предназначенный для составления рапортов о деятельности его подразделения. Он зачеркнул несколько первых строк доклада и попытался сосредоточиться на письме отцу. Оно начиналось со слов: «Господин мой, я должен объяснить вам мой поступок», а затем обрывалось. Костис не мог объяснить своего поступка. Он потер лицо ладонями и вновь попробовал облечь сумбурные мысли в ясные слова и стройные фразы.

Он оглядел беспорядок в своей комнате. Весь его небольшой гардероб был разбросан по полу. Форменная куртка, которую он надевал на тренировку, с наполовину оторванными рукавами и оборванными пуговицами валялась около кровати. Повсюду были рассыпаны запасные пуговицы, запонки и иконки с изображением бога-покровителя. Его книги исчезли. Их было три. Вместе с книгами пропал бумажник с деньгами, хранившийся в комнате. Денег было жаль, лучше бы он отдал их своему другу Аристокетону. Меч со стойки у стены тоже исчез. Его он тоже оставил бы Арису.

Двое солдат, доставивших его с учебного плаца, почти волоча за связанные за спиной локти, забрали из комнаты все колюще-режущие предметы. Они были ветеранами, прослужившими в армии большую часть жизни. Эти же солдаты обыскали его небольшой шкаф и скинули с узкой кровати тонкий матрас и шерстяное одеяло. Один из них унес меч Костиса и найденный на подоконнике кинжал, а другой собрал его бумаги, скомкав их в кулаке. Не бросив на него ни единого взгляда, они молча вышли. Костис мешком упал на трехногий табурет. К его удивлению они оставили две застёжки для плаща: одну простую повседневную и вторую, нарядную, с янтарной бусиной. Штырь фибулы был длиной в добрых четыре дюйма и толщиной в полпальца. Он оказался бы не менее эффективен, чем меч, решишь Костис воспользоваться им. Для самоубийства достаточно было бы острия и покороше: два дюйма в нужное место, и все проблемы позади.

Пока Костис вяло прикидывал возможности металлической фибулы, занавес на его двери отлетел в сторону, и один из солдат вернулся, чтобы пинком ноги заставить его подвинуться к стене и быстро сорвать застёжку с плаща. Держа обе фибулы в руке, он быстро осмотрел пол в поисках закатившихся в угол или под кровать предметов. Обратив внимание на запасные ремни сандалий, он забрал их также. На этот раз он бросил быстрый взгляд на Костиса, неодобрительно покачал головой и вышел.

Костис посмотрел на письмо. Это был единственный оставленный ему лист бумаги. Он должен был с толком израсходовать его, но действительно не знал, как объяснить свои действия отцу, когда не мог объяснить их даже самому себе. Он нарушил священную клятву, в один миг сломав свою карьеру, жизнь, и, возможно, жизнь своей семьи. Оглядываясь

назад, он понимал чудовищность всего произошедшего и был не в состоянии поверить, что это случилось с ним.

Солнце давно уже перевалило за полдень. Он не смог добиться прогресса с письмом с самого утра, когда лучи света проникли в узкое окно и залили сиянием маленькую комнату. Потом ослепительный диск поднялся над крышей казармы, и свет померк, превратившись в узкую белую полосу между стен двух бараков.

Костис ждал возвращения царицы. Она впервые после замужества покинула дворец и уехала на охоту, собираясь пообедать в одном из охотничьих домиков и вернуться во второй половине дня.

Костис вскочил с табурета и в сотый, тысячный раз зашагал по комнате. Когда она вернется, он будет приговорен, и почти наверняка к смерти. Его ждет участь худшая, чем смерть, если она решит, что он действовал как участник заговора, или хоть один из членов его семьи знал о его действиях заранее. Тогда его семье придется покинуть ферму в окрестностях Помпеи в долине Геде. Всем им, а не только отцу и сестре, но и дяде, тете, двоюродным братьям и сестрам. Их имущество будет конфисковано короной, они перестанут быть землевладельцами и, если повезет, станут перебиваться мелкой торговлей, а если нет — просто нищенствовать.

Конечно, даже он не мог предвидеть того, что случилось. Он никогда бы не поверил в возможность такой внезапной и сокрушительной катастрофы, но эта истина не имела сейчас ни малейшего значения. Костис попытался вспомнить точное содержание записей, которые у него забрали, и можно ли принять их за планы замышляемой измены. Секретарь архива способен был увидеть измену в одном-единственном слове.

Один намек на заговор, и Костиса подвергнут пыткам вместо того, чтобы тихо и аккуратно повесить ранним утром. Он знал, что когда палач раскалит свои инструменты, истина, и так имеющая мало значения, утратит свой смысл вообще.

Он подошел к окну и посмотрел на скрытую тенью казарму напротив. Скоро трубы возвестят полдень, время смены стражи. Он должен был заступить на свое дежурство на стене дворца. За спиной снова раздался шорох отодвигаемой занавески. Он повернулся к людям, которые должны были отвести его во дворец.

Стражников не было. В дверном проеме замерла одинокая фигура. Царь. Правитель всех земель Аттолии, помазанный на царство жрецами и жрицами, отец народа, господин баронов, которые по очереди принесли ему вассальные клятвы, бесспорный, безраздельный и абсолютный сюзерен. Немного растрепанные волосы падали на высокий лоб. Затейливая вышивка фиолетовыми нитками вокруг ворота гармонировала с припухшим под глазом фонарем.

— Большинство людей в твоей ситуации предпочитает встать на колени, — заметил царь, и Костис, выйдя из оцепенения, запоздало опустился на пол.

Ему следовало бы склонить голову, но он не мог отвести глаз от лица Его Величества. Только встретившись с царем взглядом, он окончательно пришел в себя и устоял в пол. Царь подошел к столу, и Костис краем глаза заметил, что он держит в руке кувшин, подцепив его одним пальцем через ручку, и пару бокалов. Царь аккуратно разместил все на столе, в первую очередь поставив кувшин. Одним движением кисти он подкинул бокал высоко в воздух, и пока тот развернулся и начал падать, успел поставить второй кубок на стол и поймать первый. Царь двигался так легко и непринужденно, словно это жонглирование стало его второй натурой. Тем не менее, Его Величество действовал таким

образом исключительно по необходимости, потому что у него была всего одна рука.

Старая от стыда, Костис закрыл глаза. Все события этого кошмарного дня были убедительно представлены на лице государя, под глазом которого с неопровержимой ясностью отпечатался каждый сустав солдатского кулака.

Евгенидис нарушил молчание первым:

— Кажется, прошло не больше двух месяцев, с тех пор как ты поклялся защищать мою персону и престол ценой собственной жизни?

Костис обмяк, как тряпичная кукла.

— Да.

— Это какой-то неизвестный мне аттолийский обычай? Я должен был защищаться сам? У царя была всего одна рука, он не смог бы защититься от человека выше и сильнее его, тем более с двумя руками.

— Простите.

Эти слова были всего лишь вежливым ответом. Они прозвучали странно даже для самого Костиса, а царь рассмеялся, коротко и невесело.

— Мое прощение не есть вежливая формальность, Костис. Это совершенно реальная вещь. Царское прощение имеет цену человеческой жизни.

Царское прощение было совершенно невозможно.

— Я просто имел в виду, что извиняюсь, — беспомощно сказал Костис, пытаюсь объяснить необъяснимое. — Я никогда, никогда бы...

— Никогда бы не ударил калеку?

От стыда у Костиса перехватило дыхание. Он услышал, как в чашу льется вино.

— Положи матрас на койку, сядь и выпей вот это.

Двигаясь, подобно механической кукле, Костис выполнил, что было велено. К тому времени, когда он взял бокал и осторожно уселся на краешек кровати, сам царь уже сидел на табурете, прислонившись спиной к стене и положив ногу на ногу. Костис не мог не подумать, что Его Величество выглядит как ученик писаря после драки в таверне, уж совсем не как царь. Он сделал глоток из своей чаши и в изумлении уставился на нее. Вино было охлажденным. Сладким и чистым, как жидкий солнечный свет, лучшим, что Костису доводилось пробовать за всю свою жизнь. Улыбка медленно расползлась по губам царя.

— Царская милость подобна вину. Будь осторожен, не расплеши ее. Ты ел сегодня?

— Нет, Ваше Величество.

Царь повернул голову и крикнул в сторону занавески, через некоторое время в коридоре послышались шаги, и занавес отдернули в сторону. В дверях стоял Лаекдомон, один из людей Аристокетона. Арис был другом Костиса. Вряд ли ему было приятно стоять на страже у дверей Костиса. Царь попросил принести еды с кухни. Презрительно глядя перед собой, Лаекдомон поклонился и исчез.

— Без таких «верных слуг» я бы вполне мог обойтись, — тихо сказал царь, поворачиваясь к Костису. — Не сомневаюсь, он решит, что еда для меня, и принесет черствый хлеб и самые мелкие оливки.

Костис не мог оспорить его мнение о Лаекдомоне. Он никогда не любил этого гвардейца. Лаекдомон был слишком угрюм и замкнут, и Костис был доволен, что этот парень не попал в его подразделение. Арис тоже его недолго любил, но чаще жаловался на другого своего солдата, которого прозвал Легарусом Клевым. В отличие от Аристокетона, Легарус обладал не только красивым лицом, но и происхождением из почтенной семьи

землевладельцев. Тем не менее, как бы ни была влиятельна семья Легаруса, ему самому никогда не светило дослужиться даже до командира отделения, что время от времени вызывало напряжение между ним и Аристогетоном.

Царь прервал размышления Костиса.

— Скажи Костис, почему мои люди предлагают мне еду, которую я не могу есть, а затем принимают оскорбленный вид, когда я указываю, что не могу разрезать ее самостоятельно? Или открыть банку? Или воспользоваться ножом для мягкого сыра?

«Потому что ты самодовольный варварский босьяк, который украл нашу царицу и заставил принять тебя в качестве ее мужа, потому что ты не имеешь никакого права быть царем», промелькнуло в голове у Костиса. Вслух он сказал только:

— Я не знаю, Ваше Величество.

Должно быть, Евгенидис догадался о его мыслях и нашел их забавными. Он рассмеялся. Костис сделал еще глоток, чтобы скрыть свое смущение. Вино согрело горло и ослабило тугой узел в животе.

— Откуда ты родом, Костис?

— Из Ортии, Ваше Величество. Долина Геде выше Помпеи.

— Ферма большая?

— Небольшая, но мы владеем ею очень давно.

— Дом Орментидесов, не так ли?

— Да.

— И ты младший сын?

— Не я. Мой отец, Ваше Величество.

— Ты надеялся получить землю за службу?

Костис не мог говорить. Он кивнул.

— Костис.

Костис поднял голову.

— Если это не была преднамеренная измена, ферму не отнимут.

Костис махнул рукой, не в силах выразить словами свое понимание, что истина в этом деле значит гораздо меньше, чем видимость.

— Все-таки я царь, — мягко заметил Евгенидис.

Костис кивнул и снова выпил. Если Евгенидис являлся истинным сувереном и правителем Аттолии, почему они оба сидели здесь, ожидая возвращения царицы? Если царь снова угадал мысли Костиса, на этот раз он не подал вида. Он выпрямился и встал, чтобы наполнить бокал Костиса. Костис вздрогнул, спрашивая себя, может ли он позволить царю служить ему? Если бы он остался стоять, когда ему велели сесть, мог ли он сам налить себе царского вина? Прежде, чем он успел решить, что было бы правильнее, Евгенидис поставил кувшин на стол и изящно упал на свое место.

— Расскажи мне о ферме, — приказал царь.

Запинаясь и чувствуя себя неуверенным в этой ситуации, которая казалась такой же нереальной, как и все события дня, Костис сосредоточился на семейной собственности и постарался отчитаться как можно точнее. Он говорил об оливковой роще и ячменном поле, о доме, который делил с отцом и младшей сестрой. В паузах между словами он отхлебывал вино, и царь снова наполнил его кубок. Во второй раз этот жест показался менее шокирующим. Когда Костис думал о ферме, слова шли к нему легко.

Его отец поссорился со своим двоюродным братом, являвшимся главой семьи, и они

переехали из главного дома. Костис тогда был еще ребенком.

— Твой отец проиграл спор?

Костис пожал плечами.

— Он сказал, что хуже раздора в семье может быть только одно: оказаться правым в споре со старшим. Он сказал, что новую плотину смоем весной. Когда так и случилось, мы переехали.

— Не очень справедливо.

Костис снова пожал плечами. Его все устраивало. Дом был небольшим и изначально был построен для управляющего, но это был их собственный дом. Костис был счастлив оказаться подальше от своих двоюродных братьев. Царь понимающе кивнул.

— Я тоже не ладил с кузенами. После дождя они укладывали меня лицом в грязь и не позволяли встать, пока я несколько раз не повторю грязные ругательства в адрес моей семьи. Не думаю, что меня сможет понять кто-то, кроме тебя. — он медленно потягивал вино. — Но в последнее время мы стали ладить лучше. Возможно, у тебя со временем тоже произойдет нечто подобное.

Костис посмотрел в опустевший бокал и спросил себя, кем надо быть, чтобы простить двоюродным братьям подобные проделки? Он тихо хмыкнул. Сейчас царь напоминал ему старика, дающего советы ребенку. Костис подумал, что отец народа был моложе его самого, а сам он был еще слишком молод, чтобы иметь собственную семью. В любом случае, у Костиса было мало шансов наладить отношения с кузенами, раз он собирался встретить рассвет в петле на виселице. Не вызывала сомнений причина, почему царь чувствует себя таким спокойным после своей неловкой откровенности. Царь опять наполнил пустые чаши. Снова усевшись на табурет, он сказал:

— Не сдавайся так быстро, Костис. Скажи мне, почему ты меня ударил?

Костис быстро проглотил вино.

— Или нам нужно вспомнить все, что произошло перед этим? Ты со своим другом шел через двор, вспоминая все шутки, которые услышал от моего дорогого камергера Сеана. Как понимаю, его прошлым вечером пригласили выпить со своими старыми друзьями гвардейцами? Должно быть, Аристокетон пропустил самое интересное? Он был на дежурстве?

— Он из охлоса.^[1] Его семья не владеет землей. Поэтому Сеанус не пьет с ним.

— Но твоя семья из патроносов? И ты дружишь с Арисом?

— Да.

— Как жаль, что эхо под арочными сводами так далеко разносит все звуки. Я считал, что проявил великодушие, когда притворился глухим.

— Да, Ваше Величество.

— Я разговаривал с Телеусом, не так ли? Он попросил вас подойти к нам. Думаю, мы пытались сгладить неловкость. Ты помнишь? Мы обсуждали, следует ли мне тренироваться с гвардейцами.

— Да, Ваше Величество.

— И ты... — напомнил царь.

— Вырубил вас, Ваше Величество, — вздохнул Костис.

Одним рывком он развернул царя к себе и замахнулся кулаком прямо в его изумленное лицо, а затем повалил на пыльную землю учебного двора, где они катались, ругаясь, воя и проклиная друг друга.

— Почему?

— Я не знаю.

— Как ты можешь не знать, за что собираешься ударить человека?

Костис покачал головой.

— Может, я сказал что-то особенное? Что это было?

— Я не знаю.

Хотя он знал. Царь посочувствовал Телеусу, вынужденному командовать людьми настолько бестолковыми, что прозевали похищение царицы из-под самого их носа.

— Ты должен признать, Костис, что я действительно увез ее из-под самого твоего носа.

— Это было сказано не совсем так. Ваше Величество выразились более корректно, — возразил Костис, ненавидя его про себя.

— Тогда почему? — жалобно поддразнил царь. — Скажи мне, Костис, почему?

В дальнейшем Костис не смог бы объяснить, почему он сказал то, что сказал, разве что он собирался умереть и не хотел встретить смерть с ложью на устах.

— Потому что вы не похожи на царя, — брякнул он.

Царь смотрел на него с легкой укоризной. Костис продолжал, распаляясь с каждым словом.

— Сеанус говорил, что вы идиот, и он, без сомнения, прав. Вы даже понятия не имеете, как должен выглядеть царь, а тем более самому быть царем. Вы не умеете ходить как царь, стоять как царь, сидите на троне как... ученик писаря в винном погребе.

— Ну и что?

— Ну и все.

— Ты принял меня за одного из твоих двоюродных братьев?

Костис встал над царем во весь свой рост.

— Поэтому все, что сказал Телеус было правильно. Вы не имеете права тренироваться с гвардейцами. Вы можете разминаться с другими бесполезными аристократами при дворе. Вы можете вызвать сюда хоть весь эддисийский гарнизон, если хотите.

— Но во дворце нет ни одного эддисийского солдата, — прервал его царь.

— Они стоят всего в получасе езды от Тегмиса. Они, как вши, расплозились по всей стране. Вы можете послать за ними. Но мы гвардейцы царицы, так что оставьте нас в покое. Телеус был прав. Вам нечего было там делать.

Потрясенный собственными словами, Костис поднял чашу, чтобы сделать еще один глоток, и замер, глядя в нее. Чаша была пуста. Он перевернул ее верх дном и попытался сосчитать, сколько же раз царь наполнял ее?

«Ты поел?» — спросил царь, прежде чем послать за пищей, которую до сих пор не принесли и неизвестно, когда принесут. Сколько чаш неразбавленного вина он опустошил? Достаточно, чтобы его суставы превратились в воду, а голова стала легкой, как мыльный пузырь. Достаточно, чтобы развязать его глупый язык в пустой голове. Он поднял голову и встретил спокойный пытливый взгляд Евгенидиса. Царь не был идиотом, что бы там ни говорил Сеанус. Он был очень хитрым ублюдком.

— Кто внушил тебе эти мысли? — тихо спросил царь.

— Никто, — отрезал Костис.

— Телеус? — мягко предположил царь. — Скажи мне, что это был Телеус, и я добыю твоего прощения.

— Нет! — выкрикнул Костис.

Он вскочил на ноги. Его руки сжались в кулаки. Кубок упал на пол и разбился. Он чувствовал, как горячая волна пьяной ярости прихлынула к его голове. В эту минуту занавеску на его двери отбросили в сторону. Царица прибыла во дворец.

Костис слышал, как воздух с хрипом вырвался из его горла, словно изгнанный одним ударом. Он не расслышал звуков ее приезда. Он посмотрел на Евгенидиса, все еще сидящего на стуле. Царь не был отвлечен шумом, который произвел Костис, и, наверное, слышал шаги в коридоре. Он говорил тихо, чтобы те, кто приближался, не услышали его. Но они, конечно, слышали Костиса. И они слышали, как он кричал на царя. И как разбилась чаша. Теперь они могли видеть, как он в угрожающей позе стоит над царем.

Костис резко перевел дыхание. Ему хотелось убить этого мелкого гада. А еще очень хотелось заплакать. Он упал на колени перед своей царицей, опустив голову почти до пола, закрыв лицо руками, все еще сжатыми в кулаки, сжавшись в комок от ярости и горького, горького стыда.

Глава 2

Костис услышал голос царицы над головой.

— Объясни мне, почему я должна идти в казармы, чтобы поговорить с собственным солдатом?

Ответ Евгенидиса прозвучал так же спокойно.

— Ты могла бы вызвать его к себе.

— И ты пошел бы вслед за ним? Как хвост за собакой?

— Почему бы нет, раз я недостаточно похож на царя. Костис мне так и сказал.

— Недостаточно похож во многих отношениях, мой царь. И не по-царски обсуждать этот вопрос в присутствии телохранителей.

Евгенидис принял упрек без возражений.

— И ты до сих пор не приказал повесить его, — сказала царица.

Костис боролся с желанием упасть на брюхо и поползти к ее ногам. Он никогда еще не чувствовал себя таким беспомощным. Как муха в паутине: чем больше он сопротивлялся, тем безнадежнее запутывался.

— Нет, — ответил царь. Костис тихо взмолился в душе. — Я не хочу, чтобы его повесили.

Надежды Костиса рухнули и рассыпались в прах. Он проклял себя за то, что в самом глубоком уголке сердца сохранял надежду, что царь не позволит выгнать его семью с земли.

— Ты не будешь препятствовать осуществлению правосудия, — предупредила царица.

— Очень хорошо, — небрежно согласился царь, — тогда повесь их обоих.

— Его и кого-то еще из моих верных слуг, царь мой?

Ее голос не поднялся ни на полтона, каждое слово было холодным и острым, как льдинка, но ее гнев заставил Костиса, все еще стоящего на коленях, задрожать.

— Телеуса, — сказал царь, пожав плечами, и царица в изумлении замолчала.

— Значит, это был заговор? — наконец спросила она.

Боги, храните их обоих, это не был заговор. Костис приподнялся с пола.

— Моя царица.

Он говорил спокойно, как только мог, и посмотрел в ее лицо, когда она повернулась, чтобы взглянуть на него сверху вниз. Он должен, он обязан был привлечь ее внимание.

— Ты хочешь что-то сказать? — она удивилась так, словно ее собака внезапно подняла лапу и попросила слова.

Он не должен был называть ее своей царицей. Он должен был сказать «Ваше Величество». Она всегда была «Вашим Величеством», независимо от того, кто к ней обращался, но если бы он был предателем, она не была бы его царицей. От этой мысли в

грудь образовалась болезненная пустота. Он служил ей с неослабевающей преданностью с самого первого дня, когда был завербован. Телеус лично выбрал его, самого молодого из кандидатов, и после года обучения принял на службу в гвардию царицы. Теперь Костис не отводил от нее своего упорного взгляда.

— Ваше Величество, прошу вас, это была глупость, не предательство. Позвольте мне доказать это. Пожалуйста, не вешайте моего капитана за то, что является только моей виной.

Он боялся даже упомянуть о ферме.

— Ты понимаешь, о чем просишь? — спросила царица.

— Нет, Ваше Величество, — шепотом признался Костис.

Он не знал подробностей и не думал, что стоит пытаться угадать их сейчас. Он был бледен, испуган и растерян.

— Но я сделаю все, что угодно.

— Ну, хорошо, — недовольно сказал царь, словно признавая поражение в шахматной партии. — Не вешай Телеуса. Но я не понимаю, какой тогда смысл вешать Костиса, если ты собираешься выгородить его начальника.

Царица повернулась к Евгенидису лицом.

— Я могла бы повесить тебя, например, — предложила она.

Евгенидис посмотрел на нее с нежностью.

— Ну, этот шанс ты уже упустила, — сказал он.

Царица подняла руку, чтобы ненадолго прикрыть глаза.

— Удивительно, как ты умеешь запутать совершенно ясную ситуацию, — заметила она. — Что ты предлагаешь?

— Я предлагаю жизнь Телеуса за жизнь Костиса. Вернее, его жизнь в обмен на честную службу Телеуса.

— Продолжай, — попросила царица.

— Телеус хорошо отзывался об этом солдате. Он неплохо себя зарекомендовал в битве при Тегмисе, и его имя было упомянуто в твоём присутствии, когда его повесили до командира отделения.

Костис недоверчиво поморщился. Неужели царица знает его имя? Или ему все это снится? Кажется, дело принимало совсем плохой оборот.

— Я готов обменять жизнь Телеуса на жизнь Костиса, если Телеус сможет гарантировать мою дальнейшую безопасность.

— Он капитан нашей гвардии. Твоя безопасность — цель его службы, — сказала царица.

— Твоей гвардии, — возразил царь.

— Нашей гвардии, — настаивала царица.

— Тогда как ты объяснишь песок в моей тарелке? Змею в моей постели? Постоянные легкие толчки между лопаток, когда я стою на верхней площадке лестницы?

— Змея? — повторила царица.

— Черная. Большая. Не ядовитая.

Костис никогда не слышал ничего страшнее наступившей тишины. Она все длилась и длилась, как если бы его вдруг поразила глухота, как ритуальная тишина в храме перед кровавой жертвой, только гораздо, гораздо хуже.

— Телеус.

Когда царица наконец заговорила, ее голос звучал подобно шипению змеи. Костис

услышал, как кольца занавески скользнули вдоль стержня. Телеус ожидал в коридоре. Костис мог бы посмотреть вверх и увидеть лицо капитана, но его голова вдруг налилась свинцовой тяжестью и медленно опустилась на лежащие на полу руки.

Сеанус рассказывал, какие шутки отпускали царю его слуги. За кувшином вина в таверне они казались невероятно смешными. Сейчас же все это было совсем не смешно. Если кто-то мог подсыпать песок в пищу царя, то что помешает налить туда яду? А если кто-то подложит ему в постель черную змею, почему в следующий раз она не окажется ядовитой гадюкой? Если бы однажды царь упал с лестницы... По всей Аттолии были рассеяны солдаты Эддиса. Никто не сомневался, какой ущерб они способны причинить, если внезапно возобновится война. Если царь вдруг умрет через несколько месяцев после начала правления, весь этот кошмар начнется снова.

— Любовь моя, — сказал царь. — Еще были охотничьи собаки. Почему-то они все оказались на воле, когда я проходил через двор.

Весь дворец знал об охотничьих собаках. Солдаты смеялись до икоты, когда Сеанус предложил им эту историю из первых рук. Сеанус сказал, что царь был так напуган, что позеленел и стоял на лестнице, прижавшись спиной к двери, пока собак не взяли на поводок и не оттащили прочь. Он предупредил псарей, что перестреляет всех собак, как кроликов, если это случится еще раз.

— Телеус? — спросила царица.

— Я не знал, Ваше Величество.

Это не было оправданием. Это было признанием поражения.

— Почему ты не рассказал об этом раньше? — требовательно спросила Аттолия у царя.

Царя ответил, медленно произнося слова:

— Потому что тогда я еще не был избит своим собственным телохранителем.

Сеанус говорил, что царь не рассказывает царице о шалостях слуг, потому что не хочет признать собственную беспомощность. Он просто делает вид, что не замечает постоянно возрастающей наглости придворных. Но нападение царского гвардейца не могло пройти незамеченным для царицы.

— Таким образом, предлагаю сделку, — заключил царь. — Телеус, я дарю вам жизнь Костиса, а вы начинаете делать свою работу.

Костис знал ответ еще прежде, чем Телеус заговорил. Ни для кого не было секретом, что капитан всей душой презирает нового царя. Он не принял бы от Евгенидиса глотка воды в аду, не то, что жизнь младшего командира. Костис в соответствии со строгими принципами, которым была подчинена жизнь Телеуса, заслужил свою судьбу, с чем сам Костис даже наедине с собственной совестью не мог не согласиться. Снова перед его мысленным взором промелькнула виселица, его отделение, выстроенное на плацу, раздавленный стыдом отец.

— Прими сделку, Телеус, — резко приказала царица.

— Моя царица? — Телеус не верил своим ушам.

— Прими ее.

— Как пожелаете, Ваше Величество, — капитан казался ошеломленным не меньше Костиса.

— Ты искал партнера для тренировки сегодня утром? — спросила царица, обращаясь к Евгенидису.

— Да.

— С этого дня тебе будет служить Костис, — сказала она и вылетела из комнаты.

Кольца снова скользнули по стержню. Кожаная занавеска упала, и только звук быстро удаляющихся шагов не давал поверить, что все это не было кошмарным сном. Костис, все еще сгорбившись, с удивлением мигал в темноте под закрывавшими глаза ладонями. Когда шаги прозвучали у лестницы, он наконец опустил руки на пол по обе стороны от коленей. Костис осторожно коснулся досок, словно только что пережил землетрясение и еще не был уверен, что все закончилось. Затем он медленно сел. Землетрясение не закончилось. Царь все еще сидел на табурете, вытянув ноги и скрестив лодыжки.

Царь потер лицо, невольно замерев, когда палец коснулся припухшей скулы. Наконец он сказал:

— Это было довольно страшно, но ты, я полагаю, привык к потрясениям?

Костис тупо смотрел на него.

— Она не повесит Телеуса. Его нечем заменить.

Как будто царь рискнул жизнью Телеуса в попытке спасти Костиса, а не потерпел неудачу, пытаясь сместить одного из самых мощных сторонников царицы. Уж Костис-то понимал, что только что произошло у него перед глазами.

— Я же сказал, что она не станет отбирать ферму, — улыбнулся Евгенидис без всякого царского достоинства.

* * *

— Тебе все еще хочется повесить меня?

Она не слышала, как он вошел, но Евгенидис передвинул чернильницу на столе, чтобы она знала о его присутствии, прежде чем он заговорит. Он был очень внимателен к подобным мелочам. Она не оглянулась.

— Несколько мужских шей было сломано одним ударом, — сказала она.

Он бросил подушку на пол и со скрещенными ногами уселся подле ее коленей.

— Думаю, мне не стоит извиняться, — заметил он.

— Почему бы нет? — возразила Аттолия, глядя поверх головы Евгенидиса.

— Ну, — задумчиво протянул он. — Это было бы слишком скучно.

Напрасно было бы надеяться, что он перестанет совершать глупости, за которые следует извиняться.

— Что случилось? — холодно спросила она, и Евгенидис ссутулился, подсунув руки под подушку, на которой сидел.

— Я был зол на Телеуса. Костис пришел ему на помощь. — он вынул руку из-под подушки и начал рассматривать ладонь. — Я думал, ты захочешь повесить дурака Костиса.

— Обязательно. Если бы ты так ловко не связал его с Телеусом.

— Как с якорем, готовым потащить на дно, — согласился царь.

— Я думала, мы заключили соглашение насчет Телеуса.

— Конечно, — заверил он.

— Значит, ты рискнул капитаном, чтобы спасти жизнь глупого и бесполезного гвардейца?

— Однажды ты назвала Костиса своим верным слугой.

— Раньше он и был верным слугой. Теперь нет. Ты не оправдал его в моих глазах.

— Конечно, нет, — смиренно согласился царь.

Она испустила разочарованный вздох и неохотно приступила к выяснению истины.

— Ты солгал мне?

— Я никогда тебе не лгу, — убежденно заявил он. — О чем?

— О песке, о змее.

Для молодого человека, который никогда не лжет, он выглядел слишком смущенным.

— Тебе следует спросить об этом Релиуса. Твой Секретарь архива заподозрил неладное несколько недель назад и уже знал все, но сдался, осознав масштабы заговора.

— Тогда почему ты молчал?

— Не хотел, чтобы твои кухни и казармы совсем обезлюдели.

— Ты хотел спасти людей от заслуженного наказания?

— О, нет, — сказал царь. — Я всего лишь хотел быть уверенным, что наказание понесут те, кто действительно его заслуживает.

— Скажи, кто это, и они получат по заслугам.

Евгенидис покачал головой, и царица отступила.

Глава 3

На следующее утро Костис проснулся раньше обычного, когда мальчик-курсант постучал в деревянную раму его двери.

— Приказ капитана, — возвестил он. — Каждый не занятый на службе должен быть в полном обмундировании на плацу, когда протрубят зорю.

Костис слышал, как то же самое повторят дальше по коридору другие мальчики.

— Я должен тренироваться с царем, — потирая глаза сказал он.

— Капитан велел передать, что не сегодня. Он попросил царя начать обучения с завтрашнего дня.

— Все в порядке, спасибо, — ответил Костис, и мальчик побежал к следующей двери.

Костис откинул одеяло и поднялся на ноги. Вчера вечером Арис помог ему навести порядок в комнате, и все вещи вернулись на свои места. Осколки разбитой чаши были сметены в кучку. Пустой кувшин из-под царского вина по-прежнему стоял на столе рядом со вторым кубком. Когда будет время, Костис отнесет его обратно на кухню или отошлет с мальчиком.

Костис оделся. Он натянул нательную рубаху и кожаный мундир, кожаную юбку, которую прикрывал кольчужный фартук, закрепленный на поясе. Он застегнул железные щитки на голеньях, а так же на плечах и груди с помощью медных пряжек. Ремни под мышками были затянуты туговато, но он не стал их ослаблять. Арис принес его доспехи вчера вечером.

Посоветовавшись, они с Костисом пришли к мнению, что царь постарается отомстить на тренировке сегодня утром, но, похоже, царю придется подождать. Костис затянул потуже пояс с ножнами, а потом вытащил меч, чтобы проверить остроту лезвия.

Цепочка от воротника плаща пристегивалась к фибуле на плече таким образом, чтобы плащ висел за спиной, не стесняя свободы движений. Огнестрельного оружия у него не было, потому что он находился не на дежурстве. Каждый солдат имел собственный меч и кинжал, но пистолеты принадлежали царице и были заперты в арсенале. Гвардейцы получали их, только перед выходом на дежурство и сдавали обратно, возвращаясь с караула.

Одевшись, Костис спустился вниз во двор между бараками. Там уже собирались другие телохранители, но никто из них не заговорил с Костисом. Все отвернулись и отступили, когда он подошел к фонтану. Он плеснул немного воды в лицо и воспользовался ковшиком, чтобы напиться, стараясь не обращать внимания на других солдат, сосредоточенно глядящих на что-то, вероятно, очень интересное, в противоположном конце узкого двора. Затем он вернулся в казарму, чтобы проверить свое отделение и убедиться, что все они готовы к построению на плацу в назначенный час. Дирнес, например, медленно соображал по утрам.

Однако, сегодняшним утром все его люди были готовы и ждали его, молча ожидая приказа. Он кивнул в ответ на приветствие и повел их на плац. Отделение Костиса входило в восьмую когорту. Когда со стен прозвучал сигнал, возвещающий зорю, он уже стоял на своем месте на правом фланге своего отделения, один из более чем тысячи солдат, выстроившихся ровными рядами на плацу в ожидании своего капитана.

Телеус не заставил их долго ждать себя. Он сделал знак и центурионы^[2] по очереди начали выкрикивать номера своих когорт. Когда они закончили, над широким плацем можно было услышать только далекие голоса птиц и приглушенные звуки просыпающегося города за дальней стеной. Никто не двигался и не говорил, пока Телеус не выкрикнул, повысив голос:

— Костис Орментидес.

Костис почувствовал, как напряглись люди вокруг него. Никто не посмел повернуться, чтобы взглянуть на него, только Дирнес немного скосил глаза, чтобы посмотреть на командира отделения. Костис не знал, что ему следует делать, и почувствовал облегчение, когда сотник двинулся к нему с конца шеренги. Сотник дернул головой, и Костис шагнул вперед и проследовал в центр поля.

Они вместе с сотником щелкнули каблуками и остановились перед возвышением, глядя на своего капитана.

Всего несколькими словами капитан лишил Костиса его звания командира подразделения.

— По воле царя ты можешь быть освобожден от клятвы служить ему. Ты можешь взять свои вещи и покинуть дворец сегодня утром. Ты хочешь уйти?

Костис не был готов к такому вопросу. Он ожидал, что Телеус уволит его из гвардии, чтобы помешать царю осуществить свою месть. Неожиданно ему предложили самому выбрать уйти или остаться. Его язык одеревенел и с трудом выталкивал слова изо рта.

— Я остаюсь, сэр.

Так как Телеус продолжал смотреть на него сверху вниз, Костис понял, что отвечает слишком тихо.

— Я остаюсь, сэр! — гаркнул он.

Телеус поднял голову, чтобы выкрикнуть следующее предложение.

— По воле царя любой из вас может быть сегодня освобожден от клятвы служить ему. Любой гвардеец может оставить свое подразделение, собрать вещи и покинуть дворец без взыскания.

Ни один человек на плацу не шелохнулся.

— Вам будет предоставлено время обдумать ваше решение, — заявил Телеус.

Он кивнул Костису, который вернулся в строй, но уже не к своему отделению. Он последовал за сотником к концу шеренги и занял свое место среди рядовых. Гвардейцы вытянулись в струнку. Пришло несколько минут, а затем еще несколько. Прошелестел тихий ропот, когда несколько самых отважных солдат осмелились прошептать комментарии своим товарищам. Послышалось шарканье сапог. Сотник прикрикнул на своих людей, чтобы держали строй, и возня прекратилась.

Они стояли до тех пор, пока солнце не поднялось в небе, и его лучи не осветили западную часть плаца. Те, кто стоял в тени завидовали своим товарищам, греющимся на солнышке, пока предрассветная прохлада не исчезла; солнце поднималось все выше и выше, а дворцовая гвардия все еще стояла по стойке «смирно». Когда пришло время смены караула,

центурионы вывели людей на службу, но прочие остались. Сменившиеся часовые прибывали по двое, по трое и спокойно занимали свободные места. Телеус, все так же стоящий перед своими людьми, снова предложил освободить от службы любого, кто этого пожелает, но никто не двинулся. Миновал полдень, день начал клониться к вечеру. Снова сменились часовые, снова прозвучало предложение оставить службу. Несколько человек не выдержали перегрева и обезвоживания. Они повалились на землю, как снопы. Сотник приказал вынести их с плаца, но придя в сознание, они вернулись на свои места.

Стояло лето, и день был длинный. Наконец солнце начало опускаться к горизонту и длинная тень поползла от западной стены. Потные тела стали остывать. Вечерний ветерок охлаждал спины солдат, они дрожали, не смея запахнуть плащи, но ни один не сдвинулся с места. Солнце коснулось горизонта. Трубы возвестили конец третьей стражи и окончание срока, когда каждый солдат дворцовой охраны мог вернуть свою клятву. Наконец Телеус крикнул:

— Да здравствует царь!

— Да здравствует царь! — Ответили гвардейцы и были отпущены на отдых.

В тишине они потянулись назад к казармам. Когда они достигли своих дворов, кое-кто позволил себе застонать и помахать руками, разминая застывшие мышцы. Костис направился к двери казармы, намереваясь отступить в свою комнату, пока не уляжется буря возмущения, вызванная дисциплинарным взысканием Телеуса. Он знал, что ему еще предстоит столкнуться с гвардейцами, но пока не был готов к этому.

Четыре или пять человек, разговаривая, стояли в дверях, и он не мог пройти. Когда Костис попытался проскользнуть между ними, он услышал, как один из солдат сказал:

— Мы знаем, кому сказать «спасибо», — и вздрогнул.

Рука вытянулась из толпы, заставив Костиса остановиться.

— Ах, Серпус, не думаю, что нам следует винить во всех неприятностях одного Костиса.

Рука и голос принадлежали Сеану. До своего назначения в свиту царя он занимал должность лейтенанта гвардии. Он был вторым сыном барона Эрондитеса и, без сомнения, получил свою должность благодаря связям отца, а не собственным заслугам.

Одним богам известно, когда он успел пробраться в казарму, хотя, конечно, весь дворец должен был знать о позоре Костиса и экзекуции, устроенной Телеусом. Гвардия стояла на плацу весь день. Так что невозможно было представить, что кто-то еще не знает об этой истории, или кто-то сможет воспрепятствовать визиту Сеануса в казарму, если он был на данный момент свободен от службы царю.

— Нет, господа, не думаю, что нам следует винить последнюю каплю, переполнившую чашу терпения. — он взъерошил волосы Костису, как маленькому мальчику. — Если царь в конце концов потерял терпение, думаю, вам следует искать первопричину в песке. Песок в постели так воспаляет геморроиды, особенно если в этой постели нет больше ничего, кроме песка.

Мужчины вокруг рассмеялись. Сеанус подтолкнул Костиса к лестнице, и тот с благодарностью шагнул вперед, пока телохранители отвлеклись на обсуждение песка, царя и царской бессонницы.

— А что, были и другие приступы песочной лихорадки? — спросил Сеана один из гвардейцев.

— Не думаю, иначе бы я знал, — ответил Сеанус со своей холодной улыбкой.

— Релиус узнает, — сказал телохранитель. — Релиус все будет знать уже к утру.

Раздался громкий смех. Секретарь архива имел свою армию шпионов, способных добыть ему любую информацию.

Уже поднявшись на лестницу, в пределах видимости своей комнаты, Костис внезапно обернулся и потянул за рукав Аристоготона, стоявшего среди окружавших Сеана солдат. Все они были опытными вояками, но еще не ветеранами. Арис попытался освободить руку, но Костис крепко ухватил его за локоть и резким рывком выдернул из толпы, подтверждая свое намерение отвести его вверх по лестнице подальше от остальных. Арис сдался.

Тем не менее, Костис почти силой тащил своего друга в темноте до верхнего пролета узкой лестницы. Они остановились чуть ниже площадки. Там горела всего одна лампа, позволяющая разглядеть поднятое вверх лицо Ариса. Костис, стоя на ступень выше, наклонился к другу.

— Скажи мне, — сказал он жарким шепотом, — ты участвовал в проделках Сеануса?

— Зачем мне это?

— Не ври мне, Арис. Я видел твое лицо!

— Ну и что?

— Что ты сделал?

Арис потер лоб.

— Кажется, это я передал записку, в которой говорилось, что царь хочет посмотреть гончих в Львином дворике.

— Что ты имеешь в виду, когда говоришь, что тебе кажется?

— Записка была запечатана. Откуда мне знать, что там было написано?

— Но ты понял, что здесь что-то не так? Почему царское послание отправили с тобой? Кто тебе его дал?

— Костис...

— Кто? И почему ты доставил его, дурак?

— А что я должен был делать? Скажи, если сам такой умный?

— Пораскинуть мозгами.

— Ну, конечно, ты бы вежливо отказался, Костис, потому что ты не из охлоса. Хочешь знать, кто попросил меня передать записку? Второй сын человека, которому мой отец платит налоги. Что я должен был делать? Что бы ты сам сделал? — Арис вскинул ладони. — Я знаю, что бы ты сделал. Ты бы сказал «нет», и к черту последствия, потому что твое чувство чести широко, как разлив Сеперхи. Извини, Костис, я не такой благородный.

— Я тоже не такой, — отрезал Костис. — Иначе не дал бы священную клятву защищать своего господина, чтобы потом полезть на него с кулаками.

Арис фыркнул. Костис постарался сосредоточиться. Он никогда не знал за собой таких внезапных вспышек ярости, хотя часто наблюдал их у других солдат.

— Что ты собираешься делать? — спросил он, и Арис пожал плечами.

— Релиус узнает, кто доставил записку, если уже не узнал. Расскажи капитану до того, как это сделает Релиус.

— И что будет с моей семьей? — спросил Арис.

— А что будет с тобой, если ты не скажешь капитану?

Арис задумался.

— Наверное, я должен.

Теперь настала очередь Костиса пожать плечами. Он не хотел походить на лицемера.

— Думаю, так будет правильнее.

— Да, да, — согласился Арис. — По крайней мере, сохраню свою честь.

— А это очень важно, — произнес Евгенидис.

Арис с Костисом подпрыгнули при звуке царского голоса. Он стоял на площадке над ними, как привидение. Его темные волосы сливались с темнотой позади него, в то время, как белое пятно рубахи, освещенное фонарем парило над полом в сиянии золотой вышивки. После короткого паралича Арис вытянулся по стойке «смирно». Костис узнал голос, как только услышал первые звуки. Он глядел не на царя, а за его плечо, высматривая свиту, которая, конечно, должна была сопровождать государя. Через секунду он понял, что кроме них, здесь никого больше нет.

Было невозможно поверить, что внизу Сеанус болтает о песке в царской постели, когда его господин стоит здесь, наверху, но настолько же невозможным казалось, чтобы царь появился в казарме один, без своих личных слуг и Сеануса в том числе.

Евгенидис наклонился вперед и прошептал на ухо Аристогетону:

— Поговорите с Телеусом утром, — сказал он достаточно громко, чтобы Костис тоже услышал.

Потом он отступил за угол, где начинался ведущий к лестнице коридор. Ни единого звука шагов. Когда Костис вытянул шею, чтобы посмотреть за угол, царя уже не было.

* * *

На следующее утро Костис проснулся перед рассветом еще до сигнала и начал одеваться со странно знакомым чувством страха. Он уже однажды испытывал этот страх, когда сбежал от учителя и провел весь день, играя в лесу, вместо уроков. Что бы ни случилось сегодня утром, синяки, как и следы розог учителя, скоро пройдут, да Костису было и не привыкать к синякам. Он пытался вернуть себе мужество мыслью, что по справедливости должен был бы болтаться в петле, а не готовиться к тренировке с самим царем. Он никогда не боялся боли, даже в детстве, когда взбунтовался против учителя, но сейчас, направляясь к тренировочной площадке, ощущал сосущую пустоту под ложечкой.

Он пришел рано. Никто не заговаривал с ним. Солдаты подвергали остракизму опальных телохранителей. Капитан пришел и встал рядом с ним, но ограничился молчаливым кивком в качестве приветствия. Наконец явился царь, в этот раз в сопровождении четырех слуг и телохранителей. Он оставил их у входа на полигон и в одиночестве прошел через открытое пространство. Приблизившись к Костису и Телеусу, он вежливо кивнул им обоим. Меч он принес с собой и засунул его под правый локоть, чтобы помахать рукой, приглашая начать занятие. Костис поморщился. Капитан занасекомил бы любого из телохранителей, посмеявшегося так небрежно обращаться с оружием.

— Начнем с первого упражнения?

Костис послушно занял позицию для прямого выпада и парирования. Он знал, что царь не был солдатом, но сильно удивился тому, что Евгенидис не освоил простейших приемов фехтования. Возможно, он утратил мастерство вместе с правой рукой, но Костис считал, что у царя было достаточно времени перейти на левую руку. Прошло немало месяцев с тех пор, когда царица поймала его в своем дворце и приказала отрубить кисть руки. Тогда он было просто Вором Эддиса и не успел еще украсть трон Аттолии и саму царицу.

Телеус отступил назад и притворился, что не смотрит. Остальные гвардейцы сделали то

же самое. Холодок пополз у Костиса между лопатками.

— Ты слишком низко держишь меч, — спокойно сказал Евгенидис, и Костис заставил себя отвести взгляд от охранников и посмотреть на царя.

Евгенидис приподнял одну бровь. Костису пришлось упереться подбородком в грудь, чтобы сдержать возмущенное сопение. Он был не самым лучшим фехтовальщиком и не имел боевого опыта ветеранов, но за что боги наказывают его, заставляя начинать с первого упражнения?

Евгенидис прочитал его мысли и злобно ухмыльнулся. Костис стиснул зубы, поправил меч и уставился на вышитую грудь царской туники. Царь не двигался. Костис стоял с мечом в вытянутой руке, в то время как царь напротив него все еще держал меч под мышкой. Рука и плечо Костиса начали гореть. Деревянный меч для тренировок весил столько же, сколько настоящий, и совсем непросто было стоять в глубоком выпаде, особенно после того как мышцы еще ныли от долгих часов неподвижности накануне.

Наконец царь встал в позицию. Он отбил меч Костиса в сторону и сделал выпад, остановив острие клинка в дюйме от груди Костиса.

— Еще раз? — сказал он.

Костис вернулся в позицию. Потом снова и снова. Царь не имел достаточно навыка, чтобы вести тренировочный бой и избить Костиса, как ожидали в гвардии, но он мог бесконечно повторять одно и то же упражнение, заставляя Костиса стоять неподвижно и из последних сил скрывать напряжение, которого требовала эта неподвижность. Костис был полон решимости не допустить, чтобы его усилия стал заметными публике. Он сосредоточился на острие вытянутого вперед меча, желая только одного: добиться полной неподвижности.

Царь после первой своей насмешливой улыбки обратился к практике, переключив на нее все свое внимание. Его сосредоточенность была еще хуже издевательства. Если бы он смеялся, Костис мог бы рассердиться, и гнев придал бы ему сил, но Евгенидис с почти сверхъестественным спокойствием отбивал меч, делал выпад, блок и возвращался в стойку. Однообразный стук клинков уже отдавался толчками головной боли. Отбить, выпад, блок, стойка, отбить, выпад, блок, стойка.

Костису хотелось откинуть голову назад и завывать прямо в яркое небо. Боги, так вот какого царя вы дали Аттолии?

Наконец люди вокруг них стали отворачиваться и уходить. Костис ожидал, что каждый выпад будет последним, но царь, казалось, ничего не замечая, говорил:

— Еще раз? — после каждого из них.

Солдаты ушли. Единственными людьми на плацу между стеной дворца и казармами остались Костис, царь, Телеус и царские слуги, развалившиеся на нижних ступенях лестницы. Наконец подошел один из спутников царя. Он был выше своего господина, примерно одного роста с Костисом, дорого одет и преисполнен достоинства.

— Ваше Величество? — сказал он холодным высокомерным тоном.

Евгенидис опустил меч и отступил от Костиса, чтобы оглядеть пустое поле. Он поднял лицо к солнцу.

— Я вижу, начинается день, — вежливо сказал он. — Спасибо, Костис.

Он довольно кивнул. Костис отступил назад и чуть не споткнулся. Царь заметил его неловкость и приподнял бровь. Костис не сомневался, что является объектом скрытого злорадства. Он поклонился и зашагал прочь. За его спиной Телеус что-то говорил царю, но

он уже ничего не слышал.

С полигона он прошел прямо в столовую, немного поколебавшись в дверном проеме. Здесь тоже никто не приветствовал его. На него даже не посмотрели. Он огляделся, но Аристоготона не увидел. Костис надеялся, что тот был на дежурстве, но полагал, что Арис избегает ситуации, когда ему придется поддержать Костиса или публично игнорировать его. Костис направился к кухне, и цепочка мужчин, стоящих перед раздаточным окошком расступилась перед ним, словно перед прокаженным. Он взял миску каши, пару ломтей сыра и горсть сушеных абрикосов, а потом сел за длинный стол в углу комнаты.

Он смотрел на еду и не мог заставить себя проглотить хоть крошку.

Но он был слишком горд, чтобы встать и уйти.

На столешницу рядом с ним опустилась кружка. Громкий удар деревянной чашки о доски стола, словно стук в двери храма, возвестил, что кто-то пришел разделить его одиночество.

— Арис, не глупи.

— Уже поздно что-то менять, — сказал Арис, перешагивая через скамью и усаживаясь рядом с Костисом.

Он оглядел комнату, словно вызывая противников на бой. Через некоторое время один из командиров отделения, старше их обоих, встал из-за стола и пересек комнату, чтобы присоединиться к ним.

— Не то, чтобы мы тебя одобряли, — сказал он, — но кто из нас не мечтал завалить его?

Один за другим командиры отделений присоединялись к их компании, и Костису пришлось испытывать новую неловкость, не такую болезненную, но не менее острую, потому что все они смеялись над его тренировкой с царем. Костис поставил локти на стол и оперся подбородком на руки, демонстрируя полное равнодушие к их насмешкам, и ощущая блаженную слабость в коленях. Он больше не был командиром отделения, но по-прежнему оставался членом гвардии, а не опальным изгоем.

Командиры ели и расходились по своим делам. Арис задержался немного дольше.

— Ты должен поесть, — заметил он Костису.

— Я поем, — обещал Костис. Он был слишком слаб и слишком смущен, чтобы чувствовать голод. — Как ты думаешь, почему они так поступили? — спросил он, благодарный, но удивленный своему возвращению из небытия.

— Они любят тебя, — сказал Арис. — Они тебя уважают, балбес ты.

— За что? — спросил Костис, не подозревая, что замечательного могли найти в нем все эти люди.

Арис упал головой на руки, в отчаянии от такой наивности.

— В этом, Костис, и заключается разница между тобой и кем-то вроде лейтенанта Энкелиса. Ты не думал, что заслуживаешь повышения после Тегмиса, ты сказал, что просто выполнял свой долг. Энкелис никогда не возьмется за дело, не получив аванса. Он мечтает когда-нибудь стать капитаном и из кожи вон лезет ради своей цели. Ты же просто стараешься как можно лучше делать свое дело, вот почему каждый считает, что ты обязательно станешь сотником или лейтенантом, а может быть, даже и капитаном. Они не против когда-нибудь увидеть тебя капитаном. Но они никогда не захотят Энкелиса. — Арис осушил свою кружку и встал. — Мне пора на дежурство. А ты давай ешь.

Костис не сразу последовал его совету. Он думал. Вскоре он почувствовал чью-то руку

на своем плече.

— Вымойся и переоденься, — сказал Телеус. — Царь хочет тебя видеть.

Костис с недоумением уставился на него.

— Быстро, — приказал Телеус.

С сожалением посмотрев на завтрак, выглядевший теперь таким аппетитным, Костис вышел. В присутствии Телеуса он не мог перехватить даже ложку каши. Он поспешил в свою комнату, чтобы собрать свои вещи, и понес их вниз по лестнице через двор в баню.

Баня для телохранителей располагалась в одном из длинных барачков. Ее венчал элегантный купол с претензией на аристократичность, но внутреннее устройство было весьма утилитарным. Конечно, на парную и парикмахера времени не оставалось. Костис сбросил одежду на скамейку и поспешил в тепидариум,^[3] чтобы зачерпнуть ведро теплой воды и опрокинуть его на голову. На каменном блюде оставался еще кусок тяжелого, как булыжник мыла, которым он воспользовался, чтобы соскоблить с себя грязь. Пены от него не было совсем. Арис говорил, что те шероховатые комки, которые им выдают в бане, на самом деле являются не мылом, а пемзой, которая соскребает грязь с кожи, не намыливая ее. Он зачерпнул еще воды, чтобы ополоснуться и осторожно, боясь поскользнуться, шагнул вниз по ступенькам от бассейна.

Появился банщик с узким полотенцем, чтобы вытереть Костиса и помочь ему одеться. Затянув нагрудник с пряжками, банщик отступил назад, но Костис беспомощно развел руками.

— У меня нет ни одной монеты. Извини.

Все деньги пропали. До следующей полочки он будет на мели. Банщик махнул рукой, и Костис поспешил прочь. Телеус повел его во дворец. Следуя за своим капитаном, Костис с тревогой спрашивал себя, что еще готовит ему судьба. Капитан сказал только, что царь желает его видеть и ожидает его присутствия за завтраком. Нервно оглядываясь, он шел за Телеусом по бесконечным коридорам и комнатам дворца, сначала знакомым, а потом неизвестным. Как член восьмой когорты, Костис никогда не был допущен во внутренние покои. Около некоторых дверных проемов стояла стража, охранники приветствовали Телеуса, и он кивал, когда они проходили мимо. Наконец они пересекли узкий двор и прошли сквозь арочный туннель, ведущий к террасе с видом на царский сад. Здесь в ожидании замерли личные слуги царицы, стоял сервированный к завтраку стол и за этим столом в одиночестве сидела царица.

Она коротко взглянула на Телеуса, но ничего не сказала. Телеус занял позицию у входа в арку и приготовился ждать. Костис сделал то же самое.

Явился царь, сопровождаемый собственным отрядом телохранителей и личными слугами. Его волосы были блестящими и влажными, кожа выглядела свежеевымытой. Проходя мимо Костиса, он заметил его и, повернув голову, одарил короткой улыбкой, словно признавая, что Костис явился к месту встречи первым.

— Ты опоздал, — сказала Аттолия мужу.

— Мои извинения, — ответил царь.

Один из его спутников отодвинул для него стул, и Евгенидис сел. Слуги поклонились и удалились, оставив царя с царицей в присутствии одних телохранителей.

— Этот пояс не подходит к твоей тунике, — заметила царица.

— Как ты уже заметила, я опоздал. — Евгенидис наклонил голову, чтобы посмотреть на свою талию. Его туника была желтой, так же как и пояс, но другого оттенка. — Мои слуги

сегодня превзошли самих себя в стремлении выпрядить меня чуелом.

— Ты недоволен своими слугами? — спросила царица.

По спине Костиса пробежали мурашки при мысли о судьбе любого мужчины или женщины, не оправдавших ожиданий царицы.

— О, нет, — сказал царь. — Всего нет необходимости кипятить их в масле. Не сомневаюсь, что со временем их вкус улучшится.

— Может быть, если ты не будешь заказывать одежду цветов, которые удовлетворят только канарейку.

Царь наклонил голову набок и быстро посмотрел на нее, словно взвешивая свой ответ.

— Ты права, — спокойно согласился он. — Я должен был бы придерживаться эддисийской моды на черные туники с лакированными черными сапогами. Я мог бы так же пудрить волосы в континентальном стиле, и тогда ты смогла бы воображать, что вышла замуж за моего отца.

Царица махнула охранниками, и солдаты отошли из зоны слышимости, но не раньше, чем царица ответила, что царский свекор, по крайней мере, не теряет чувства собственного достоинства.

— И он никогда не опаздывает к завтраку, — заметил царь, откусывая кусок булки.

Когда завтрак был закончен, царь встал и обошел вокруг стола, чтобы поцеловать жену в щеку. Этот собственнический жест царица перенесла со стойкостью мраморной статуи. Костис оцепенел. Он изо всех сил пытался отогнать видение старой царицы, целующей свою дочь. Казалось, взрослая Аттолия сжалась на его глазах до размеров ребенка. Расстроенный этим видением, он несколько замешкался и с опозданием сообразил, что все присутствующие на террасе смотрят на него. Царь приказал ему подойти и ждал, приподняв бровь.

Когда Костис шагнул вперед, царь тщательно осмотрел его с ног до головы. Он даже наклонился ближе, чтобы рассмотреть пряжки на доспехах Костиса, в то время как сам Костис лихорадочно подсчитывал в уме, сколько времени прошло с того дня, как он последний раз чистил их. Судя по недовольному взгляду царя, Костис сделал вывод, что какая-то из пряжек позеленела или на нагруднике обнаружилось пятно.

— Насколько понимаю, тебя вычеркнули из графика дежурств?

— Да, Ваше Величество.

Царь обратился к капитану.

— Значит, теперь он так и будет болтаться, как фиалка в проруби?

— Уверен, что смогу найти применение для него, Ваше Величество.

— У меня есть одна идея, — сказал царь. — Он может служить мне.

— Рота ваших телохранителей полностью укомплектована, Ваше Величество. Но мы можем расширить ее на одну единицу, если пожелаете.

— Нет, не под чужой командой.

— Вы хотите, чтобы он числился отдельно от охраны? — голос Телеуса звучал озадаченно.

— Вот именно... будем считать его лейтенантом.

Телеус был ошеломлен.

— Да. — Царь кивнул, словно внезапно озаренный гениальной идеей. — Я хочу, чтобы его произвели в лейтенанты, и чтобы он служил и подчинялся лично мне. Каждый день, пока я не уволю его. Утром и днем. Я сам сообщу ему, если он понадобится мне вечером. Он

может начать прямо сейчас.

— Костис не прошел лейтенантских курсов, — вежливо запротестовал Телеус. — Он не знаком со служебными протоколами внутреннего дворца.

— Он сможет учиться прямо на службе.

Царь принял пистоль из рук Костиса. Лейтенанты не носили огнестрельного оружия. Он передал его Телеусу и махнул рукой, отпуская капитана восвояси.

Так как Телеус все еще стоял на месте, царь махнул снова, отгоняя его от себя, словно навязчивого комара. Капитан поклонился, бросил на Костиса ничего хорошего не обещающий взгляд и удалился.

— Уверен, что он проинструктировал тебя, как не опозориться для начала, — заметил царь и обратился к своим придворным. — Куда мы сегодня идем?

Сегодняшний день казался еще кошмарнее предыдущего. Растерянный Костис, царь, его помощники и телохранители пробирались через запутанный лабиринт коридоров дворца, перестраивавшегося семью знаменитыми архитекторами в течение бесконечного ряда лет. Деловой день начался с консультации специалиста по производству оливкового масла и налогообложению. Когда все было закончено, царь спросил Костиса, как лучше взимать налог: с каждого дерева или попытаться оценить производство масла из года в год?

— Я не знаю, Ваше Величество, — ответил Костис.

— Хм, — сказал царь. — Я думал, ты вырос на ферме?

Далее последовал урок мидийского языка. Царь, явно скучая, бродил по комнате, но Костис старался держаться начеку. Казалось, царь шестым чувством угадывал, когда его лейтенант впадал в задумчивость.

— Костис, как будет по-мидийски «смерть»? Не могу вспомнить.

Костис начинал ломать голову, пытаясь вспомнить последние услышанные им слова, которые он, кстати, совершенно не понимал.

— Шуут, — сказал он наконец.

Явно разочарованный, царь задал ему новый вопрос, и пока Костис напрягался в поисках ответа, еще несколько. Как спрягается глагол «ударить»? «Предатель»? «Идиот»?

— Простите, Ваше Величество. Я слышал только часть урока, — взмолился Костис.

Ни одно из этих слов не было упомянуто преподавателем Его Величества.

— Ты мог бы обратить внимание на то, что происходит вокруг, а не рассматривать мух на потолке. Моя жизнь зависит от тебя, знаешь ли.

Костису казалось, что он умер и пересек реку мертвых, сам того не заметив.

Наконец один из слуг шагнул вперед и сообщил, что пришло время царю вернуться в свои покои и перекусить. Царь вежливо попрощался с учителями, выглядя при этом вполне искренним.

В коридоре царь пропустил слуг вперед и пошел рядом с Костисом.

— Итак, Костис, — сказал он, — ты узнал все, что тебе следует знать о Мидии?

— Нет, сир, — ответил Костис, рассудив, что это будет наиболее безопасным ответом.

Царь зевнул, прикрыв рот рукой.

— Я тоже, — сказал он.

Они дошли до угла. Встречные слуги вежливо расступались перед свитой, Сеанус бормотал направление движения. Царь оглянулся вокруг.

— Я думал, нам в другую сторону, — указал он.

— Нет, Ваше Величество, — хором ответили терпеливые слуги.

Вход в покои царя, как и царицы, всегда охранялся. Царь кивнул охранникам, расступившимся перед дверью. Костис поколебался, не зная, следует ли ему войти внутрь или остаться в коридоре. Чья-то ладонь между лопатками побудила его шагнуть вперед. За дверью он обнаружил приемную, элегантно отделанную деревянными панелями и освещенную высокими окнами в дальней стене. Это была прихожая царских покоев, где он заметил нескольких солдат и одного из лейтенантов Телеуса. Внезапно Костис с испугом вспомнил, что и сам теперь является лейтенантом гвардии.

Охранники, которые теперь стояли по стойке «смирно», вероятно, занимали скамьи вдоль стен. Царь махнул им рукой, одновременно здороваясь и отпуская, и солдаты немного расслабились, сохраняя, однако, внимательный и бдительный вид. Один из них распахнул дверь справа от царя, и тот вошел в нее в сопровождении своих слуг. Из дворцовых слухов и от Сеана Костис знал, что представляет из себя спальня царя. Другого выхода из нее не было.

Это не были царские апартаменты с несколькими постами охраны, прихожими, внутренними коридорами между караульными помещениями и комнатами дежурных служанок. Царица не освободила парадные покои, а Евгенидис, видимо, отказался перейти в комнаты, традиционно предназначавшиеся для царицы. Если бы он сделал это, его покои были бы соединены внутренними коридорами с комнатами царицы, и ночные перемещения царя остались бы за пределами внимания общественности. При нынешнем положении дел царь не мог посещать царицу без неловкого прохождения через собственную прихожую, полную охраны и слуг, по общему коридору мимо телохранителей и служанок царицы. Так что всем было хорошо известно, что подобных визитов никогда не случалось. Царь редко посещал покои царицы и всегда только днем. Царица никогда не бывала в его апартаментах.

— Можешь идти, если хочешь, Костис, — сказал царь из своей комнаты. — Но не опаздывай вернуться после обеда.

Дверь закрылась, и Костис остался стоять. Он беспомощно оглянулся на лейтенанта, мерившего его оценивающим взглядом. Он бросил взгляд через плечо Костиса на команду ветеранов за его спиной. Волосы на затылке Костиса шевелились, пока он ждал безмолвной оценки ветеранов. Вероятно, она оказалась положительной; лейтенант улыбнулся и сказал Костису, что он свободен от дежурства.

— Тогда я могу просто уйти?

— Да. Позаботься вернуться вовремя, чтобы проводить его отсюда в зал для просителей. Я прослежу, чтобы начальник второй смены показал тебе, где ты должен находиться во время суда.

Только выйдя в коридор, Костис понял, что понятия не имеет, как ему выбраться из дворца. Он оглянулся через плечо на стражников у царских дверей. Они с интересом смотрели на него, и Костис был не настолько глуп, чтобы спрашивать у них дорогу. Сделав глубокий вдох, он решил повторить свой путь до центральной части дворца. Там он уже окажется на знакомой территории.

Он обнаружил, что помнит большую часть маршрута. Поворачивать пришлось так часто, что в конце концов любопытство взяло верх, и он решил проверить несколько сквозных проходов. По счастливой случайности он обнаружил широкий коридор, ведущий прямо к центру дворца. Выбравшись на волю, он отправился в казарму искать Телеуса.

Большую часть своего драгоценного свободного времени Костис провел, пытаясь разыскать капитана гвардии. Наконец бросив эту затею, он схватил кусок хлеба в столовой и

направился обратно в покои царя, но сразу был остановлен охраной на входе во внутренний дворец. Никто не препятствовал его выходу, но для того, чтобы пройти обратно, требовалось специальное разрешение. В ответ на его объяснения, солдаты с сомнением посмотрели на Костиса, но послали к лейтенанту. Должно быть, Телеус оставил распоряжения, потому что посланец вернулся с пропуском для Костиса, и стражники указали ему дорогу.

К тому времени, когда Костис наконец добрался до царских апартаментов, назначенное для выхода время прошло. Уже не было времени для получения дальнейших инструкций. Костис не успел войти в прихожую, как царь вышел ему навстречу, и Костису пришлось присоединиться к свите.

Дневное заседание суда проходило в большом зале в центральной части дворца. Костису уже случалось видеть раньше тронный зал Аттолии, но не так часто, чтобы привыкнуть к его величественному виду. Зато Евгенидис, похоже, вовсе не замечал ни золотую мозаику, ни массивные колонны в несколько этажей высотой, поддерживающие крышу.

Так называемый царь Аттолии упал на трон рядом с царицей и улыбнулся ей.

— Я не виноват, что опоздал, — сказал он с детской радостью. — Костис не вернулся вовремя после обеда. Пришлось дожидаться его.

Аттолия не пожелала отвечать. Костис, повинувшись инструкции, процеженной сквозь зубы камергером, и толчку телохранителя нашел свое место у стены и приготовился наблюдать государственные дела с безопасного расстояния. Делами занималась царица. К царю никто не обращался, и он не произносил ни слова. Интерес Костиса постепенно ослабел, ему стало скучно, но тем не менее, он позаботился сохранить на лице сосредоточенное и заинтересованное выражение. Царя не беспокоили. Во время одной особенно длинной речи елеонского барона по поводу уплаты налогов, царь откинул голову на спинку трона, закрыл глаза и, судя по всему, заснул.

Наконец судебное заседание подошло к концу. Те, кто не был заслушан, должны были прийти на следующий день. Царь с царицей встали. Слуги с телохранителями окружили их и вывели из зала. В коридоре они шли рука об руку.

— Ты имеешь право говорить во время суда, — сухо заметила царица.

— Имею, — согласился царь. — Я как раз собирался сказать Артадорусу, что ему пора подстричься.

— Ты произвел бы большое впечатление, разговаривая во сне.

— Я слушал, — возмущенно возразил царь. — Я закрыл глаза, чтобы лучше слышать.

— И что же ты услышал?

— Я не все понял, — сказал он. — Вот почему я слушал так внимательно. Возможно, я попрошу барона повторить некоторые тезисы его доклада о налоге на зерно.

— Уверена, что вы сможете договориться об аудиенции.

— Уверен, сможем.

Отпущенный наконец на свободу, Костис вернулся в казармы. Совершенно измученный, как после дня сражения, он шатаясь плелся по лестнице в свою маленькую, но такую уютную комнатку. Кожаная занавеска, служившая ему дверью, была откинута в сторону. Комната была совершенно пуста, все его вещи, даже одеяла с голого матраса исчезли бесследно. Чувствуя себя совсем разбитым, Костис опустил на трехногий табурет, на котором днем раньше так удобно восседал Его Величество, и спросил себя, что ему делать дальше.

Долго ждать не пришлось, вскоре появился юный кадет.

— Капитан распорядился, чтобы вы сразу явились к нему.

Костис поблагодарил и направил усталые шаги вниз по лестнице и вдоль по коридору мимо контор военной канцелярии. Узкая лестница вдоль внешней стены казармы вела к небольшой двери в маленькой пристройке. Костис постучал.

Телеус сидел за письменным столом. Рядом с его локтем стоял поднос с ломтями хлеба и сыра, а также амфора и кубок для вина. Рядом на табурете сидел Секретарь архива Релиус со вторым кубком в руке. Он кивнул Костису. Костис постарался справиться с непроизвольной дрожью, пробежавшей от затылка вниз по позвоночнику. Телеус продолжал писать. Костис ждал.

— Он попытается снова, вы знаете, — сказал Релиус капитану гвардии, продолжая прерванный Костисом разговор. — Когда он будет более уверен в своих силах, он выступит против нас обоих.

— Если мы нужны царице, она будет беречь нас, как делала это до сих пор, — сказал Телеус, проверяя написанное и добавляя еще несколько строк.

— А если мы не будем нужны? — спросил Релиус.

— Если мы перестанем быть нужными, то зачем ей нас защищать? — удивился Телеус.

Релиус вздохнул.

— Никто не сомневается в нашей полезности и преданности, — сказал он. — Но незаменимых не бывает. Я сам говорил ей это много лет назад. — он медленно потягивал вино. — Вы могли бы выйти в отставку, — предложил он Телеусу.

Капитан поднял голову от бумаг.

— Вы тоже могли бы, — ответил он. — Но ни вы, ни я этого не хотим.

Он снова вернулся к письму. Релиус встал и поставил свой кубок на поднос. Он расправил складки дорогого платья. Потом аккуратно провел ладонью по и без того идеальной прическе. Затем похлопал Телеуса по плечу, улыбнулся Костису и, не говоря больше ни слова, вышел. Костис ждал.

Наконец Телеус опустил перо.

— Ты был на год моложе призывного возраста, когда я принял тебя. Ты знаешь, почему я сделал для тебя исключение?

— Нет, сэр.

— Еще один год на ферме твоего дяди, возможно, разрушил бы тебя, а я не хотел, чтобы твои способности были растрчены впустую. А они у тебя были, не так ли? Ты сам перечеркнул свою карьеру.

— Я очень сожалею, сэр.

— Я хотел бы думать, что стремление к справедливости временно перевесило здравый смысл, но нападение на человека, неспособного защитить себя, оправдать очень трудно. Оно заслуживает презрения, — добавил он, — хоть твои товарищи, может быть, и одобрили твою выходку.

Костис открыл рот, но не нашел слов. Впрочем, Телеус поднял ладонь.

— Твои вещи перенесены в квартиру лейтенанта. Мальчик покажет, в какую именно.

— Сэр, я не понимаю.

— Что ты не понимаешь, лейтенант?

— Как я могу быть лейтенантом, сэр?

— Потому что ты был повышен по прихоти царя, а не в соответствии с твоими заслугами. Если царь добьется моего устранения, ты получишь шанс стать капитаном

гвардии. Это шутка, Костис. Ты стал царской шуткой. Если не хочешь стать шутком, тебе остается только честно выполнять свой долг и делать это хорошо. Нет сомнения, что он сделает попытку разрушить власть и других людей. Мы не должны стать для него легкой добычей. Вот твое расписание. — он пододвинул бумагу к краю стола. — Ты будешь выполнять все положенные по должности служебные обязанности, а в остальное время плясать под царскую дудку. Будь я проклят, если буду терпеть у себя в легионе ряженого лейтенанта. Свободен.

Выйдя на лестницу, Костис остановился, чтобы посмотреть график. Он в ужасе таращился на лист бумаги. Царю не нужно было вешать его, он сам умрет от истощения через месяц. Он было повернулся, чтобы вернуться к Телеусу, но спорить с капитаном не имело смысла. Ноги медленно несли его вниз по лестнице в казармы, где уже ждал мальчик, чтобы показать его новую квартиру.

Глава 4

Утром Костис получил лучшее представление, что имел в виду капитан, говоря о царском юморе. Хотя сам он считал это проявлением не юмора, а мелкой мстительности.

Тренировка с мечами была такой же утомительной, как накануне. С длинными мучительными паузами они снова и снова повторяли элементарные упражнения. Потом Костис поспешил вымыться в бане и отправился отметить в прихожую царских апартаментов. Он получил дневные пароли и прошел без задержек.

Царь уже выкупался, но еще не был одет.

Дверь из спальни в караулку была приоткрыта, так что Костис слышал каждый этап облачения царя, и даже мог наблюдать большую часть процесса. Грузный Иларион, камердинер, был вторым сыном барона из прибрежной провинции. Он принес царю не те штаны, и был отправлен обратно в гардеробную. Дионис, племянник другого барона, принес не ту рубашку. Его тоже отослали в гардеробную, дверь которой находилась в дальней части прихожей. Казалось, царя невозможно удовлетворить, и слуги курсировали взад и вперед через караульное помещение с забракованными предметами гардероба. Костис сгоряча обвинил царя в тщеславии, но постепенно понял, что всем этим танцем с рубашками и подштанниками руководит один режиссер — Сеан. Дежурные охранники смотрели на это молчаливое действо с изумлением. Сеанус подмигнул Костису, проходя мимо него с забрызганным чернилами поясом.

Царь выбрал платье в мидийском стиле с распашным камзолом поверх длинной рубахи. Расширяющиеся книзу рукава должны были скрыть манжету и крюк, который он носил вместо отрубленной руки, но недавно доставленный от портного камзол был скроен совершенно непропорционально. Рукава оказались слишком коротки. Не только крюк, но и вся манжета некрасиво торчала из рукава. Царь отослал камзол обратно.

Сеанус, плавно двигаясь, отступил из спальни с перекинутым через локоть камзолом, затем быстрым движением протолкнул руки в рукава и с немым ужасом посмотрел на торчащие из-под нарядной каймы запястья. Он помахал в воздухе пальцами левой руки, и затем выпученными глазами уставился на свою правую руку, согнутую в форме крюка. Схватив рукав левой рукой он натянул его на правую руку, а потом сунул ее под левую мышку, стараясь спрятать поглубже и с огорчением глядя вокруг. Кто-то из охранников, глядя через плечо Костиса, подавился смехом, а трое слуг, стоящих перед царем, сделали каменные лица.

Казалось, царь совершенно утратил власть над своими слугами. Конечно, он мог бы уволить их, но Костис догадывался, что подобный жест станет, в сущности, признанием своего бессилия. Евгенидису оставалось сжать зубы и игнорировать Сеана.

Когда наконец ему подали одежду и подобострастно помогли одеться, царь подозвал Костиса. Он осмотрел его так же внимательно, как накануне.

— Ты считаешь себя типичным гвардейцем, Костис? Я немного удивлен. В конце концов, ты ведь не солдат, и учитывая, что ты выполняешь, так сказать, формальную функцию, я ожидал, что ты будешь выглядеть более... декоративно.

Большинство слуг выглядели смущенными и смотрели сочувственно, зная, что Костис несет наказание за свой проступок. Иларион, находящийся вне зоны видимости, бросил быстрый взгляд на царя. Сеанус правдоподобно изобразил удивление. Он поднял брови и улыбнулся, словно ожидая, что Костис оценит эту шутку.

Вот таким образом Костису предстояло реализовать свою новую функцию. Он был поднят из безвестности, чтобы стать такой же жертвой насмешек, как сам царь.

Если Его Величество надеялся заставить Костиса, а через него и всю гвардию, выглядеть глупо, то он выбрал не ту цель. Начиная с этого дня, все солдаты гвардии относились к нему, как к заслуженному лейтенанту. В присутствии царя он, конечно, служил объектом приложения царского юмора, но телохранители, некоторые из которых были ветеранами вдвое старше него, приветствовали Костиса подчеркнуто тщательно и почтительно называли его «сэр». Даже Телеус ни делал никакого различия между Костисом и собственными лейтенантами. Все это внимание доставляло неудобство в первую очередь самому Костису. Он чувствовал себя обманщиком, но проявляемое к нему уважение не было обманом. Охрана желала видеть в нем настоящего лейтенанта, не фальшивку, и их доверие давало ему силы с достоинством переносить общество царя.

Он получил поддержку из еще одного источника, анонимного. Сначала Костис решил, что это Сеанус, но не нашел никаких доказательств, что именно этот ловкий шутник время от времени направляет ему пакеты с конспектами уроков царя. Первый из них прибыл на второй день новой службы. Костис сидел в своей лейтенантской квартире и исследовал то, что обнаружил на своей кровати. Это был плоский пакет, обернутый тканью и перевязанный шнурком. Под узелок была подсунута сложенная записка.

«Для оказания помощи при обучении, — гласила она, — от того, кто желает тебе успеха в вашем соревновании». Костис подумал, что эти слова точно и недвусмысленно определяют его нынешнюю роль. Хотел он того или нет, он вступил в единоборство с самим царем.

Костис раскрыл обертку и увидел пачку аккуратно сложенных и исписанных с обеих сторон пергаментных листов. Он отнес один из листов к окну и прочитал чьи-то подробные разъяснения по грамматике мидийского языка. Почерк выглядел разборчивым, но каким-то неровным, словно рука, державшая перо, слегка тряслась. Если это писал Сеанус, то он, конечно, должен был всю повеселиться. Несколько страниц занимал аккуратный столбик слов с переводом. Костис пробежал глазами список в поисках слов, о которых царь спрашивал его накануне. Глагол «бить», а также существительные «предатель» и «идиот» были добавлены к концу списка.

Костис еще раз прочитал записку. Подписи не было. Пакет мог прийти от одного из царских учителей, но скорее всего, был все-таки отправлен кем-то из царских слуг. Явным лидером среди них был Сеанус, хотя толстый Иларион был самым старшим по возрасту, а младший камердинер Филологос, прямой наследник барона — по званию. Костис снова посмотрел на пергаменты. Он искал письменные комментарии по производству оливкового масла. Они обязательно понадобятся.

— Спасибо, Костис, — сказал царь, отпуская его.

— Спасибо, Ваше Величество, — сказал Костис, отступая назад.

Царь прошел через полигон к своей свите, ожидающей на противоположной стороне. Пестрой толпой они прошли через арку и скрылись из виду. Когда они исчезли, Костис повернулся к арке спиной, исчезновение царя освобождало его от формальной вежливости. Солдаты расступились, и он поспешил по своим делам. Его одежда и снаряжение уже ждали его в банях. У него оставалось достаточно времени, чтобы нырнуть в боковую дверь, сорвать с себя на ходу рубаху и кожаную юбку и нырнуть в парную через дверь в противоположной стороне раздевалки. В это раннее время парилка была, как правила, пуста, и немногие посетители знали, почему он так спешит. Они выкрикнули несколько слов поддержки вместо проклятий, когда Костис впустил в разогретое помещение струю холодного воздуха.

Между парной и раздевалкой уже ждал банщик с ведром теплой воды, чтобы опрокинуть ему на голову. Костис поспешно намылится и снова облился. Банщик подал полотенце, и он вытерся на ходу, направляясь к своей одежде. С помощью того же банщика он быстро оделся и туго затянул пряжки на плечах и под мышками. Костис наклонил голову, давая банщику причесать его спутанные волосы, а сам тем временем нащупывал в кошельке у пояса монету, которую на самом деле не мог позволить себе потратить. Это было скорее ритуальным жестом. Банщик с улыбкой отмахнулся.

Костис с облегчением опустил ее обратно в кошелек.

— Вы сделали мне хорошую рекламу, — сказал банщик, похлопав его по спине и провожая к двери. — Я обслуживаю личного царского телохранителя!

В проеме между бараками Костис побежал, придерживая одной рукой меч у бедра, чтобы он не хлопал по ноге, а другой нагрудник, чтобы он не ерзал и не натирал кожу под мышками. Добежав до угла барака, он перешел на самый быстрый шаг, который мог себе позволить сохраняющий достоинство гвардеец Ее Величества.

Он поднялся по лестнице к верхнему крылу дворца и пробирался извилистыми коридорами и через атриумы^[4] световых колодцев, пока не достиг последней арки перед выходом на террасу. Часовой покачал головой. Его Величество еще не прибыл на завтрак. Костис вернулся к ближайшей лестнице и ждал внизу, чутко прислушиваясь.

Царь вовремя явился на утреннюю тренировку. Это был все тот же унылый набор простейших упражнений, и когда он наконец был исчерпан, у Костиса оставалось время только на быструю помывку; он не мог себе позволить отдохнуть в парилке, а тем более понежиться в горячей ванне. Царь никогда не затягивал тренировку, чтобы не оставить ему времени для мытья и заставить явиться на службу грязным. Если ему везло, то Костис успевал в царскую прихожую до того, как царь заканчивал свое, более сложное, омовение и облачение. Если же Костису не везло, то он мог присоединиться к свите за завтраком и незаметно занять свое место под аркой. Царь ничего не говорил, но бросал на него быстрый таинственный взгляд и снова поворачивался к своей царице. Самой грубой ошибкой было встретиться с царем по дороге к террасе. Это давало Его Величеству повод ядовито прокомментировать опоздание Костиса, его пренебрежение служебным долгом, внешний вид и полную неспособность удовлетворить даже основные требования к члену царской

гвардии. Если царь пропускал возможность раскритиковать состояние волос, ногтей, пряжек и кожаных ремней своего лейтенанта — всего того, что Костис терпеливо чистил до поздней ночи — Сеанус неизменно обращал внимание царя на малейшие недостатки. Для союзника, посылающего конспекты мидийской грамматики и аттолийской политической истории, такое поведение казалось маловероятным. Сеанус, казалось, был больше всех заинтересован в повышении градуса борьбы между царем и телохранителем. Сеанус любил пошутить. Но Костис уже устал от шуток Сеануса.

После завтрака царь поцеловал царицу — привычка, все еще возмущавшая Костиса — и снизошел до своего ежедневного урока, во время которого различные министры и консультанты отчаянно пытались призвать его к исполнению царских обязанностей, несмотря на откровенное отсутствие интереса со стороны ученика.

Урок по производству пшеницы начался с перечисления размера урожая, полученного с каждого поля в прошлом году. Костис безуспешно пытался сосредоточиться. Нудное чтение продолжалось уже полчаса, когда царь внезапно спросил:

— Чем отличается пшеница?

— Простите, Ваше Величество?

— Вы упоминаете различные сорта пшеницы? В чем их отличие?

Двое чиновников посмотрели друг на друга. Царь ожидал, откинувшись на спинку стула и закинув лодыжку левой ноги на колено правой.

— Пиладес сможет быть нам полезен. Ваше Величество позволит?

Царь благосклонно махнул рукой, парочка удалилась и вскоре вернулась с Пиладесом, согбенным старикашкой с седыми волосами и выражением детского восторга на сморщенном лице.

— Если Ваше Величество желает ознакомиться, я принес образцы.

Он начал проворно опускать руку в многочисленные мешочки и швырять зерно прямо на стол, горсть за горстью. Облаком поднялась густая пыль, царь вздрогнул и замахал ладонью перед лицом. Пиладес ничего не заметил. Он призывал царя обратить внимание на размер и форму семян, перечисляя количество зерен в колосе. Он сгребал зерна кучками, объясняя преимущества каждого из сортов, одни из которых давали большой урожай, в то время как другие лучше переносили дожди и заморозки; те или иные следовало сеять весной или осенью. Многие из этих фактов были хорошо известны выросшему на ферме Костису, но кое-что казалось новым. Одно стало ясно сразу: остановить эту лекцию будет невозможно.

Царь, обычно перебивавшийся к окну во время уроков, сегодня был полностью обездвижен. У него практически не оставалось выбора. Как только он начинал ерзать на стуле, Пиладес придвигался ближе и нависал над царем, как коршун над сусликом. Не было сомнений, что ему редко выпадает шанс высказаться публично, и он не желал упускать внимание царя. Его Величество предпринял несколько попыток сбежать, но в итоге был вынужден сидеть смирно и слушать внимательно.

Через голову царя его учителя и слуги обменялись взглядами благоговейного восторга. Когда Пиладеса наконец оторвали от царя, его лицо было абсолютно спокойно. Царь вежливо поблагодарил старика, потом обоих чиновников и предложил, что они, возможно, смогут закончить свой доклад при других обстоятельствах, а еще лучше представят ему письменное заключение, и он как-нибудь прочтает его сам. Они кивнули, царь встал и вышел из комнаты. Оказавшись за закрытой дверью, он остановился и спрятав лицо в

ладонях.

— Хвала богам, что я не успел спросить об удобрениях, — пробормотал он.

Костис чуть не расхохотался вслух. Оглянувшись по сторонам, он понял, что шутка позабавила всех присутствующих, но они ухмылялись при мысли о царе, подвергнувшемся подобному испытанию. Один Костис представлял себе Пиладеса, вдохновенно разбрасывающего по столу сорта животного помета и обсуждающего их индивидуальные достоинства.

Царь встретился глазами с Костисом и улыбнулся. Костис отвернулся. Когда он оглянулся, лицо царя уже было серьезно.

— Господа, думаю, я уже достаточно настрадался с утра. Пеллес, почему бы тебе не отложить мою следующую встречу?

— Ваше Величество до обеда еще должны встретиться с бароном Менидесом, — напомнил Сеанус.

— Ну уж нет, — возразил царь. — Я возвращаюсь к себе.

Пеллес поклонился и извинился. Остальные пошли по коридору. На первом перекрестке коридоров царь опять заговорил:

— Сразу ко мне в комнату, господа.

Сеанус поклонился, предлагая царю возглавить процессию. Евгенидис шагнул вперед. Он шел, не задумываясь, и Костис поинтересовался про себя, как давно царь знает, что его слуги и стражи заставляют его делать ненужные повороты и петли по пути через дворец.

Конечно, царь шел уверенно, опережая своих слуг. Достигнув главного прохода, он пересек его, а затем свернул в узкий коридор, который привел их к еще более узкой лестнице. Слуги, которые сначала казались обеспокоенными разоблачением их игры, теперь откровенно забавлялись. Царь поднялся на три пролета и шагнул в проход, освещенный маленькими окнами под потолком. По обе стороны коридора располагались небольшие кабинеты. Из дверей выглядывали удивленные лица, а люди, спешащие навстречу со свитками и восковыми табличками, кланялись и расступались перед царем. Костис уже понятия не имел, куда они забрели. Он не думал, что слуги тоже в курсе. Все они проследовали за царем через канцелярию, затем вышли на балкон в конце коридора и остановились.

Они находились в тупике, глядя на то, что когда-то было внутренним двориком, а теперь превратилось в зал, частично перекрытый крышей. Крышу поддерживали стропила, упирающиеся в балкон под их ногами.

Царские покои находились где-то по другую сторону атриума, но не было никакой возможности попасть туда, разве что отрастить крылья и улететь.

Слуги улыбались.

Царь сердито смотрел на дубовые перила перед собой.

— Возможно, это не самый прямой маршрут, — сказал он.

Слуги продолжали ухмыляться, когда он вел их обратно по коридору мимо людей, которые по-прежнему стояли там со своими свитками и табличками. Они снова поклонились проходящему мимо царю. Он спустился по лестнице, на этот раз на один пролет, повернул налево и еще раз налево, чтобы обойти атриум, а затем направо, чтобы добраться до коридора на противоположной стороне. Теперь они снова были на знакомой территории, и даже Костис знал, в какую сторону следует повернуть, чтобы достичь царских апартаментов.

Даже после блужданий по дворцу они вернулись слишком рано и неожиданно. Телохранители в зале громко стукнули копьями об пол, чтобы привлечь внимание тех, кто находился в прихожей царя. Царь подошел к двери и повернулся на каблуках лицом к своей свите.

— Вон, — сказал он.

— Ваше Величество?

— Вон, — повторил царь. — Все вы.

Он так же махнул охранникам у двери.

— Ваше Величество не может иметь в виду...

— Его Величество именно это имеет в виду. Достаточно, вы можете идти. Отдыхайте, выпейте кофе, пообщайтесь со своими подругами. Вон.

— Мы не можем оставить вас без присмотра, — сказал Сеанус как можно убедительнее.

— Ваше Величество, это было бы неправильно, — запротестовал начальник караула, единственный по-настоящему обеспокоенный.

Он знал свои обязанности, и не имел права оставлять царя без охраны. Телеус оторвет ему голову.

— Вы можете охранять меня из зала. В моих покоях только одна дверь. Вы тоже можете ждать меня, — сказал царь своим придворным. — В зале.

— Ваше Величество, это невозможно, — сказал Сеанус. — Мы просто не можем оставить вас в полном одиночестве.

Царь смотрел так, словно собирался запихнуть его слова обратно в глотку. Потом его мстительный взгляд упал на Костиса.

— Костис может остаться, — сказал он.

— Я так не думаю, Ваше Величество — Сеанус попытался снисходительно улыбнуться, но царь остановил его.

— Вы помните, что я царь? — решительно сказал он. — Или я должен пригласить свою жену для подтверждения этого факта?

Он никогда не признался бы царице, что не может справиться со своими слугами, но ни один из них, даже Сеанус, не осмелился бы разоблачить этот блеф.

— Вожжа попала под мантию, — пробормотал кто-то, когда они через коридор выходили в зал.

Последним шел Ламион. Он оглянулся на царя и поспешно закрыл за собой дверь.

Евгенидис повернулся к Костису.

— Никто не должен входить в эту дверь, Костис. Никто не должен войти через любую из этих дверей в караульное помещение, ты понял?

— Да, Ваше Величество.

— Хорошо. Теперь иди сюда.

Егенидис вошел в спальню, Костис остановился в дверях.

— Переставь это кресло, пожалуйста. Я хочу, чтобы оно стояло перед окном.

Кресло было громоздким, но не тяжелым. Костис нерешительно поднял его и перенес на указанное царем место.

— Лицом к окну или в сторону, Ваше Величество?

— К окну.

Царь стоял рядом с Костисом. Не глядя на него, царь протянул руку и сказал:

— Сними его.

Он имел в виду кольцо на пальце. Это был тяжелый перстень-печать из чистого золота с большим резным рубином.

Костис осторожно потянул кольцо, но оно туго сидело на пальце. Ему пришлось крепко взяться за запястье и сильно дернуть.

— Извините, Ваше Величество, — предупредил он и дернул.

— Не извиняйся, — сказал царь. — Не думаю, что снятие колец входит в курс подготовки молодого бойца. Ведь гвардию не обучают правильно грабить трупы?

Кости не нашел эту шутку смешной.

— Нет, Ваше Величество.

Он потянул сильнее, и кольцо соскользнуло с пальца.

— Положи на стол, — сказал царь и отвернулся.

Костис вспомнил беспокойство Телеуса о том, какой ущерб может нанести этот юноша, если получит власть в свои руки. Обозленный, он прошел к столу и с громким стуком опустил кольцо на обтянутую кожей столешницу. Царь не обратил на него внимания. Костис тихо вышел из комнаты. Царь не приказал закрыть дверь. Он должен был сказать, подумал Костис, но царь промолчал. Костис выбрал место, откуда он мог видеть царя, сидевшего в кресле лицом к окну. Он застыл по стойке «смирно» и приготовился ждать.

Костис изо всех сил прислушивался к звукам из комнаты, надеясь услышать хоть скрип кресла, но царь сидел неподвижно. Из спальни не доносилось ни звука. Вероятно, Его Величество решил вздремнуть.

— Костис, — произнес он наконец. — Переставь кресло. А потом можешь запустить моих болонок назад.

Вопреки собственному желанию, Костис был поражен, насколько точно подходит сравнение элегантных придворных со стаей невоспитанных собак.

* * *

Позже, готовясь ко сну в своей лейтенантской квартире, Костис спросил себя, кто обычно снимает с царской руки драгоценный перстень, и будут ли удивляться слуги, обнаружив кольцо на своем привычном месте? Он посмотрел на свою левую руку, где обычно носил тонкое медное колечко со стрелой Мираса, бога света и покровителя солдат. Еще будучи стажером, Костис вместе со своими друзьями принес Мирасу свою клятву. Теперь каждый из них носил медное кольцо, от которого зеленела кожа.

Костис попробовал снять кольцо, не пользуясь второй рукой. Пальцы соскальзывали. Он попробовал зацепить кольцо за край стола — никакого эффекта. Наконец он сунул палец в рот и зажал кольцо зубами. Потом выплюнул его на ладонь и бросил на стол, где оно лежало, тускло поблескивая в свете единственной свечи. Костис вздрогнул, словно кто-то прошел над его могилой. Он снова надел кольцо на палец и лег спать, пытаясь думать о других вещах.

Глава 5

В небольшом кабинете Релиус выступал с докладом перед царицей. Раньше они принимала его наедине. Теперь здесь присутствовал новый царь. Пока Релиус говорил, Евгенидис сидел, привычно положив лодыжку одной ноги на колено другой и вертел в пальцах золотую монету.

Это отвлекало внимание, но царица не отрывала взгляда от Релиуса. Он пытался как можно тактичнее донести до нее информацию о дворцовых интригах. Публичное пренебрежение Евгенидисом царскими обязанностями могло побудить к действию желающих выполнять их за него. Несколько различных партий надеялись склонить царя на свою сторону и превратить в проводника своих интересов.

Наконец царица посмотрела на Евгенидиса, а потом снова перевела взгляд на Секретаря архива. От ее внимания не ускользнуло, что оба мужчины, так элегантно одетые, выбирают свой стиль, чтобы дополнять ее каждый по-своему. Это было не так сложно, как могло показаться на первый взгляд. Ее вкус уже сложился, и гардероб состоял из поконсервативному классических предметов, несмотря на неоднократные предложения нового мужа обратить внимание на иной стиль. Ее забавляло, что их модные пристрастия настолько противоречат друг другу. Свободный камзол Евгенидиса в мидийском стиле, больше похожий на халат, был сшит из красного шелка на оранжевой подкладке. Релиус предпочитал континентальный стиль: строгий приталенный китель глубокого винного цвета^[5] с коротким бархатным плащом, который он носил даже летом.

Его одежда являлась выражением его власти. Он был единственным советником царицы, сопровождавшим ее на протяжении всего периода ее правления. Релиус был незаконным сыном управляющего на вилле барона, и она с первой же встречи поняла, что он сможет научить ее тому, в чем она больше всего нуждалась — умению управлять людьми. Он стал ее учителем, и она вознаградила его за труды богатством и властью.

Евгенидису стало скучно вертеть монету в пальцах. Он начал подбрасывать ее в воздух и ловить. Он отвлекал Релиуса и, скорее всего, сознательно хотел выбить его из колеи. В то время, как монета поднималась все выше и выше в воздух, Аттолия немного отставила ногу в сторону и пнула царя в лодыжку. Он вскочил и с возмущением уставился на нее. Монета пролетела у него за спиной, но он, не глядя, вынул ее из воздуха.

Царь посмотрел на Релиуса, потом снова на царицу. Ему вовсе не было скучно, она была уверена. Евгенидис показал ей монету, это был золотой статер с чеканным профилем на одной стороне и лилией Аттолии на другой.

— Лилия — правлю я, орел — правишь ты, — предложил он и подбросил монету в воздух.

— Лилия — правишь ты, орел — бросаешь снова, — сказала Аттолия.

Монета упала. Евгенидис взглянул на нее, а затем показал ей.

— Ох, нет, — вздохнул он.

Монета, поблескивающая у него на ладони, лежала лилией вверх. Он подбрасывал ее снова, и снова, и снова. Каждый раз, когда она приземлялась, они видели лилию. Он опять подбросил монету и на этот раз поймал ее в кулак. Не глядя, он опрокинул ее на вышитый рукав камзола и убрал руку. Это снова была золотая лилия.

— Думаю, на этом мы закончим, — заключила Аттолия. — Еще что-нибудь, Релиус?

— Нет, Ваше Величество.

С выражением удивления на лице, царь пожал плечами и сунул монету в рукав.

— Релиус, спасибо за отчет. Я, как всегда, благодарен вам за подробные сведения.

Он наклонил голову, и Релиус поклонился в ответ.

Царь редко упускал возможность оскорбить капитана гвардии, но с Секретарем архива он был неизменно вежлив. От этого Релиус чувствовал себя еще хуже. Сейчас царь был более, чем эддисийской марионеткой, но расстановка сил должна была измениться. В течение следующего года каждая политическая сила в Аттолии будет изо всех сил перетягивать его на свою сторону, и Релиус был кровно заинтересован, чтобы победа осталась за царицей. Как и Телеус, он собирался остаться рядом со своей государыней, чего бы ему это ни стоило.

Он хотел бы списать странный выбор жребия на ловкость рук. Любой цирковой жонглер умел контролировать падение монеты, но все же Релиус был озадачен. Царица не казалась смущенной, она почти не изменила своей обычной манере поведения. Зато царь становился все угрюмее с каждым броском монеты. Релиусу показалось, что к тому моменту, когда царь закончил игру, он выглядел почти больным.

Релиус медленно брел по аркаде от кабинета царицы. Проходя по широкому коридору, пересекавшему тот, где притаился Секретарь архива, Евгенидис вытащил монету из кармана. Он посмотрел на золотой статер и с внезапным отвращением забросил его в густые кусты, окаймлявшие небольшой садик во внутреннем дворе. Озадаченный Релиус поспешил вернуться к своей работе.

* * *

Когда во дворце стихли последние звуки, и в сознании находились, вероятно, только царские охранники, барон Артадорус был разбужен в собственной постели едва слышным шепотом.

— Барон.

Тихое слово, произнесенное на выдохе, не потревожило бы и паутинки, так легко оно прозвучало, но прикосновение к шее острого лезвия заставило барона пробудиться в один миг.

Ночник не горел. Он не мог разобрать ничего, кроме темного силуэта, наклонившегося к нему настолько близко, чтобы приложить губы к самому уху. Кто бы он ни был, он чувствовал себя настолько уверенно, что не стоял рядом с кроватью, а уселся прямо на постель. И этот злоумышленник явился в царский дворец, в личные апартаменты барона, в его собственную спальню и сел на кровать так тихо, что не разбудил никого, даже второго

мужчину в баронской постели.

Лезвие было острым, и не хотелось думать, насколько хорошо владеет ножом человек без руки.

— Ваше Величество? — прошептал барон.

— У меня была очень интересная беседа с человеком по имени Пиладес. Ты его знаешь?

— Нет, Ваше Величество. — Сталь нагрелась до температуры кожи.

Он чувствовал, как бегут мурашки под горячим лезвием.

— Он работает в Министерстве сельского хозяйства.

— Извините, я...

— Он рассказывал о зерне, которое растет в различных частях страны.

— Ах, — тихо сказал барон.

— Да, ах. Как давно, барон? — прошептал царь, все еще находясь настолько близко, что барон мог заключить его в объятия, если бы царь был его любовником, а не убийцей. — Как давно вы подтасовываете сведения о зерне, растущем на ваших полях? Сколько налогов вы не доплатили?

Барон закрыл глаза.

— Это было всего один раз, Ваше Величество.

— Ты уверен? — Давление лезвия усилилось.

— Клянусь.

— Я хотел бы напомнить, что существуют записи, которые могут быть проверены.

— Я клянусь, Ваше Величество, это случилось впервые. — он с напряжением скосил глаза, стремясь разглядеть лицо царя в темноте. — Вы расскажете Ее Величеству?

Царь умел смеяться совершенно беззвучно, толчок теплого воздуха коснулся щеки барона.

— Я здесь ночью держу нож у твоего горла, а ты беспокоишься только о том, чтобы царица не узнала о твоей ошибке? Тебе надо бы опасаться меня, Артадорус.

Шантаж, подумал барон.

— Что вы хотите, Ваше Величество?

Царь снова беззвучно рассмеялся.

— Для начала, чтобы ты заплатил налоги, — выдохнул он.

Он отвел лезвие ножа в сторону и бесшумно встал с постели. Затем так же тихо пересек комнату, но, уходя, захлопнул за собой дверь с оглушительным треском. В постели рядом с бароном раздался сонный ропот, слава богам, это была не его жена, способная проснуться от шепота звезд.

Его любовник заворочался под одеялом рядом с бароном и сел.

— Вы слышали что-нибудь?

— Тебе приснилось, — сказал барон. — Спи.

В течение долгого времени он лежал в постели, напряженно размышляя. Яснее ясного, что царь не был дураком. Дураками были те, кто не понимал, что царь мог быть неопытным, несговорчивым и до сих пор опасным. Еще большим дураком оказался он сам, поверивший барону Эрондитесу, что царицу может отвлечь от дел ее новый брак. Эрондитес, никогда не бывший другом царицы, знал, что верность Артадоруса зиждется исключительно на благоразумии, но жадность может ввести его в заблуждение. Именно он подстроил эту ловушку, предложив способ уклонения от уплаты налога в царскую казну, и теперь барон пытался понять, кто уведомил царя об этой налоговой схеме. Барон отверг версию с

Пиладесом и Министерством сельского хозяйства. Этот царь никогда не выдал бы своего информатора. Без сомнения, его предал Эрондитес, пытавшийся распространить свое влияние на царя и готовившийся шантажировать Артадоруса, чтобы склонить его к измене. Он мог предпринять только одно. Ночь была теплая, но барон лежал под своим одеялом, оцепенев от холода.

* * *

За завтраком царица обратилась к царю.

— Барон Артадорус передал мне прошение перед завтраком. Он попросил дать ему отпуск.

— Неужели? — Царь попытался принять заинтересованный вид.

— Он сказал, что у него есть срочные дела дома.

— Да?

— Что-то с финансовыми счетами.

— Хм.

Она бросила ему предупреждающий взгляд.

— Надеюсь, он не собирается упасть на меч? — спросил царь.

— Не буквально.

— Ах, — сказал царь.

Она скрестила руки на груди и отказалась продолжать разговор.

* * *

— Барон встречался с царицей сегодня утром. Его отпустили от двора. — Сеан передал новость, ненадолго встретившись с отцом в одном из дальних дворов дворца.

— Неужели? — ответил его отец, слегка удивленный, но не встревоженный. — Не сомневаюсь, что он сбежал домой, чтобы исправить счета. Но это уже не имеет значения. Фальшивые цифры уже были записаны, и их исправление не сотрет преступления.

— А если он признался царице?

— Если бы он признался, мы бы уже знали об этом. Ты ведь помнишь, что случилось с последним из желающих обмануть царскую казну?

* * *

Больше в царской постели не было змей, а в еде песка. Капитан гвардии и Секретарь архива приняли соответствующие меры. Поэтому издевательство слуг стало более изощренным. Блюда, подаваемые на стол царя, когда он обедал один в удручающем обществе своих слуг, всегда были непригодны для человека с одной рукой. В то время, как царь делал все возможное, чтобы скрыть свое увечье, его слуги всячески старались его подчеркнуть. Если царь хотел, чтобы его хлеб был нарезан, ему приходилось просить. Если он упорно отказывался просить, то Сеан с Иларионом делали вид, что не догадываются. Еще дважды

царь запирался в своей комнате. Оба раза он позволял Костису, и одному только Костису, остаться с ним.

Нерадивые слуги проводили время во внешнем коридоре, потев при мысли, что царица может пройти мимо. Она, конечно, знала, что царь время от времени изгоняет слуг из своих апартаментов, но, казалось, была готова закрывать глаза на нарушение этикета, пока не столкнется с этим нарушением нос к носу.

— Ее Величество должна продемонстрировать поддержку царя, — напомнил Сеанус своим подельникам. — Иначе, я уверен, ей безразлично, что мы раздражаем царя.

* * *

В редкие вечера, когда Костис не был на дежурстве и еще не спал, он разговаривал с Арисом в своей квартире.

Арис спросил, как долго Костис еще рассчитывает прослужить в качестве лейтенанта.

— Думаю, я еще не готов отбросить копыта, — сказал Костис. — Разве что от скуки.

Лежа в позе напряженной апатии, закинув ноги на спинку короткой кровати и чуть свесив голову над краем рамы, он смотрел в потолок. Наконец он позволил своему лицу выразить то отвращение, которое он чувствовал постоянно. На службе приходилось быть осторожным, и прочно фиксировать маску бдительного безразличия.

— Так ты рассчитываешь на дальнейшее продвижение?

Костис перевел взгляд на муху на стене.

— Нет. Не думаю, что он надолго собирается оставлять меня в лейтенантах. Это только фикция, насмешка, а не настоящее продвижение по службе. Думаю, ему в конце концов надоест, и меня понизят до командира отделения. Или до рядового.

— Или уволят из гвардии.

Костис закатил глаза и посмотрел на друга. Арис высказал вслух то, о чем Костис пытался не думать.

Костис пожал плечами — нелегкая задача, когда ноги находятся выше головы.

— Если он собирается это сделать, я хочу, чтобы это случилось побыстрее. Лучше покончить со мной сразу, чем бесконечно ждать и ждать смертельного удара. Может быть, он надеется, что скука убьет меня... или я сам прикончу экс-лейтенанта Сеануса.

— Что? Нашего храброго, умного, красивого Сеана?

— Голыми руками, — сказал Костис. — Если он еще раз ткнет царя носом в мою тусклую пряжку или нетуго затянутый ремень, я воткну ему большие пальцы в глазницы и не посмотрю, какой он красивый и умный.

Арис усмехнулся.

— Осторожно... не забывай, что он наш кумир.

Сеанус был богат и влиятелен, а также весьма щедр. Еще в бытность гвардейским лейтенантом, он вызывал восхищение и зависть у большинства телохранителей.

Костис поднял голову, чтобы допить остатки вина из кружки, зажатой в свисающей с кровати руке. Когда вино было выпито, он опустил руку и поставил кружку на пол.

— Он забавный, — признал Костис. — Он умеет заставить смеяться до боли в животе.

Вдруг он зевнул и потер лицо тыльной стороной ладони, потом запустил пальцы в волосы и потянул пряди так, что брови поползли наверх. Боги, как он устал.

— Но под шутками, насмешками и розыгрышами у него нет ничего, кроме... злобы. Существует ли что-нибудь, над чем он не готов потешаться?

Костис посмотрел на Ариса.

— Тебе так не кажется? — спросил он.

— Я восхищался им, — сказал Арис. — Я никогда ему не нравился. — Арис пожал плечами. — Может быть, я просто считал его «кислым виноградом»? Я уверен, что он никогда не любил меня.

— Для меня этот виноград тоже слишком зелен, — подвел итог Костис. — Для меня, для тебя и для царя.

Арис пошевелил бровями, давая понять, что оценил изысканное общество, в котором оказался. Костис улыбнулся.

— Ты и должен был восхищаться им. Сеанусом, то есть. Не царем. Он говорит Илариону, который поддерживает царицу, что любая шутка над царем, даже несоответствующие чулки, позабавит ее. На следующий день он может сказать Дионису, чья семья всегда находилась в оппозиции, что высмеивая царя, он так же позорит и царицу. И почему-то он всегда умудряется выглядеть убедительным.

— Они не замечают, что он не испытывает преданности ни к одной из сторон?

— Им все равно. — Костис остановился, чтобы подумать. — Или они боятся его острого языка. Он может убить своим жалом. Филологу не нравятся все эти шалости. Он наследник своего отца, а не какой-то борзый младший сын, но Сеанус умеет дергать за ниточки каждого, он прирожденный кукловод.

— Неужели он управляет даже царем?

— Царем? — снова зевнул Костис. — Ну, царь сопротивляется лучше, чем остальные. Он всегда пытается поставить Сеана на место, но клянусь, в каждом втором случае он не понимает, что делает именно то, чего хочет Сеанус. И если он иногда дает ему отпор, это получается случайно. Как-то Сеанус всю ночь готовил маленькую ловушку в музыкальной комнате, но царь в тот день решил идти в сад.

— Сеан разозлился?

— О, он смеялся. Он всегда смеется, даже если шутка не удастся.

— А что делает царь, когда шутка удается?

Костис прикрыл глаза рукой.

— Во-первых, делает вид, что не замечает, но можно угадать насколько он зол, потому что его лицо выдает все его чувства. Потом он вызывает глупого телохранителя Костиса Орментидеса, и заставляет его пожалеть, что тот родился на свет.

— Бедный Костис, — сказал Арис.

— Бедный Костис, действительно. Знаешь, что здесь самое трудное?

— Скажи мне, — попросил Арис.

Костис скупо улыбнулся своему другу.

— Помнить, что он царь, и я не могу свернуть ему шею.

— Может быть, он переключится на брата Сеана и оставит тебя в покое?

— Я жажду этого всей душой, — горячо ответил Костис.

Братом Сеана был Эрондитес-младший, попросту Дитес. Он являлся наследником своего отца. Несмотря на то, что его отец был одним из старейших врагов царицы, Дитес с первых дней правления стал ее пылким сторонником.

Дитес был поэтом, музыкантом и, по широко распространенному мнению, автором

фривольной песенки, циркулирующей при дворе и среди гвардии. Костис услышал ее в столовой накануне вечером. Припев мелодии, повторяясь все снова и снова, прочно застревал в голове. Это была написанная безупречным ямбом унижительная сатира, изображающая царя в его первую брачную ночь, и Костис обещал себе быть очень осторожным, чтобы не запеть ее случайно себе под нос в присутствии Его Величества.

— Но Дитеса я бы оставил на крайний случай, — сказал Костис, — потому что знаю, как счастлив будет Сеан увидеть своего брата четвертованным на помосте.

Сеанус тщательно сохранил видимость лояльности царице, но никогда не отрекался от своего отца. Барон презирал Дитеса, и говорил о нем с усталым разочарованием, но тем не менее, Дитес оставался официальным наследником.

Евгенидис, совершенно очевидно, разделял отвращение барона к его старшему сыну. Он даже не пробовал скрыть свою неприязнь к Дитесу. Дитес же не скрывал своего презрения к царю. Царь оскорблял Дитеса с варварской прямоотой. Дитес отвечал более тонко, безупречно соблюдая придворный этикет, но не менее ядовито. Песня была последним тому доказательством.

— Я слышал, что царь издевается над ним, почти так же, как над тобой.

— Наверное, он считает, что это безопасно. Барон Эрондитес не собирается вступаться за наследника.

* * *

На следующее утро царь двигался почти с безупречной механической точностью, но мыслями явно пребывал где-то далеко. Костис спрашивал себя, не думает ли он о Дитесе. В то утро кто-то уже насвистывал «Новобрачного царя» в углу двора. Внезапно наступившая тишина возвестила о прибытии Его Величества. Он наверняка все слышал, но, как обычно, не подал виду. Костис презрительно вздохнул, и в этот момент деревянный меч царя стремительно скользнул вдоль его клинка и ударил его в лицо.

Костис машинально отступил и занял оборонительную позицию на случай дальнейшей атаки, но царь опустил меч и стоял неподвижно, сердито глядя перед собой.

— Льда! — крикнул мальчишкам, наблюдавшим за ними со стороны казармы, и один из них сорвался с места и побежал в сторону кухни.

В голове Костиса стоял оглушительный звон, и одна половина мира казалась одновременно ослепительно белой и до странности темной. Он прижал руку к источнику расходившихся перед глазами кругов, но все еще не выпускал из руки тренировочного меча. Царя мягко попытался отвести ее в сторону. Костис прижал к лицу обе руки. Было очень больно.

— Мне очень жаль, — сказал царь.

— Это моя вина, — вежливо просипел Костис.

Вокруг них уже образовалась толпа.

— Позвольте мне взглянуть.

Костис опустил руки, и царь протянул руку, чтобы немного повернуть его голову.

— Ты можешь видеть этим глазом?

— Да, Ваше Величество.

— Ты уверен? Закрой второй глаз.

Костис сделал, как было велено. Мир все еще выглядел странно. Фигуры вокруг него казались светлыми силуэтами на темном фоне, но были видны четко.

— Удар плашмя. — голос Телеуса звучал где-то вне поля зрения Костиса.

Царь вздохнул.

— Это был удар лезвием, — сказал он. — Хвала богам, Костис, что мы тренируемся на деревянных мечах. Как неловко для нас обоих.

Это было действительно неловко. На тренировке нельзя бить противника мечом в лицо. Конечно, удар лезвием был хуже, чем удар плашмя. Но совершенно унижительно было пропустить неловкий удар однорукого противника. Костис вздохнул.

— Это моя вина, Ваше Величество.

— Возможно, — приветливо согласился царь. Костис резко поднял голову и увидел, что царь вежливо улыбается уголками губ. — Но и моя тоже, — сказал он извиняющимся тоном. — Я потерял самообладание.

Вернулся мальчик с куском льда, завернутым в полотенце, и Костис приложил его к лицу.

— Иди ложись, — приказал царь. — Телеус исключит тебя из графика дежурств на сегодня.

— Я буду в порядке, Ваше Величество.

— Конечно, будешь. А пока наслаждайся свободным днем.

Костис попытался запротестовать, но лицо болело, а идея выходного дня казалась слишком соблазнительной.

— Так-то лучше, — сказал царь. — Учись слушаться, лейтенант, и дослужишься до капитана гвардии. Когда-нибудь. Может быть. Правда, царица никогда не одобрила бы твое назначение, но ведь нас с ней могут убить, и тогда ты стал бы капитаном у моего наследника. Не теряй надежды только из-за того, что шансы невелики.

— На убийство или на наследника, Ваше Величество? — спросил Костис.

Последовала тишина.

Костис слишком поздно сообразил, что он сказал и, главное, кому. Царь стоял перед ним с приоткрытым от удивления ртом. Поблизости находилось достаточно людей, чтобы расслышать лейтенантскую шутку. В отчаянии Костис поднял к глазам вторую руку и не понял, что услышанный им смех исходит от царя.

— Костис, ты набрался плохих привычек от моих слуг. И у тебя сегодня даже нет уважительной причины, вроде неразбавленного вина. Может быть, стоит списать это на головную боль?

— Простите, Ваше Величество. Я очень виноват.

— Все нет, — сказал царь. — Не очень. — он отнял лед от лица Костиса, чтобы еще раз проверить синяк. — Но чего ради я должен беспокоиться об убийстве, когда меня защищает такой бравый лейтенант?

Он мягко похлопал Костиса по плечу и ушел.

Несмотря на плохое начало, Костис действительно получил удовольствие от этого дня. Телеус заставил его пролежать у себя в комнате почти до вечера, пока не стало ясно, что зрению ничего не угрожает. К этому времени Костис проголодался и с нетерпением ждал неторопливого ужина. Из-за тренировки с царем он не успел ни позавтракать, ни пообедать.

Костис надеялся перекусить в одиночестве, но столовая уже была заполнена гвардейцами и все приглашали его присоединиться к ним. Он перешагнул через скамейку и

сел, смущенно оглядывая удивленные лица товарищей.

— Бумеранг прилетел обратно? — спросил кто-то.

Он попытался отшутиться.

— Я должен был дать ему шанс отыграться когда-нибудь.

В тишине они обдумали его слова, а потом добродушно посмеялись над его синяком.

* * *

В тот вечер царь с царицей, как это повелось со дня свадьбы, ужинали со своим двором. Орнон, посол Эддиса, с тяжелым сердцем пытался сосредоточиться на тонкостях дипломатического этикета. Он уже не чувствовал себя счастливым человеком. После ужина столы уберут, и начнутся танцы. Первыми будут танцевать Их Величества, затем царица займет место на троне на оставшуюся часть вечера, а царь будет вежливо перемещаться по комнате, время от времени возвращаясь посидеть рядом с ней. Орнон мог уверенно предсказать, что царь обязательно будет танцевать с ничего не значащими людьми: младшими дочерьми бедных баронов, племянницами и незамужними женщинами старшего возраста. Он равнодушно пройдет мимо старших дочерей и представленных ему женщин из влиятельных семей, с которыми ему следовало бы формировать альянсы. Он допускал подобные ошибки не из невежества. Орнон давным-давно составил ему список партнерш для танцев, но царь заявил, что не может никого вспомнить. Орнон считал более вероятным, что царь достиг предела своих дипломатических возможностей и полностью отказался от политической борьбы.

Не ожидая ничего хорошего от остальной части вечера, Орнон вернулся к своей тарелке и спрашивал ее, почему его совсем не забавляют страдания Вора Эддиса? То, что он страдает, было неопровержимым фактом. Сначала молодой царь в привычной ему иронической манере ловко парировал тонкие и не очень тонкие оскорбления аттолийских придворных. Но аттолийцы признавали право на юмор только за собой и полностью игнорировали его шутки или же воспринимали его более резкие комментарии, как свидетельство варварского воспитания. Орнон прикусил свой язык раз и навсегда. Перед самим собой он готов был признать, что его вмешательство оказалось бы ошибкой. Мало того, что оно выглядело бы как подстрекательство к противостоянию, но так же убедило бы аттолийскую аристократию, что посол Эддиса испытывает мало уважения к царю, что только способствовало бы росту их презрения.

Аттолийцы ошибались. Орнон уважал волю Вора Эддиса не меньше, чем убедительную силу железного клинка. Он задавался вопросом, неужели аттолийцы не понимают, что идиот, которым они считают Евгенидиса, никогда не смог бы стать их царем? Возможно, потому что они никогда не испытывали силу взгляда Вора, от которого начинали шевелиться волосы на затылке. Аттолийцы видели перед собой только этого нового неуклюжего царя. Орнон и сам уже начал подумывать, что же случилось с Вором? После свадьбы в этом человеке не осталось ничего от прежнего Евгенидиса.

Может быть, в этом была доля и его вины. Ведь это он убеждал Евгенидиса держать свой нрав под контролем, а язык за зубами. Он знал, как неприятна Евгенидису его роль, и с нетерпением ждал, когда поток кипящего сарказма прорвется через дипломатические запреты.

Сейчас Орнон не готов был наблюдать, как Евгенидис плотает одно оскорбление за другим, словно бесхребетная тварь. Еще десятилетним мальчиком Вор Эддиса умел остановить зарвавшегося взрослого одним пронзительным взглядом. Куда делся этот взгляд? Орнон беспокоился, что звание Вора Эддиса было для Евгенидиса слишком важным аспектом самоуважения и основой силы характера. Возможно, лишившись своего образа жизни, он навсегда утратил эти качества. Если так, то это не предвещало ничего хорошего для Аттолии в первую очередь.

Аттолийцы считали, что им нужен слабый царь. Слабый и неопределенный в своих привязанностях. Но если царь не обладает властью в стране, все политические партии будут бороться, чтобы перехватить эту власть у него. Они готовы будут воевать, чтобы получить и сохранить эту власть за собой. Некоторые из этих столкновений станут открытыми, приняв форму бунтов и гражданских войн; но большая часть их будет тайной — с отравлениями и политическими убийствами. Царице придется с удвоенной энергией бороться за свой трон, спасая свою жизнь и будущее своей нации.

Орнон посмотрел на царицу. Возможно, она будет продолжать править единолично. Никто не предвидел за ней таких талантов, когда она только взошла на трон. И она все еще может удерживать власть в одиночку, но Орнон считал, что она уже исчерпала свои возможности. Она держала в узде своих беспокойных баронов и заставила склониться перед своей властью, но Мидийская Империя слишком хотела получить эту маленькую страну, а так же Эддис и Сунис. Аттолия не могла одновременно сдерживать баронов и бороться с Империей. Она уже один раз предотвратила государственный переворот, подготовленный мидийским послом. Этот позор подорвал репутацию Нахусереха, но следующая атака нового Императора и его брата, Нахусереха, на аттолийское побережье Срединного моря была всего лишь вопросом времени. Ни один дальновидный политик не сомневался, что Мидия в конечном итоге вернется.

Орнон покачал головой. Не все последствия политических действий можно предусмотреть. Этот план мог оказаться неудачным. Евгенидис больше не пытался отвечать на оскорбления придворных. Он позволял перебивать себя и только дразнил врагов своей видимой беспомощностью. Все окружающие ненавидели его, Орнон знал это. Он ожидал, что получит удовольствие, наблюдая за Евгенидисом, с которым его связывали долгие и сложные отношения. Но он совсем не ожидал, что испытает беспомощность пловца, влекомого в лодке без весел к водопаду.

Он бросил взгляд на царя. Евгенидис за ужином был одет в тот же кафтан, что и накануне. Больше всего Орнона беспокоило, что он ударил телохранителя в лицо во время утренней тренировки на плацу. Аттолийцы предположили, что это был несчастный случай, но Орнон понимал суть происходящего. Что-то заставило Евгенидиса потерять самообладание, и это было самой страшной опасностью для слабого царя. Поступки слабого царя, потерявшего самообладание, были непредсказуемы и чреваты разрушительными последствиями. Конечно, в последнее время Евгенидис сильно возмужал, но в течение многих лет до этого он был отчаянным забиякой.

В общей беседе возникла пауза, и с бокового стола донесся тихий голос, обращаясь к царю.

— Ваше Величество, — невинно спросил кто-то, — правда ли, что ваши двоюродные братья когда-то пытались утопить вас в луже с водой?

Орнон крепко сжал ножку серебряного кубка и затаил дыхание.

— Верно ли, что они не соглашались отпустить вас, пока вы несколько не повторите оскорбления в адрес своей семьи?

Этот человек сидел на противоположном от Орнона конце зала, но его голос звучал совершенно ясно. Это был один из самых молодых придворных в модной одежде и с завитыми волосами. Один из многочисленных «дитесов», подумал Орнон. Дитес и его младший брат Сеанус порядком отравляли жизнь царя. Дитес не давал забыть о себе, даже когда не находился рядом. Учитывая, что оба брата Эрондитеса ненавидели друг друга, можно было бы ожидать, что царь поладит хоть с одним из них, но этого не произошло.

Евгенидис, гонявший свою еду по тарелке, наконец поднял глаза, и кубок Орнона с громким стуком опрокинулся на столешницу, расплескивая остатки вина.

Спешно поднимая чашу, Орнон уже проклинал себя за то, что посмел подумать о прошлом Евгенидисе, словно мог мыслью вызвать запертых в глубине сознания демонов Вора. В таком настроении Евгенидис вряд ли мог заметить предостерегающие взгляды, бросаемые ему с другого конца стола. Он даже не посмотрел в сторону Орнона. Можно было перебить всю посуду, но царь уже не отвел бы взгляда от своего обидчика.

Нарядный аттолиец, судя по всему военный, но не барон, посмотрел на царицу, чтобы убедиться в ее поддержке, но она смотрела в другую сторону. Царь слегка пожал плечами и медленно произнес:

— Я мог бы отправить тебя порасспросить их лично.

Мужчина рассмеялся. В его смехе явственно слышалось презрение.

— Это будет долгая поездка, Ваше Величество. А мне хотелось бы услышать ответ сейчас.

— Эта поездка будет короче, чем ты думаешь, — вежливо сказал царь. — Большинство моих двоюродных братьев уже умерли.

Тишина начала распространяться от центра главного стола к краям зала. На губах Аттолии появилась неопределенная улыбка. Царь смотрел, не улыбаясь. Те, кто понял, заерзали на своих местах.

Последняя война с Аттолией очень дорого обошлась Эддису. Страна много страдала и понесла более тяжелые потери, чем более богатая и густонаселенная Аттолия, но в конце войны Вор Эддиса стал царем Аттолии. И придворные почему-то решили не уточнять, сможет ли Евгенидис из Эддиса отправить на смерть аттолийского аристократа, чтобы задать пару вопросов царским братьям в аду. Теперь шутник с трепетом, удивившим его самого, пожалел, что решил вслух повторить эту маленькую шутку Дитеса. Молодой человек снова посмотрел на свою царицу, но она по-прежнему смотрела в другую сторону.

— Простите, Ваше Величество, если я обидел вас, — пробормотал он, обращаясь к скатерти перед собой.

Царь не ответил ничего. Он встретил озабоченный взгляд Орнона с другого конца стола и ответил ему сияющей улыбкой, которая была слишком хорошо знакома послу. Евгенидис был зол и весел. Он неторопливо потянулся за своей чашей и выпил глоток вина.

Не зная, к кому еще обратиться за помощью, Орнон уставился на царицу. Должно быть, она поняла его просьбу, потому что улыбнулась, словно предвкушая развлечение, и повернулась к Евгенидису. Так как он задумчиво смотрел в свою пустую чашу, она придвинула ему свою.

— Выпей из моей, — сказала она.

Сидевшие рядом люди отпрянули. Евгенидис подавился вином, которое еще не успел

проглотить. В зале не оставалось ни одного человека, не знавшего, как царица на свадебном пиру отравила навязанного ей мужа ядом из собственного кубка.

Евгенидис продолжал кашлять, его плечи вздрагивали. Задыхаясь, он запрокинул голову, и наконец смог рассмеяться шутке. Беспомощно оглянувшись по сторонам, он снова посмотрел на царицу. Она сохраняла спокойное выражение лица, а он смеялся все громче. Все аттолийцы, как один, наблюдали эту сцену со все увеличивающейся неприязнью.

— Спасибо, моя дорогая, — сказал он немного хрипло, — не стоит беспокоиться. — он махнул рукой и мальчик-виночерпий рванулся вперед с таким рвением, что несколько пурпурных капель пролилось на скатерть. — Я вижу, моя чаша уже полна, как хорошо.

Постепенно беседа возобновилась. Двор перешел к своим любимым темам. Напряженный момент миновал. Аттолийские придворные решили продолжать делать вид, что царь не более, чем клоун. Орнон смотрел в свою тарелку, испытывая одновременно облегчение и гнев, жалея, что аттолийцы не понимают, насколько близко они подошли к краю пропасти, и благодарный, что катастрофы все-таки не произошло. Он посмотрел в сторону молодого придворного, неосторожно сунувшегося под удар. Этому глупышу, подумал Орнон, глядя на бледного щеголя, достаточно было одного раза посмотреть Евгенидису в глаза. Казалось, он взглянул в лицо собственной смерти. Посол повернулся к царице только, чтобы обнаружить, что она смотрит на него все с той же довольной улыбкой в уголке губ. Она доказала свою силу, и Орнон склонил голову в знак уважения.

Позже столы были убраны для танцев. Под гул всеобщего бормотания и звуки шагов, царица тихо сказала:

— Мне было бы жаль.

— Кого? — спросил ее муж.

— Этого молодого человека. Я бы с удовольствием посмотрела, как ты отправляешь его навестить твоих братьев, но он адъютант моего адмирала.

Он с улыбкой покачал головой, но улыбка казалась слишком отстраненной. Она проследила за его взглядом в угол зала. Она видела, как его лицо помертвело. Конечно, он сейчас видел их перед собой. Она знала, как он ненавидел и любил своих двоюродных братьев, которые теперь были недоступны его ненависти и любви.

— Танец, — сказал царь. — И к черту всех привидений.

Он встал и предложил ей руку. Они вместе сделали первый шаг с помоста, когда заиграла музыка, и остановились прежде, чем успели сделать второй. К барабану, который в одиночку в медленном ритме начал мелодию, присоединился пронзительный голос флейты.

Это была традиционная эддисийская мелодия, которая могла бы понравиться новому царю, если бы хоть один из эддисийских танцев можно было бы танцевать с одной рукой. Аттолия бросила быстрый взгляд на капельмейстера, который беспечно дирижировал оркестром на низком балконе в противоположном конце зала, жестоко напоминая царю о том, что он утратил безвозвратно.

— Я прикажу содрать с него шкуру, — тихо сказала она.

Невыносимое напряжение, которое она чувствовала в Евгенидесе, ослабело. В ее угрозе было меньше расчета, чем в предложении вина из своего кубка, но ей снова удалось разрядить обстановку.

— Не стоит, — сказал он. — Я не сомневаюсь, что это тщательно подготовленная диверсия Сеана, и капельмейстер не виноват. Пойдем танцевать, — неожиданно предложил Евгенидис, искрясь весельем и озорством.

Ее сердце болезненно сжалось. Однажды он уже перешел пределы своих возможностей, и она сумела вернуть его назад, но не могла больше удерживать от безрассудства, как собаку на цепи. Его дикость иногда пугала ее.

— Нет, — упрямо сказала она, и была совсем не готова к тому, что он потянет ее вниз по лестнице, несмотря на отказ.

Она пошатнулась, стараясь сохранить равновесие, но он не отпускал ее руку. Придворные шипели от едва сдерживаемой ярости, наблюдая за борьбой своей царицы. Даже ее враги не одобряли поведения эддисийца.

— Двор смотрит, — заметила она.

— Я думал, тебе понравится, если я опозорюсь при твоих придворных? — поддразнил он.

— Я беспокоюсь за себя, — сказала она холодно, — и проявляю разумную осторожность.

Она потянула его за руку, но он не отпускал ее. Она сдалась, не желая показывать свою слабость.

— Ты не веришь, что я могу это сделать.

Она не верила.

— Меня не беспокоит, что они все подумают.

Она это знала. Но это беспокоило ее.

— Нет, — сказала царица, хотя уже колебалась.

Он почувствовал ее неуверенность и улыбнулся.

— Я твой царь? — его азарт неудержимо захватывал ее.

Этот аргумент она была не в состоянии отрицать. Она желала, чтобы он был ее царем, и сопротивлялась уже из последних сил.

— Конечно. — согласилась Аттолия, но теперь ее начал захлестывать гнев.

На щеках показался розовый румянец. Музыка остановилась, придворные молчали. Никто не мог расслышать их тихие слова, но всякий, кто видел лицо царя, знал, что он спросил, и что она ответила.

Лица людей, ненавидевших Евгенидиса, осветились радостью, когда он вывел царицу на пустую середину зала. Он смотрел в пол, как будто тщательно выбирая место, и несколько раз шаркнул подошвой по каменной плите, прежде чем поднять глаза.

— Ты знаешь шаги?

— Конечно, — ответила царица, снова улыбаясь.

— Конечно, — повторил царь. — Но тебе придется делать тоже самое, только учитывая, что я буду вести тебя вправо и пользоваться только левой рукой.

— Это просто, — сказала царица, протягивая ему руку.

— Да, — согласился царь, принимая ее.

Он уверенно сжал ее пальцы.

— Не бойся. Прежде чем я украл у тебя из-под носа Дар Хамиатеса, я научился танцевать.

— Я и не боюсь, — холодно сказала она.

— Хорошо, — одобрил царь. — Тогда я тоже не боюсь.

Он кивнул музыкантам, первым ударил барабан, затем к нему присоединился голос флейты. Царь с царицей шагнули друг к другу и сделали первое па, глядя друг другу в лицо и держась левыми руками. Правая рука Аттолии, которой она должна была держать левую

руку царя, висела вдоль бока.

— Значит, это не единственный танец, который ты знаешь?

— Да, но со мной все равно никто не танцевал. Воры не пользуются популярностью.

«Я даже знаю, почему», подумала Аттолия, но вслух спросила:

— Откуда ты знаешь квадратный танец?

Музыка зазвучала быстрее.

— Меня научила мама. Мы танцевали на крышах дворца. По легенде с вором можно танцевать где угодно, ты всегда будешь в безопасности.

— Но сейчас ты царь, — заметила она.

— Да, но также говорят, что когда танцует царь, весь народ может смело танцевать вместе с ним.

— Избавь меня, — сказала Аттолия, — и мой народ от танцев на крыше.

— Может быть, это работает только в Эддисе.

Этот танец назывался квадратным, потому что проходил на одном небольшом квадрате, за пределы которого не должны ступать ноги партнеров. За первой парой выстраивались следующие, вставая на воображаемую линию. Танец начинался медленно, но постепенно музыка ускорялась, и танцоры двигались все быстрее и быстрее, снова и снова повторяя одни и те же па. В конце каждого куплета Аттолия отворачивалась от царя, а затем снова поворачивалась к нему лицом. Они брались за руки и вместе делали полный оборот, а затем начинали снова. Темп музыки увеличивался, не оставляя дыхания для разговоров.

Отвернувшись в очередной раз, Аттолия почувствовала прикосновение к волосам, а повернувшись, встретила шальной взгляд Евгенидиса. Затем она почувствовала, как ее тщательно уложенные косы плавно стекают вниз по шее и плечам. Евгенидис, двигаясь синхронно с царицей, по одной вытаскивал шпильки из ее волос каждый раз, когда она поворачивалась к нему спиной. Остальные заколки ослабли, и волосы свободно рассыпались по спине. Тяжелые пряди качнулись, когда она поворачивалась, и последняя из шпилек отскочила и покатила по мраморному полу.

Царица была на пару дюймов выше Евгенидиса, и он приподнялся на цыпочки, чтобы дотянуться до ее затылка. Тем, кто смотрел со стороны, могло показаться, что он парит над полом, без видимых усилий бросив вызов силам природы. Фрезина, старшая из служанок царицы, из-за спинки трона наблюдала, как ее царица пляшет, словно пламя на ветру, со своим царем, забывшем о силе притяжения. Они двигались все быстрее и быстрее, ни разу не запнувшись, пока музыка не взвизгнула на самой высокой ноте и танцоры не замерли, откинувшись назад и удерживая друг друга от падения крепко сцепленными руками. Потом музыка прекратилась, и танец закончился.

Волосы и юбка царицы качнулись в последний раз и замерли. Она хладнокровно отвела пряди с лица и использовала одну из них, чтобы обернуть ею собранную на затылке шевелюру.

Царь озабоченно нахмурился. Медленно повернувшись, он осмотрел пол у себя под ногами.

— Ага, — сказал он и, шагнув в сторону, быстро нагнулся, чтобы что-то поднять.

Выпрямившись, он сунул руку в карман и вытащил ее, полную шпилек.

Он протянул их царице.

— Прощу извинить, мой царь. Мне надо ненадолго уйти, чтобы причесаться.

— Конечно, — сказал царь, нежно повторив ее слово, недавно сказанное ею в порыве

раздражения.

Он поклонился. Царица наклонила голову и обернулась. Она прошла мимо трона к лестнице, и ее служанки по очереди присоединялись к ней.

Ген вернулся на трон, и уселся, выглядя при этом довольным, как сытый кот.

Фрезина, присоединяясь к царице, услышала, как Элия бормочет себе под нос:

— Для кого он устроил это представление?

— Для тех, у кого есть глаза, чтобы видеть, — прошептала Фрезина через плечо.

Стоявший рядом Орнон молча согласился.

* * *

Костис прекрасно провел вечер, сидя над письмами отца и сестры и ничего не зная о событиях в тронном зале. Он коротко сообщил им о своем позоре, и получил в ответ больше писем, чем отсылал. Послания сестры были заполнены несущественными событиями на ферме. О рождении нового кузена и приплоде у коровы сообщалось в одном предложении. Хотя Костис не сомневался, что Талия больше интересуется теленком. Он предпочел думать, что сестре не стали сообщать, как он чуть не пустил их жизнь под откос.

Впрочем, нет, он понимал, что сестра все знает. Родственники наверняка тыкали носом и отца и Талию в позор Костиса каждый божий день, но отец так же не упоминал об этом происшествии. Он только заверил сына в своей поддержке. Костис был рад письмам и перечитывал их снова и снова, но не находил времени ответить.

Находясь в задумчивом состоянии духа, он решил лечь спать пораньше. Мрачные предчувствия не оставляли его и во сне.

Глава 6

— Не беспокоит ли тебя глаз? — спросил царь на следующее утро.

— Нет, Ваше Величество.

— Значит, я могу воспрянуть духом? Ты заставил меня почувствовать себя виноватым. После завтрака царь отказался удовлетворить своих наставников.

— У меня назначена встреча в саду, — объяснил он царице, извиняясь.

Похоже, это было новостью только для Костиса. Никто из слуг не моргнул и глазом. Поцеловав жену, царь спустился по ступеням террасы. Слуги двинулись к перилам, чтобы присоединиться к нему, но он повернулся и помахал им рукой, приказывая оставаться на месте. Его Величество удалился в сопровождении одного телохранителя.

Под террасой раскинулся Сад царицы. Когда-то Костис полагал, что здесь имеется в виду его собственная царица, но теперь успел узнать от других лейтенантов, что этот сад в течение многих лет находился в исключительном распоряжении царских жен. Он начинался от нижних ступеней террасы и с остальных трех сторон был отделен от дворца заросшими плющом стенами. Низкая каменная балюстрада отделяла место для завтрака от зарослей розовых кустов. Для защиты частной жизни царицы здесь больше ничего и не требовалось. По другую сторону каменных перил начиналось хорошо организованное зеленое пространство.

Сад был разделен на сектора стенами живой изгороди. То здесь, то там изгородь разрослась настолько, что формировала зеленые арки и тоннели, ведущие в комнаты со стенами из кустов шиповника и боярышника. С высоты террасы можно было разглядеть, что ближе к центру сада, эти живые аркады и коридоры формируют небольшой лабиринт. Заблудиться в нем было невозможно, но аккуратно подстриженные линии кустов обеспечивали безопасность и конфиденциальность хозяйкам сада. Зеленые ветви переплелись так плотно, что прорваться сквозь них было непросто даже хорошо вооруженным людям. Царица могла гулять там в одиночестве, оставив свою охрану у арочного входа.

Царь двинулся по тропинке вдоль балюстрады. Летний ветер скручивал пыль в столбики и швырял их о стену террасы, некоторые облачка пыли поднимались так высоко, что глаза Костиса опять начали гореть. Царь прикрылся широким рукавом от ветра и свернул в сторону лабиринта. Там перед арочным тоннелем его уже ждали капитан гвардии, отряд телохранителей и Эрондитес-младший.

Костис узнал его с первого взгляда. Пути царя с Дитесом пересекались довольно часто, и Костис уже привык видеть этого шутника почти ежедневно. Он был очень похож на своего младшего брата Сеана, хотя носил длинные темные волосы и следовал моде,

распространенной при дворе среди молодых щеголей. Он был одет в богато вышитый просторный камзол и держал руки в карманах, глядя одновременно с опаской и презрением.

— Привет, Дитес, — бодро сказал царь.

Костис стоял за спиной Его Величества и слышал улыбку в его голосе, хотя не мог заглянуть Евгенидису в лицо. Костис поморщился. Кажется, царь нашел себе нового мальчика для битвы. Впрочем, если его интересовал автор «Новобрачного царя», ему достаточно было просто спросить Релиуса, Секретаря архива и шефа царских шпионов. Релиус точно знал, кто был ответственен за публичное оскорбление Его Величества.

— Думаю, нам следует поговорить, — предложил Евгенидис.

Костис переглянулся с охранником рядом с ним и отвернулся.

— О чем, Ваше Величество?

Дитес решил держаться, как всегда, нагло. Костис постарался сдержать тяжелый вздох. Ему предстояло наблюдать сцену, которая обещала быть очень, очень некрасивой и затянуться надолго. Дитес был дураком. Как наследник могущественного барона, он мог бы получить иммунитет, но все знали, что он отказывается принимать помощь отца. А если его собственный отец не принесет к подножию престола просьбу о помиловании сына, никто другой этого не сделает.

— О твоей забавной песенке. — прежде, чем Дитес успел сказать хоть слово возражения, царь обратился к Телеусу. — Ты должен был поставить стражу у всех входов. Ты отдал приказ?

Телеус кивнул, и царь повернулся назад.

— Мы можем побеседовать в лабиринте, Дитес.

— Я все еще не понимаю о чем, Ваше Величество.

— Ну, о твоей плохой информированности, для начала. В песне множество неверных деталей, знаешь ли. Я уверен, что как автора тебя интересуют точные факты, и могу поделиться подробностями. — Царь сделал паузу, чтобы убедиться в полном внимании Дитеса. Впрочем, он полностью завладел вниманием всех окружающих. — Она плакала.

Дитес отпрянул.

— Ваше Величество, я не могу...

— Хотите это слышать? Почему бы нет, Дитес? Разве вы не хотите добавить в песню пару куплетов? Царица плакала в свою первую брачную ночь. Ты ведь не затруднишься подобрать рифму? Пойдем прогуляемся, я могу рассказать кое-что еще.

— Ваше Величество, прошу вас... — произнес Дитес дрожащим голосом. — Я не хотел бы ничего слышать. Прошу вас простить меня.

Весь двор знал, что он влюблен в царицу. Да что там, вся страна знала. Он сделал шаг назад, но Телеус стоял прямо за ним, исключая возможность побега.

Рука царя, которая заканчивалась серебристым крюком, скользнула на спину Дитеса и вежливо но твердо подтолкнула его к арке.

— Прогуляемся, — повторил царь.

Костис остался стоять рядом с остальными гвардейцами, прерывисто дыша через до боли стиснутые зубы.

— Ублюдок, — прошептал кто-то у него за спиной.

— Пусть почаще оглядывается назад, — негромко сказал другой голос.

— Спокойно, — приказал Телеус.

— Капитан... — запротестовал стражник.

— Всем заткнуться, — прорычал Телеус.

Больше никто не произнес ни слова. Через полчаса царь с Дитесом вернулись из сада. Дитес выглядел спокойным и на удивление умиротворенным. Пройдя по аркой, он повернулся и опустился перед Евгенидисом на колени. Царь дружелюбно произнес:

— Встань, Дитес.

— Спасибо, Ваше Величество.

— Пообедаешь со мной завтра?

Дитес искоса взглянул на грязные колени своих модных штанов и улыбнулся:

— Спасибо, Ваше Величество. Почту за честь.

Царь улыбнулся. Дитес улыбнулся еще раз. Они расстались. Дитес в одиночку пошел к боковому выходу, а царь в сопровождении охраны вернулся на террасу, где сервиз для завтрака уже был убран со стола. Царицы не было. Ветер веял над чистыми мраморными плитами.

К концу дня весь дворец знал, что Дитес переметнулся на сторону царя. Костис снова и снова прокручивал в голове доказательства, виденные собственными глазами, и не мог поверить. Готовясь ко сну, он все еще продолжал думать о странном разговоре царя с его бывшим врагом. Он уже собирался задуть свечку, когда увидел в дверном проеме Ариса.

— Слышал последнюю новость? — спросил Арис.

— Я даже был там, — сказал Костис. — Я видит Дитеса, как тебя.

Арис решил поправиться.

— Ну, наверное, не самую последнюю. Предпоследнюю. Слышал, что случилось вчера за ужином?

Костис покачал головой. Арис коротко изложил события стычки царя с молодым придворным за столом в тронном зале.

— Похоже, он хорошо подумал над твоими словами, что ведет себя не как царь. Ты думал, что он не умеет держаться по-царски, но вчера у него получилось очень убедительно.

Арис получил не тот ответ, которого, вероятно, ожидал.

— Он рассказал мне одну историю, Арис. Когда я сидел у себя в комнате и ждал, когда меня повесят. Он сказал, что его двоюродные братья были еще хуже моих, потому что макали его лицом в лужу, пока он не соглашался проклясть свою собственную семью. Он сказал... — Костис наморщил лоб, — он сказал, что не рассказывал об этом никому, кроме меня. Я полагаю, он не ожидал, что я доживу до следующего дня.

— Ты мне не рассказывал.

— Конечно, нет. — сказал Костис. — Он рассказал это мне одному, и только потому, что думал, я не проживу достаточно долго, чтобы проболтаться. Я ни с кем не мог говорить об этой истории.

Арис тихо рассмеялся.

— Я кажусь тебе смешным? — спросил Костис.

— Вот именно, — признался Арис. — Но мне, циничному реалисту, приятно видеть, что кто-то еще верит в идеалы и даже готов сражаться за них.

— Если царь не рассказывал эту историю никому, кроме меня, он подумает, что это я растрепал ее всем вокруг. Только почему он ничего не сказал мне сегодня утром, когда мы тренировались?

— А он должен был? — спросил Арис.

— Не знаю, — признался Костис. — Но я не хочу, чтобы он считал меня паршивым

сплетником.

— Или продавцом сплетен, — предположил Арис.

Глядя в озадаченное лицо Костиса, он пожал плечами и закатил глаза.

— Ты знаешь, сколько могут стоять жареные новости о твоём патроне? — спросил Арис. — Если наш друг Дитес не заплатил за них тебе, можешь быть уверен, что он заплатил кому-то другому.

Костис пришел в ужас.

— Неужели он думает, что я продал его секрет?

Арис снова пожал плечами. Костис выругался, пунктуально прокляв царя именем каждого известного ему бога.

* * *

Он все еще был зол на следующее утро. Зол и полон решимости объясниться с царем при первой же возможности, которая как раз должна была представиться на утренней тренировке. Странно, непохоже, чтобы царь держал на Костиса страшную обиду. Впрочем, подумал Костис, царь никогда не выглядит так, как должен был бы. Сейчас он просто стоял и ждал, когда Костис примет стойку для их убогих простейших упражнений. Но Костис не двигался. Он стоял, гордо развернув плечи, и готовился произнести свою речь.

— Ваше Величество, если вы думаете, что это я продал историю о ваших братьях...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Царь прервал его, не дав закончить.

— Я бы никогда не обвинил тебя в подобном поступке.

— Ну, уверяю, вы ошибаетесь, — запоздало возразил Костис, не расслышав ответа.

Царь рассмеялся. Костис начал медленно краснеть. Люди вокруг них стали оборачиваться. Все же Костис решил не сдаваться.

— Вы можете думать обо мне плохо, я и сам плохо думаю о себе, но я не распространял эту историю.

— Опоздал найти покупателя? Ничего, повезет в следующий раз.

Костис поднял подбородок немного выше.

— Следующего раза не будет. Я никогда бы не опустился до того, чтобы рассказывать чужие тайны.

— Даже если тебе не нравится человек, чью тайну тебе приходится хранить?

— Тогда особенно, — сказал Костис, надеясь, что его презрение производит должное впечатление.

— Да уж, я вижу. — казалось, царь развеселился еще больше. — Переходим к первой позиции? Постараюсь не выколоть тебе глаз. Хотя это будет нелегко, учитывая, как ты задираешь подбородок.

Костис покинул плац вызывающе удовлетворенный. Возможно, он вел себя как осел, скорее всего, так оно и было, но он показал царю, что имеет право на собственную гордость. Он был очень доволен собой, по крайней мере до тех пор, пока не получил вызов к царице.

* * *

В полдень Костис, как обычно, спешил из внутреннего дворца в казарму. Он должен был пошевеливаться, чтобы успеть перехватить что-нибудь в столовой гвардии, а затем вернуться к службе в царских покоях. Проще было бы захватить с собой хлеба с сыром в сумке на поясе, но это являлось грубым нарушением дисциплины. Он так же пробовал пропустить обед, но его желудок имел свойство громко бурчать во время судебных заседаний.

В коридоре к нему подошла одна из служанок царицы, Имения, и он посторонился, давая ей пройти, но она остановилась.

— Царица желает поговорить с вами, лейтенант, — сказала она.

Костис удивленно уставился на нее.

— Со мной?

Служанка ответила строгим взглядом. Костис пробормотал извинения.

— Простите, куда мне идти?

Имения снисходительно кивнула и отвернулась, ожидая, что он последует за ней. Костис знал имена всех служанок и постепенно приложил эти имена к лицам, которые наблюдал в зале суда и за ужином. Имения не была главной служанкой царицы, но являлась одной из самых старших.

Чувствуя легкое головокружение, и только частично от того, что вообще ничего не ел в тот день, он шел к покоям царицы. Имения кивнула охранникам в коридоре. Они не сказали ни слова и даже не взглянули на Костиса. Вообще, они выглядели более солидно, чем те, кто охранял царя. Караульное помещение за дверью было целиком залито светом из окон под потолком. Эта комната была намного просторнее караулки в апартаментах царя, полностью обшитая деревянными панелями с мозаичными картинами. Костис зачарованно уставился на них.

Он считал обстановку в комнатах своего царя пределом роскоши, но только до тех пор, пока не увидел это помещение, которое было даже не приемной, а всего лишь комнатой для охраны. Звук легких шагов, цокающих по мраморному полу, напомнил ему, что он пришел сюда вовсе не для того, чтобы любоваться стенами. Он вручил свой меч одному из стражников и поспешил за Именией, которая даже не замедлила шага.

Она прошла через одну из дверей на противоположной стороне караульного помещения, затем миновала коридор, который превратился в неширокий проход, освещенный узкой полосой света из неплотно притворенной двери. Служанка остановилась на пороге и поманила Костиса. Царица ждала его в маленьком кабинете, единственной мебелью которого было кресло и небольшой стол.

Аттолия бесстрастно посмотрела на него и сразу приступила к делу.

— Что делает царь, когда отсылает слуг и уходит в свою комнату?

Всего несколько часов назад Костис гордо заявил царю, что никогда не опустится до распространения сплетен. Он почти слышал, как Арис оплакивает его идеалы, рухнувшие вниз, словно груда мусора. Хотя, это нельзя было считать сплетнями, царица имела право задать ему прямой вопрос о действиях царя, который до сих пор считался то ли полновластным сюзереном, то ли гнусным осквернителем престола. Костис возблагодарил богов за то, что может оставить свою совесть незамазанной, и ответил:

— Я не знаю, Ваше Величество.

— Не знаешь, лейтенант, или не хочешь сказать?

— Я не знаю, Ваше Величество. Прошу прощения.

Царица выглядела задумчивой.

— Совсем ничего?

Костис сглотнул.

— Ты хочешь сказать, что насколько тебе известно, он проводит все время, сидя у окна и больше ничего не делая?

— Да, Ваше Величество, — сказал Костис, радуясь, что может ответить правду.

— Можешь идти.

Костис шагнула назад в дверь и вернулся в караульное помещение. Служанки не было видно. Костис потряс головой, но не смог избавиться от ощущения гнетущего величия царицы. Вот так, сказал он себе, и должен выглядеть настоящий государь.

* * *

Однажды утром в гвардейской бане, слуга, старательно намывивавший Костису спину, неожиданно заговорил.

— Один мой друг, — тихо сказал он, — кое-что слышал вчера.

Удивленный его таинственным тоном, Костис переспросил:

— Что он слышал?

— Разговор двух человек. Вы знаете, когда люди сидят в ванне, им кажется, что их не слышит никто вокруг, но иногда их слова могут прилететь кому-нибудь прямо в ухо.

— Да, — согласился Костис.

Все знали, что под сводчатыми крышами бань иногда возникает неожиданное эхо.

— Со мной как-то случился казус. Когда полковой ветеринар рассказывал о своих женщинах.

— Эти двое говорили не о женщинах.

— Продолжай, — сказал Костис.

— Ну так вот, — приободрился банщик, — меня это беспокоит, поэтому я хотел бы доложить, куда следует, а потом забыть. Один человек спросил другого, хорошо ли идет их дело, а второй ответил, что все идет по плану, но результатов следует ждать только через несколько недель. Еще он сказал, что первый человек будет доволен теми результатами. Это его точные слова, «будет очень доволен результатами».

— Ну и что? — спросил Костис. — Они могли говорить о чем угодно. Об обучении лошади, например, или о делах на ферме...

— Не думаю, — задумчиво возразил банщик. Он прополоскал мочалку и повернулся лицом к Костису. — Потому что это были барон Эрондитес с Сеанусом.

Опять Сеанус, подумал Костис.

— Я предполагаю, — медленно произнес он, — что барон Эрондитес служил в гвардии еще при старом царе, а так как Сеанус до службы у царя тоже был телохранителем, они оба имеют право пользоваться гвардейскими банями... когда не хотят, чтобы их увидел вместе кто-нибудь из придворных.

— Точно, — сказал банщик. — А теперь я собираюсь забыть все, что слышал от них.

Он отступил на шаг назад. Все еще находясь в задумчивости, Костис отправился во дворец.

Дитес оборвал все связи со своей семьей, хотя барон все еще считал его своим

наследником. Люди думали, что старик, вероятно, ждет, когда Дитес возьмется за ум. При этом барон публично подчеркивал свою любовь к младшему сыну, оплачивал его счета и держал свои покои открытыми для него в любое время дня и ночи. Зато сам Сеанус настойчиво подчеркивал свою преданность гвардии и держался на расстоянии от отца. Правда, многие думали, что он больше предан своей карьере, чем царице, но если считать преступником каждого карьериста, то царская тюрьма окажется забитой такими преступниками до потолка. Тюрьма, между прочим, не резиновая. Конечно, Сеанус полностью разделял мнение своего отца о старшем брате, и Дитес платил ему взаимностью. Это становилось совершенно очевидным при их случайных встречах. Сеанус называл Дитеса пижоном и трусом. Дитес глумился над Сеанусом, считая его некультурной потной свиньей, но однажды был вынужден в бессильной ярости наблюдать, как Сеанус одну за другой рвет струны его любимой лиры, пока их друзья наблюдали за ними с сочувствием или злорадством, смотря какую сторону они поддерживали. Учитывая, что Сеанус мог стать наследником только после Дитеса, его враждебность не казалась удивительной никому и ничуть не противоречила преданности царице Аттолии.

Но этот разговор подальше от чужих глаз казался очень подозрительным. Учитывая репутацию неугомонного барона Эрондитеса, все вокруг ожидали от него очередного заговора.

Очевидно, эта история сильно беспокоила банщика, раз он решил обратиться к Костису и по каким-то своим соображениям не выбрал кого-то другого. Теперь, став обладателем этой информации, что Костис должен был сделать с ней?

Рассказать Релиусу. При этой мысли губы Костиса скривились от отвращения, но шеф шпионов мог уже быть в курсе дела. Релиус знал все о каждой из дворцовых интриг. Возможно, он уже знал и о разговоре в бане, так что это не окажется для него новостью. Во всяком случае, подозрение в заговоре не являлось сплетней, и на него джентльменские правила не распространялись. Действиями Костиса должна была руководить преданность престолу, и это полностью совпадало с его принципами самосохранения. Следуя примеру банщика, Костис собирался передать сведения по инстанциям, а потом позабыть как можно быстрее.

Он внимательно приглядывался к Сеану в тот день. Подозревая шутника в дурных намерениях, Костис находил проказы Сеана все менее и менее забавными. Он решил поговорить с Релиусом, как только его отпустят со службы.

* * *

Во второй половине дня царь с царицей, как обычно, занимались государственными делами. Вернее, занималась царица, потому что Костис не был уверен, чем занят царь. Казалось, даже Костис уделяет государственным делам больше внимания, чем Евгенидис. Он находил многие вещи на удивление интересными, некоторые неприятными, а кое-какие просто чудовищными.

Его Величество, со своей стороны, находил их все скучными. Откинувшись на спинку трона, он смотрел на свои ноги или в потолок. Наверное, он никогда не слушал, и время от времени казалось, что он спит, хотя Костис подозревал, что царь притворяется, прячась за закрытыми веками, чтобы без помех предаваться размышлениям. Если это и было так,

царица не протестовала. Она хладнокровно вершила суд, словно царя здесь и не было.

Царь подал признаки жизни один-единственный раз, когда шпион Релиуса принес первые слухи о том, что бароны Суниса подняли восстание против царя и его наследника, и Софос исчез, будучи, вероятно, похищен мятежниками. Но даже тогда царь не высказал ни одного замечания. Он говорил в суде всего один раз, да и то будучи принужден к этому одним из эддисийских советников.

В тот день велась продолжительная дискуссия о размещении эддисийских гарнизонов. Баронам, у которых стояли войска, платили за их содержание, но некоторые продолжали жаловаться на несправедливое распределение финансового бремени. Один из помощников посла Эддиса решил обратиться прямо к царю и в упор спросил его:

— А что вы думаете, Ваше Величество?

— Что? — Евгенидис заставил себя вернуться в реальность.

Он сердито взглянул на эддисийца, недовольный нарушением его покоя. Орнон откашлялся.

— Барон Анакритис хотел бы быть освобожден от поста нашего гарнизона. Мы обсуждаем, куда можно перевести отряд.

— Кажется, барон Клетус находится рядом. Отправьте их к нему.

— Ах, — дипломатично заметил Орнон. — Наши инженеры обнаружили, что через его земли проходит ущелье, которое делает наше положение тактически... уязвимым.

Одним словом, отряд становился совершенно бесполезным, так как ущелье отделяло земли барона Клетуса от всех основных дорог страны. Костис внимательно слушал все доводы, старательно вникая в детали. Он сдержал в груди вздох, ожидая повторения доклада, но на этот раз был избавлен от прихоти царя.

Евгенидис небрежно махнул рукой и предложил:

— Пусть построят мост.

Докладчики скосили друг на друга глаза, но царское решение было высказано и не подлежало обсуждению. Дальше речь уже шла об условиях строительства моста. Возвращаясь в царские апартаменты, Евгенидис еще раз похвалился своей находчивости.

— Это было очень умно, — сухо сказала царица.

Костис припомнил, что после этой истории больше никогда не видел помощника посла, и больше никто не пытался вывести царя из его мечтательного состояния.

Он, конечно, не обращал никакого внимания на доклад по организации предстоящей двору поездки на сбор урожая, когда небольшая дверь позади трона распахнулась, и Релиус скользнул между двумя стоящими перед ней охранниками. Он вышел из задней комнаты, чтобы незамеченным подойти к престолу и что-то прошептать, наклонившись к уху царицы. Как и капитан гвардии, он предпочитал обращаться непосредственно к царице и говорил с Евгенидисом только при необходимости.

В ответ на сообщение Релиуса Аттолия отклонила большую часть дел. Несколько человек, стоящих посреди большого зала продолжали ждать в молчании, тишину нарушал только звук легких шагов Секретаря архива, направлявшегося по мраморному полу к дверям прихожей. Каблуки его элегантных сапог из тисненой кожи постукивали деликатно и равномерно. На спине колыхался нарядный плащ, расшитый шелковыми нитями еще богаче, чем царский кафтан. Стражники открыли дверь по его сигналу, он шагнул внутрь и вернулся уже в сопровождении тихоходной свиты. Одного человека несли в кресле, второго, с завязанными глазами, вели под руку. Третий шел сам, но так волочил ноги, что казался

совершенно обессиленным.

Они выстроились перед царицей, и оставшиеся в тронном зале люди немедленно окружили их. Всю сонливость Костиса как рукой сняло.

— Они были арестованы почти одновременно, — сказал Релиус.

— В одном и том же месте?

— Нет, Ваше Величество. Один в Исмете, один в Забризе и один в столице.

Забриза и Исмет были названиями мидийских городов. Костис знал, что Забриза находится на побережье. В кабинете, где царь брал уроки мидийского языка, висел карта Мидии, но Костис не мог вспомнить, видел ли на ней Исмет.

— Не мог ли первый из арестованных выдать всех остальных? — спросила царица.

— Нет, Ваше Величество. Они ничего не знали друг о друге.

— Значит, среди твоих людей есть предатель.

— Я тоже так думаю. Хотя в это трудно поверить, Ваше Величество. Есть источники, которые должны были предупредить меня об этих событиях сразу... если бы они были в состоянии.

— Понимаю, — сказала царица.

Молчание аттолийских шпионов в Мидии выглядело странным. Они испугались и затаились, подумал Костис, или уже мертвы.

— Кто предал нас, Релиус? — спросила Аттолия.

— Моя царица, клянусь, завтра в это время я уже буду знать.

Аттолия обратилась к стоящим перед ней людям.

— Как вы смогли вернуться, будучи арестованными мидийским Императором?

— Мы посланники наследника Императора, Ваше Величество.

— И что вы должны сообщить?

— Он готовит армию для вторжения, Ваше Величество. Нам были зачитаны сведения с расположении сил, сборе людей, оружия и продовольствия.

— Подайте им стулья, — приказала царица.

Когда двое ходячих были заботливо усажены и обложены подушками, она сказала:

— Продолжайте.

— Он собирает огромную армию, Ваше Величество. Против нас обратилась вся Империя.

— У континентальных стран тоже есть армии. Они не позволят захватить нас без боя.

Шпион покачал головой.

— Престолонаследник приказал передать вам, что континент не начнет действовать на основании одних лишь слухов, а его войска рассредоточены по всей Империи, и он будет держать их таким образом до решающего момента. Он будет отрицать свое намерение до самого последнего дня, пока не соберет свою армию в гавани. После того, как они пройдут через Полуостров, у континентальных стран уже не будет времени скинуть их в море. Наследник сказал, что они даже не попытаются. Десять Наций будут слишком заняты собственными проблемами, чтобы отвлекаться на ваши.

— Наверное, следующий Император Мидии очень уверен в себе, если прислал вас ко мне сообщить о своих намерениях. Опыт подсказывает мне, патронос, что самоуверенность моего врага может стать моим лучшим оружием.

— Моя семья из охлоса, Ваше Величество. У нас нет своей земли, — смиренно ответил раненый шпион.

Царица не согласилась с ним.

— Вы все трое хорошо послужили Аттолии. Вы получите землю. Мой Секретарь проследит за этим.

Релиус проводил людей прочь.

Когда они ушли, царица не сделала ни одной попытки вернуться к делам. Она молча смотрела в пространство перед собой. Наконец царь заговорил.

— Мидяне возвращаются раньше, чем мы ожидали.

— Не обязательно, — сказала царица. — Старый Император еще жив. Наследник не получит полномочий, пока не займет трон. И все-таки, он укрепляет свою власть быстрее, чем я надеялась.

— Его подталкивает Нахусерех?

Аттолия покачала головой.

— Я думаю, его побуждает собственное желание. Релиус говорит, что Нахусерех все еще находится в немилости.

— Да. Релиус. — Царь сделал паузу. — Твой шеф шпионов лжец. И на этот раз он лжет нам, — медленно проговорил он.

Аттолия нахмурилась, затем почти незаметно покачала головой.

— Надо арестовать его, — сказал царь. Еще немного подумав, он решительно добавил: — Немедленно.

«Если нас с царицей убьют, ты сможешь стать капитаном гвардии...». А если царь уничтожит Релиуса? Кто придет ему на смену? Костис едва дышал. Царь не стал отдавать приказ об аресте лично, хотя мог бы, но он обратился к царице в присутствии свидетелей. Теперь все должны увидеть, захочет ли царица защитить своих слуг.

— Позовите Телеуса, — сказала она, и курьер поспешил из комнаты.

«Ты говорил, что он не может действовать, как царь, но он считает, что может...»

Царь с царицей сидели на трое не шевелясь, словно восковые куклы. Костис спрашивал себя, так ли их мысли мечутся у них в голове, как у него самого? Царица ничем не дала понять, о чем она думает. Даже ее глаза не обратились к стоящему перед ней Телеусу. Ее муж был государем Аттолии, а вся ее страна была наводнена эддисийскими солдатами. Она приказала арестовать своего Секретаря.

— Выполни приказ точно, Телеус, — предупредила царица. — Это должно быть сделано немедленно.

Когда капитан вышел из зала, они снова оцепенели. Время медленно скользило мимо них, никто не говорил, никто не двигался. Все ждали. Двери открылись, но вошел один посол Эддиса. Он поклонился престолу и спокойно встал около стены. Двери распахнулись еще раз, на этот раз вернулся Телеус. Он шел во главе гвардейцев, окруживших Секретаря архива. Ошеломленные придворные повернулись к царю. Истина уже была написана на лицах Телеуса и Релиуса. Секретарь архива был виновен.

— Он писал это, — сказал капитан, сжимая в кулаке пачку листов бумаги. — Когда он увидел нас в дверях, он попытался принять яд.

— На этой бумаге написано признание?

— Да.

Релиуса провели через зал, и он упал на колени перед престолом. Он смотрел перед собой, как человек, не видящий ничего, кроме смерти, для которого все звуки мира стали ничем иным, кроме как смутным шепотом.

Все с тем же выражением лица, он поднял глаза к царице.

— Могу ли я объясниться?

Аттолия посмотрела на него сверху вниз и ничего не ответила. Его губы шевелились, но слов не было слышно. Он ненадолго закрыл глаза и постарался справиться с одышкой.

— Когда я сказал вам, что не знаю имя предателя... я солгал, — признался он. — Я уже понял, что это может быть только моя вина. Я посещал одну женщину в городе. Вы знали о ней, знали, когда она бросила меня. Я думал, что она устала от меня, но когда она исчезла, я должен был понять, что я позволил ей узнать слишком много, и что она была мидийской шпионкой.

Он обхватил голову руками.

— Моя царица...

Телеус хлопнул его по затылку так сильно, что Секретарь упал лицом на мраморные ступени трона.

— Для тебя она «Ваше Величество»! — прорычал капитан гвардии.

— Телеус. — Царица осадил его одним словом, но лицо капитана, в отличие от лиц обоих государей, ясно показывало всю степень его ярости и отвращения к предателю.

— Яд? — спросила она Релиуса.

Он подтянулся и снова встал на колени.

— Я боялся, — сказал он.

— Понимаю, — ответила Аттолия. — Но разве невинный человек будет держать яд под рукой?

— Моя... Ваше Величество, — поправился Релиус. — Я подвел вас, — сказал он. — Я виноват, но клянусь, я ни за что не предал бы вас сознательно. Я написал все, чтобы вы знали это. Я не собирался ничего скрыть от вас. Вы должны поверить мне, — настаивал он.

— Я должна верить, Релиус?

Если все, чему он учил ее, было правдой, они оба знали ответ на этот вопрос. Его губы прошептали слово, но он не мог произнести его вслух. Он покачал головой.

— Нет, — тихо и печально согласилась царица. — Уведите его.

Релиуса увели, но ни один человек в зале не пошевелился, боясь первым обратить на себя внимание царицы.

— Вы будете наблюдать? — спросил царь.

— Я должна, — сказала царица.

— Я не могу, — признался царь.

— Конечно, нет, — согласилась Аттолия.

Она повернулась к камергеру, обязанностью которого было следить за порядком в зале во время суда, и сказала:

— На сегодня мы закончили.

Эти слова положили конец судебному заседанию. Камергер поклонился и предложил придворным очистить помещение. Когда царь встал, все остановились и, почтительно склонившись, ждали, когда он выйдет в сопровождении охраны и слуг. Костис оглянулся, чтобы в последний раз взглянуть на царицу, сидящую в одиночестве на троне среди пустого зала.

Нет, подумал Костис. Царь не будет присутствовать при допросе Релиуса. Это означало бы возвращение в ту нору под землей, где Евгенидис был заключен в тюрьму, где он лишился своей правой руки. Если он и выйдет сейчас таким больным, прямо-таки бледно-зеленым,

думал Костис, то не от сострадания к Релиусу, а от воспоминания о собственных муках.

Они вернулись в покои царя. Евгенидис остановился посреди караульного помещения.

— Который час? — спросил он, потирая лицо с видом только что проснувшегося человека.

Релиус был арестован, но царя это, похоже, не радовало.

— Половина пятого, Ваше Величество.

— Очень хорошо.

Царь вошел в свою комнату и потянулся к двери, преграждая вход слугам.

— Постучите мне через час, — сказал он. — До этого времени никто не должен меня беспокоить.

Он захлопнул дверь у них перед носом.

— Ну, — протянул Сеанус, — когда царь уединяется позлорадствовать, ему даже ты не нужен, Костис. Странно, почему он не поступает так же, когда ему хочется залезть в нору и зализать раны. Всем вместе стоять в коридоре было бы веселее.

Костис подумал, что сегодня царю, скорее всего, не нужно переставлять кресло к окну, и он хочет быть уверен, что никто из слуг не просочится в его комнаты, несмотря на приказ оставить его в покое.

Он вздрогнул, когда услышал скрежет засова. О существовании внутренних запоров он не подозревал. Сеанус рассмеялся над его удивлением.

— Он делает так каждую ночь, — сказал он. — Думаю, что наш маленький царь не доверяет нам. Мы должны скрестись по утрам, как охлос в храмовые двери, и ждать, пока они милостиво не распахнутся перед нами.

* * *

Аттолия вернулась в свои покои и отослала служанок прочь. Они сидела у окна. Раздался щелчок закрываемой двери, и больше ни звука.

Она думала о Релиусе. В первый год ее царствования, когда она была совсем молодой царицей, вынужденной в одиночку сражаться с мятежными баронами и не имеющей никакого оружия, кроме золота и собственного разума, ее охрана обнаружила Релиуса, подглядывающего за ней из-под телеги. Кто подослал его, спросила она, но он ответил: никто. Он сам себе хозяин и хотел взглянуть на царицу. Стоя перед ней в грязной одежде, незаконнорожденный сын управляющего фермой, Релиус предложил ей свою службу. Он сообщил ей все необходимые сведения об ее врагах. Он обучил ее ремеслу манипуляции и интриг, научил превращать людей в свои инструменты и оружие, чтобы выжить в мире, где не было места преданности и доверию. Никогда не доверять никому, таков был его первый и самый важный урок.

— Даже тебе, не так ли? — тогда она еще не разучилась смеяться.

— Даже мне, — серьезно ответил он.

К истине можно прийти только через боль, учил он, и она должна добиваться истины любой ценой. От этого зависела жизнь ее народа.

Она должна знать правду.

Тишина была ее убежищем, и она укрылась в молчании. На этот краткий отрезок времени ей не нужно будет ни двигаться, ни говорить, ни пытаться отделить правду от лжи,

чтобы понять причину предательства Релиуса, чтобы оправдать его проступок или свою собственную слепоту. Ее царь не умел находить спасения в тишине. Он предпочитал двигаться. Она часто наблюдала, как он мечется взад и вперед по комнате, бесшумно, как кошка в клетке. Но он так же умел обуздывать свой порыв и перемещаться медленно, почти незаметно, как солнечный свет на камне. Рядом с ним тишина становилась совершенно особенной, и он знал, как принести мир в ее душу.

Когда Фрезина через дверь сообщила, что пришло время переодеваться к ужину, Аттолия дождалась щелчка задвижки, а затем позвонила служанкам.

* * *

Через час царь приступил к переодеванию для ужина, и Костиса отпустили из царской прихожей. Он шел обратно через дворец с отрядом гвардейцев, сдавших свой пост. Они уже покинули внутренний дворец и шли через террасу, направляясь к лестнице, которая вела в сторону казарм, когда им навстречу выступил барон Суза.

Костис знал его в лицо, потому что ферма его семьи находилась на землях барона. Он вежливо кивнул и был удивлен, когда Суза назвал его по имени.

— Может быть, вы отпустите своих людей? — предложил барон. — Я бы попросил минуту вашего времени, чтобы пообщаться с земляком.

Костис неохотно отпустил людей обратно в казармы.

— Итак, Костис Орментидес, — сказала Суза, — вы стали доверенным лицом нашего царя, не так ли?

Костис пожалел, что не может позвать солдат обратно. Он находился в некотором смятении после ареста Релиуса. Их присутствие удержало бы Сузу от лишних вопросов, но было слишком поздно. Барон ждал ответа.

— Нет, сэр. Я бы так не сказал, сэр, — осторожно возразил Костис.

Подобно Арису, не решившемуся отшить Сеана, Костис собирался быть очень осторожным, чтобы не обидеть Сузу. Конечно, будучи землевладельцами, семья Костиса не был так уязвима, как близкие его друга. Барон не мог поднять налог на землю или отобрать часть ее, и каждый помещик в Аттолии, даже самый мелкий, перед законом был равен земельному магнату, но Суза был способен доставить семейству Орментидес множество других ненужных неприятностей.

— Вероятно, он признает за вами особые заслуги, учитывая, что разрешает оставаться с ним наедине?

— Его Величество... — Костис сделал паузу и посмотрел себе под ноги, надеясь правдоподобно изобразить замешательство. — Таким образом Его Величество демонстрирует свое чувство юмора.

— А? — Удивился Суза.

— В мои обязанности не входит ничего, кроме тренировки на полигоне, так как я... привлек его внимание.

Костис опасался, что может переусердствовать в изображении стыдливого пастушка, поэтому поднял голову и перешел к роли честного служаки.

— Я регулярно несу дежурство на стене, сэр, и при дворе после обеда. Эти дополнительные часы просто...

— Его каприз? — предположил Суза.

Лицо Костис окаменело.

— Я никогда не сказал бы так, сэр.

Называть царя капризным было чересчур даже для барона Сузы.

— И своими частными аудиенциями он просто позорит командира своей охраны?

— Его Величество пожелал отпустить свою свиту, и когда они сказали, что не могут оставить его в полном одиночестве, он выбрал меня в качестве замены. Я не считаю, сэр, что он таким образом оценил мои заслуги, скорее был недоволен поведением своих придворных, которые служили ему слишком небрежно... сэр.

Не слишком ли часто я «сэркаю», подумал Костис.

— Понимаю, — сказал Суза. — Тем не менее вы невольно становитесь обладателем определенного количества информации, которую, я уверен, вы пожелаете реализовать, лейтенант.

Костис надеялся, что его лицо не отразило испытанного им в этот момент ужаса. Однако, адмиральский адъютант получил от кого-то свою информацию, и сцена, устроенная Костисом на полигоне, могла привести придворных на мысль, что это у него язык не держится за зубами. Ему очень хотелось развернуться на каблуках и уйти, но он не мог. Он так же не знал, что ожидает получить от него Суза.

— Не так много, на самом деле, сэр, — сказал Костис. Он вспомнил аудиенцию у царицы. — Он проводит время в одиночестве, глядя в окно.

Он пожал плечами, словно извиняясь за незначительность информации. Брови Сузы сошлись на переносице. Вероятно, он не считал эти сведения незначительными. Было вполне очевидно, что Костис сообщил ему действительно нечто важное.

— Спасибо, лейтенант.

Барон протянул монету, которую Костис после минутного колебания принял, не зная, как отказаться. Затем Суза ушел.

Костис побрел через дворец вниз в казарму, считая себя полностью виноватым, хотя царь и не снизошел до прямого обвинения.

Глава 7

Табурет с громким стуком ударился о стену.

— Я собирался сесть на него, — мягко заметил Арис.

Он лежал на кровати, ожидая Костиса.

— Во всяком случае, я собирался пересесть туда, когда ты придешь. Что случилось?

— Я только что сделал глупость. Ужасную.

— Ты сказал царю, что ты не сплетник?

— Нет, — ответил Костис. — То есть да, я сказал царю. Но я сделал не эту глупость.

— Ты уверен?

В другой раз Костис рассмеялся бы.

— Я сказал царю, что никогда не пал бы так низко, чтобы сплетничать о его личных делах.

— И что?

— В полдень меня вызвала царица и спросила, чем занимается царь, когда уединяется в своих покоях.

— Ах.

— Но я не мог ничего сказать царице.

— Судя по тому, что ты здесь и еще дышишь, что-то ты ей все же сказал?

— Она хотела знать, делает ли он что-то кроме того, чтобы все время глядеть в окно. А я сказал, что не знаю. Думаю, я не сказал ей ничего нового, я ведь не отказывался отвечать, просто я действительно ничего не знаю.

Он поднял руки, призывая Ариса согласиться, что его ответ не заставил его нарушить слово.

— И что дальше?

Арис не торопился выносить свой приговор. Он знал, что случилось что-то еще.

— Потом Суза задал мне тот же самый вопрос.

— Ах.

— Да перестань ты ахать!

— И ты ему сказал?

— Я думал, что это ничего не значит, но теперь мне кажется, что все не так просто. Для Сузы это было важно. А я этого не понял и проболтался.

— Но ты сказал то, что царица и так уже знала.

— Нет, — возразил Костис, — царица догадывалась. Ей просто нужно было подтверждение, правда ли это. — он потер лицо руками. — Я так устал от людей, которые знают больше меня и оказываются умнее меня. Я хочу вернуться на ферму. После этих

умников я запросто смогу поладить с любым из родственничков.

— Ну, по крайней мере, Суза не проболтается, и никто не узнает на этот раз, — успокоил его Арис. — Ты что на меня так смотришь?

— Ну, я ведь должен рассказать ему, не так ли?

Аристогетон не согласился. Шагая по комнате взад и вперед, он пытался убедить своего друга не обременять себя дальнейшими сложностями. Какое значение, в конце концов, имело то, что царь любит глядеть в окно? Что интересного он мог там высмотреть?

Костис не знал и не догадывался.

— Но это важно, Арис. Ты должен понять. Раз это важно для царицы и Сузы, значит, это может быть использовано против него.

— Тогда скажи ему, что тебя расспрашивала царица. Если Суза бросит ему в лицо какую-нибудь гадость, царь подумает, что слухи пошли от царицы. И он ничего никогда не узнает.

Костис покачал головой.

— Если Суза собирается наброситься на него, царь должен знать.

— Почему? — требовательно спросил Арис. — Ты ведь не будешь переживать, если завтра он отравится каким-нибудь деликатесом?

— Не буду, пусть себе травится. Главное, чтобы это не имело ничего общего со мной.

Арис смотрел на него, подозрительно прищурившись.

— Кажется, тебе не все равно, если он отравится, — заметил он.

Костис со вздохом признал этот очевидный факт.

— Если бы он подавился костью и волей божие помер, я бы не переживал. Но я не могу... Наверное, я сейчас похож на старого ханжу Софокла, но я не могу стоять в стороне и смотреть, как его убивают. Я никогда не хотел иметь ничего общего с такими людьми, Арис. Я хотел быть солдатом.

— А еще ты мечтал стать когда-нибудь капитаном гвардии, — напомнил Арис.

— Уже что-то не хочется. Это было до того, как я попал в это осиное гнездо.

— И чего же ты хочешь теперь?

— Вернуть себе хоть каплю самоуважения. Вот вся моя цель. Я расскажу ему о Сузе, расскажу о Сеане и, может быть, с благословения богов, меня сошлют в какую-нибудь колонию не самого строгого режима где-нибудь во Фракии.

— Слышал я об этой Фракии. Только ее чаще называют Сракией, позволь напомнить.

* * *

Твердо решив поговорить с царем, Костис приготовился ждать подходящего случая. Он не посмел заговорить на утренней тренировке на следующий день. Вокруг было слишком много людей, и его могли услышать. Он собирался дожидаться, когда царь отпустит своих придворных. Он уже даже начал волноваться, что царь выгонит его вместе с остальными слугами, когда пожелает снова запереться в одиночестве. Кроме того, при завоевании Эрондитеса-младшего царь, кажется, нашел новый способ восстановления душевного равновесия. Между уроками и аудиенциями он иногда выходил в сад. В дни, когда царь находил свободное время в своем расписании, сады пустели. Он мог приказывать охранникам занять места в ключевых точках и прогуливаться между ними в одиночестве.

Каждый день Костис уговаривал себя заговорить с царем на утренней тренировке, но потом отступал в нерешительности. Как он сказал Арису, это было не место для личных бесед. Он мог попросить царя о разговоре наедине, но после своей последней попытки знал, что Евгенидис не захочет пойти ему навстречу. Наоборот, он может в один миг превратить всю сцену в фарс и привлечь внимание всех находящихся в зоне слышимости, заодно оповестив и Сеана. Костис ждал.

* * *

Орнон тоже ждал и беспокоился. Релиус пал. Управление архивов пребывало в смятении. Царь с трудом согласился поговорить с баронами. Он все дальше и дальше отдалялся от государственных дел. Он редко разговаривал с царицей в присутствии посторонних, хотя Орнону сообщали, что он все еще целует ее после завтрака.

* * *

— Ваше Величество.

Сеану пришлось обратиться к царю дважды, чтобы наконец привлечь его мысли к тому, что придворный держал в руках.

— Что?

— Мне очень жаль, Ваше Величество, но на синем поясе, кажется, обнаружился чернильные пятна.

— Ничего, — сказал царь. — Принеси мне...

Принести ему что? Подумал Костис. Если у царя сдадут нервы, и он скажет: «Принеси любой пояс», слуги выберут и принесут то, что совершенно не подойдет к его платью ни по стилю, ни по цвету. Если он попросит что-то конкретное, то ему в очередной раз скажут, что пояс испачкан или отдан в чистку. Это могло продолжаться все утро, но царь куда-то торопился. Слуги стояли вокруг, демонстрируя абсолютное внимание, а Сеан прямо-таки излучал самодовольство.

— Принесите мне все чистые пояса, — устало сказал царь. — Я выберу сам.

Это было решение. Царь казался утомленным и совсем не торжествующим. Слуги выругались про себя, прикидывая, сколько раз им придется носиться туда-сюда в гардероб и обратно, и приступили к делу. Вскоре кровать и все кресла были покрыты коллекцией царских поясов.

Наконец царь был одет и готов идти. Он со всей свитой двинулся по направлению к храму Гефестии. Сегодня не ожидалось ни утренней тренировки, ни завтрака с царицей. Это был первый случай, когда царь решил посетить новый храм, еще находящийся в стадии строительства. Когда Евгенидис в последний раз обращался к Великой Богине, она перебила все стекла во дворце. Костис считал, что буря в тот день могла оказаться случайным совпадением, но он был человеком осторожным и надеялся, что сегодняшней визит не вызовет таких последствий.

Они вышли из дворца через ворота возле конюшен и поднялись к Священному Пути пешком. Новый храм Гефестии возводили на останках старого Мегарона. Царь с царицей

принесли свои брачные клятвы здесь у временного алтаря. С тех пор на укрепленном фундаменте были возведены стены нового наоса,^[6] на период строительства перекрытые камышом. Остальная часть фундамента была освобождена от мусора, как и часть полов, кое-где сохранивших остатки мозаичных узоров. Выпавшие из древних стен камни были сложены кучами, чтобы позднее быть использованы для усиления фундамента под колоннами. Царь решительно продвигался мимо каменных столбов, направляясь к дверям наоса и стоящим там жрицам.

— Здесь вы должны остановиться, Ваше Величество.

— Мне нужен ответ Великой Богини, я пришел поговорить с ее Пифией.

— Она знает ваш вопрос и получила ответ.

— Я еще не передал его.

Царь помахал в воздухе сложенным листом бумаги.

— Она уже знает, — повторила жрица.

Царь попытался протиснуться внутрь.

— Тогда она может сказать мне ответ.

Жрица протянула руку, чтобы остановить его.

— Она не скажет.

— Тогда я сам спрошу Великую Богиню.

— Вы не можете.

— Вы собираетесь встать между мной и Великой Богиней?

— Ни одна из нас не может быть отделена от Великой Богини, — сказала жрица, не опуская руки.

Костис подумал, что следует делать ему, если эти двое сейчас подерутся? Помочь царю осквернить храм? Или смотреть, как жрицы выкинут его из наоса?

К счастью для него из внутреннего помещения раздался повелительный голос. Сама Пифия вышла из тьмы и остановилась в дверном проеме. Чрезвычайно тучная, она была завернута в багряный пеплум с зеленой каймой, который, казалось, излучал зловещее сияние в сумраке храма. Ее мясистые пальцы выдернули бумагу из рук царя. Она развернула ее и, даже не читая, даже не взглянув, разорвала пополам. Так же спокойно она протянула царю вторую половину.

Евгенидис уставился на полосу бумаги в своей руке. Слуги за его спиной вытянули шею, чтобы прочесть, что там написано. Там не значилось ничего, кроме подписи, выведенной квадратными буквами левой рукой в нижней части страницы: АТТОЛИС.

— Ваш ответ, — сказала жрица.

Царь смял бумагу в кулаке и швырнул ее на землю. Не говоря ни слова и не оглядываясь, он зашагал от двери через открытое пространство перед храмом и спрыгнул вниз на землю. Охрана и свита поспешили за ним. Переглядываясь, тараща глаза и пожимая плечами, они были вынуждены перейти на рысь, чтобы догнать своего государя. Было ясно, что Пифия за одно утро сумела взбесить Его Величество больше, чем Сеанус за несколько месяцев. Евгенидис не замедлил шага и ни разу не оглянулся на всем пути от храма к дворцу и от ворот дворца до дверей своих покоев, которые он распахнул с таким грохотом, что находившиеся в караулке стражники подпрыгнули со своих скамей.

Влетев в прихожую, он наконец повернулся к своим людям и зарычал им:

— Убирайтесь!

Все еще удивленные и озадаченные сценой в храме, слуги удалились без возражений.

Царь пальцем указал Костису сначала на дверь в прихожую, а потом в спальню. Костис тихо затворил дверь в коридор и последовал за царем, чтобы переставить его кресло к окну. Евгенидис бросился в кресло, а Костис бесшумно вышел из комнаты.

В караульном помещении он встал у внешней двери и задумался. Сделать шаг вперед и привлечь внимание царя оказалось страшнее, чем он ожидал. Дверь была открыта. Костис оставил ее открытой в первый раз, и так как царь не возражал, то он решил не закрывать ее и в дальнейшем. Костису нужно было сделать всего три шага, чтобы войти в спальню и очистить свою совесть.

Он не двигался. Он еще раз рассмотрел доводы Аристокетона, но пришел к тому же выводу. Если он хочет искупить свою вину, он должен признаться царю в содеянном. Затем он прикинул, насколько жаждет вернуть самоуважение. Слишком сильно, наконец решил он и шагнул к двери.

Царь сидел в кресле с ногами и, притянув колени к подбородку, смотрел вверх них в окно. Он был так неподвижен и дышал так тихо, что только слишком долгий вдох указал Костису, что царь плачет. Поняв свою ошибку, Костис поспешно шагнул назад.

— Что такое, Костис? — голос царя звучал совсем слабо.

Должно быть, он заметил движение краешком глаза. Костис нехотя вышел вперед.

— Простите, Ваше Величество.

— Все будет хорошо, я уверен. Ты хотел мне что-то сказать?

Костис оторвал взгляд от пола. Царские слезы исчезли без следа, так быстро стертые, что Костис сомневался, видел ли их вообще.

— Ваше Величество...

— Ты пришел сюда, чтобы что-то сказать мне, да?

Костис решил говорить быстро, пока хватает решимости:

— Я сказал царице, что вы сидели здесь и смотрели в окно.

Царь оставался полностью сосредоточен на том, что происходит за стенами дворца.

— Она твоя царица. Вряд ли ты мог отказать ей.

— Я также сказал барону Сузе.

Царь отвернулся от окна. Он казался бесстрастным. Костис пробормотал извинение и объяснения. Он беспомощно нащупал в кошельке монету, которую с тех пор постоянно носил с собой, и протянул ее царю.

— Она не нужна мне, — сказал он. — Я сделал это не ради денег. Я вообще не хотел это делать.

Царь снова повернулся к окну. Костис стоял, держа в руке серебряную монету и ожидая, когда его сошлют на рудники.

Наконец царь проговорил очень тихо:

— Я прошу прощения, Костис. Я поставил тебя в безвыходное положение. Почему бы тебе не вернуться к своим товарищам, ты можешь идти.

— Идти, Ваше Величество? Смена караула только через час.

Евгенидис покачал головой.

— Ты можешь идти, — повторил он.

— Что мне делать с монетой?

— Посвяти ее. Думаю, какой-нибудь бог или жрец оценят ее по достоинству.

Костис вышел за дверь. Снаружи он кивнул начальнику караула.

— Меня уволили, — сказал он лейтенанту.

Тот кивнул и Костис вышел в коридор.

— Что, лейтенант? Решили прогуляться? — весело спросил охранник.

— Я уволен.

— С утра пораньше? Поздравляем, — сказал стражник, и Костис направился вниз по тускло освещенному проходу.

Вставать в такую рань было не слишком приятно. И занятия на плацу Костису порядком надоели. Теперь его странная службы была закончена. Он говорил себе, что должен быть счастлив, и спрашивал себя, почему не чувствует даже облегчения. Может быть, его потрясли слезы царя, но Костису не хотелось думать о них. Он очистил свою совесть и даже не был сослан; будущее должно было сиять всеми красками. Интересно, что царь так внимательно высматривал из окна?

Спускаясь по узкой лестнице к казармам, он нашел ответ. Когда Костис оказался на площадке и начал двигаться вниз по следующему пролету, он оказался прямо у окна в наружной стене дворца. Оно смотрело в том же направлении, что и окно царской спальни, и за ним в обрамлении темных стен открывался тот же сияющий на солнце пейзаж. Костис взглянул мельком, но потом вернулся вверх по лестнице, чтобы посмотреть еще раз. За окном расстилалось море крыш: крыши нижних помещений дворца, городских домов, башен на городской стене. Выгоревшие на солнце холмы в жарком струящемся воздухе на противоположной стороне долины Тастиса и выцветшее голубое небо над ними. Но царь смотрел не на них. Важно было то, чего он не мог видеть, когда сидел у окна, повернувшись лицом к Эддису.

Сердце Костис сжалось от сострадания. Он обругал этот слабый предательский орган, но не мог не вспомнить, как тоска по родине день за днем высасывала радость его жизни, когда он впервые покинул ферму. Его первое лето в казарме было самым тяжелым. Он никогда не уезжал от дома дальше, чем на несколько миль, и даже всей душой презирая братьев, готов был отдать свое месячное жалование, только чтобы увидеть знакомое лицо. Постепенно он занял свое место в гвардии, то болезненное чувство исчезло, но Костис еще слишком хорошо помнил его, чтобы не узнать его в глазах царя, так безнадежно глядящего в окно. Неужели он тоже думал о том, что больше никогда не вернется домой? Что оставил в прошлой жизни горы, где как Костис слышал, никогда не бывает слишком жарко даже летом, ради жизни на побережье, где почти никогда не выпадает снег? Неудивительно, если царь отверг более роскошные покои ради спальни с окном, обращенным к Эддису.

Ну и что? Костис вновь начал спускаться вниз по лестнице. Какое ему дело, если царь тоскует по дому? Евгенидис сам решил свою судьбу. Ему надо было остаться в Эддисе. Его никто не звал в Аттолию, ни царица, ни гвардия, ни народ...

— Черт побери! — Костис снова остановился.

Он забыл рассказать царю про Сеана. Но возвращаться уже не было никакого смысла. Продолжая ругаться, он спускался вниз по лестнице.

Глава 8

Вернувшись к себе, Костис обнаружил Аристогета, улыбающегося от уха до уха.

— Меня уволили, — сказал Костис, давая понять, что находится не в настроении для шуток, но Арис почти одновременно с ним объявил:

— Меня повысили. — И переспросил: — Что?

— Меня уволили, — повторил Костис.

— Ты рассказал ему о Сузе, не только о царице?

— Да.

— И он пришел в ярость?

— Нет, он извинился передо мной и очень вежливо сказал, что я могу идти.

— Извинился?

— Очень вежливо.

— Вот ублюдок.

Костис кивнул головой в знак согласия.

— Я ненавижу его.

— Так ты не получил свою каплю самоуважения?

— Нет, — сказал Костис. — Ни капли, ни полкапли, ни песчинки. Если бы он впал в

ярость и отправил меня в какую-нибудь Сракию...

— Ты чувствовал бы, что заслужил наказание, и с тобой обошлись как с человеком. И

ты сказал ему, что если бы сознательно продал секрет Сузе, то полностью утратил бы свою

честь, но этот гаденыш только посмеялся над твоим серебром?

— Я оставил его на алтаре Мираса по дороге сюда.

Арис застонал.

— Мне жаль, что я омрачаю твою радость. Тебя повысили?

— Меня и все мое отделение, — сказал Аристогетон, — зачислили в третью сотню.

Завтра я приступлю к своим обязанностям.

— В третью? Ты будешь служить во дворце?

— Я назначен самым царем. — Арис улыбался недоверию Костиса. — Я так мечтал

посмотреть, как он будет издеваться над тобой.

— Но это невозможно. Ты не имеешь права на подобное повышение.

— Большое спасибо за оценку моих заслуг.

Костис улыбнулся.

— Прости, друг. Я свинья. Конечно, ты заслужил третью сотню. Ты достоин стать даже

сотником, уж не ниже лейтенанта.

— Ну, — признался Арис, — подозреваю, что мы все обязаны честью нашему

красавчику Легарусу.

— Ах, — Костиса озарила внезапная догадка. — Повышен за красивую мордашку?

— Хоть он и из благородных, и слишком глуп, чтобы выслужиться честно, но если он поспособствовал мне и всему отделению...

— Значит, Легарус получил повышение, чтобы иметь доступ во внутренний дворец и к кому-то, кто живет во дворце.

Арис согласился:

— Да, я тоже так думаю, но у меня нет извращенного понятия о чести, так что ты не услышишь от меня ни одной жалобы на то, что меня повысили незаслуженно. Я буду покорно нести свою службу в третьей сотне и даже намерен это отпраздновать. — он поднял кувшин, который держал в руке. — Я буду праздновать, а ты можешь утопить в вине свои печали, — предложил он Костису.

— С удовольствием, — сказал его друг.

Много позже он задал Арису вопрос, который давно крутился у него в голове:

— Как ты думаешь, вор хотел стать царем?

— Конечно, — Арис даже не сомневался.

Костис, приняв его слова за прямой ответ, совсем не был готов, когда Арис добавил:

— Кто же не захочет жениться на женщине, которая отрубила вам правую руку?

Костис испуганно вытаращился на него.

— Все считают это блестящей мстью, — продолжал Арис, — но я бы самолично перерезал себе горло, чтобы не жениться на ней, режь она меня хоть на кусочки.

— Но ведь ты...

— Ее верный солдат? Конечно. Я в ад пойду за нее. Я никогда не забуду, что бегал бы по базару с лотком до конца моей жизни, если бы не она. При ее отце я бы в лучшем случае служил рядовым, жрал грязь и тянул бы солдатскую лямку, пока не помер бы от дизентерии или вражеской стрелы, и даже не мечтал бы стать командиром отделения гвардии Ее Величества. Посмотри на меня сейчас, я командир отделения в третьей сотне! Мирас ведет нас, и я молюсь за нее всем богам. Но я же не слепой, Костис. Я думаю о ней то же, что и все мои товарищи. Она абсолютно безжалостна.

Он наклонился вперед и убедительно помотал пальцем перед носом Костиса.

— И это хорошо. Это правильно, потому что иначе она не стала бы царицей. Она ослепительна, прекрасна и ужасна. Не дай бог мне такую жену, — заключил он.

Костис моргнул.

— В ней нет ничего женского, и ты не можешь верить, что хоть один здравомыслящий человек захочет жениться на ней. Если бы вор хотел стать ее настоящим мужем, он уже давно поставил бы вопрос о наследнике. Он это сделал? Если тебя интересует мое мнение, — Арис разошелся не на шутку, — это был план царицы Эддиса. Я слышал, что ее народ слушается ее, потому что любит, но нам следует лучше понимать людей. Если бы она не была такой же умной и безжалостной, как наша Аттолия, у нас не было бы царя из Эддиса. Держу пари на любую ставку, что вор был так же предан своей царице, как мы нашей.

Арис пожал плечами.

— Это Эддис послала его, чтобы он стал нашим Аттолисом. Бедняга. Будь я проклят, если хочу оказаться на его месте.

Он взглянул на Костиса и снова пожал плечами.

— Это всего лишь мое мнение. А теперь давай выпьем.

Костис глядел на дно своего кубка, пытаясь представить себя на месте царя.

— И все это не твое дело, — добавил Арис.

— Это не мое дело, — согласился Костис.

* * *

Царица была взволнована, но не выказывала признаков беспокойства, разбирая бумаги, грудой лежащие перед ней на столе.

— Не было никакой необходимости спрашивать Телеуса, кто командует гарнизонами приграничных фортов на северо-востоке. Ты и так знаешь.

— Я знаю?

— Ты просто провоцировал его.

— Зачем мне это делать?

— И ты десять дней назад просил меня вызвать коменданта из Прокера, чтобы встретиться с ним лично.

— Разве?

Царица покачала головой. Ее совместная встреча с Телеусом и Евгенидисом была крайне неприятной. Телеус стоял неподвижно и прямо, словно проглотил шомпол, а Евгенидис подобрался в кресле, как голодный кот, и она в любой момент ожидала яростно стычки между ними. Царь спрашивал Телеуса, как обстоят дела в крепостях на границе с Магияром, и когда вообще в столицу прибудет военный комиссар провинции, чтобы выступить с докладом. Телеус отвечал на каждый вопрос с едва скрытым презрением, но милостиво согласился придержать Костиса на необременительном графике дежурств, пока царь не придумает, что с ним делать дальше.

Царица приступила к дипломатической почте.

— Я бы хотела, чтобы вы с Телеусом ладили лучше.

— Я бы хотел, чтобы Телеус не был таким идиотом.

Если царица и слышала его, она не подала виду, заканчивая разбирать почтовую сумку, а потом отложив ее в сторону.

* * *

В горном Эддесе дни были короче, чем в прибрежной Аттолии. Лампы во дворце уже были зажжены, и летние сумерки уступили место ночной темноте, когда царица Эддеса вызвала в библиотеку халдея Суниса, который считался находящимся у нее в плену. Халдей только что вернулся из поездки в глубинку, куда ездил без сопровождения и где собирал различные версии народных легенд среди людей, живущих в почти изолированных от мира общинах. Старик полностью разделял любовь и уважение, которое царица Эддеса питала к своему бывшему Вору. После того, как халдей уселся в кресло и выпил чашу вина, предусмотрительно поставленную около его руки, царица вручила ему секретное сообщение своего посла в Аттолии, Орнона, и терпеливо ждала, пока он прочитает документ.

— Вот как, — сказал халдей. — Странно, что помощник посла был возвращен домой

так стремительно. Полагаю, это Ген поставил ему фонарь под глазом? Наверное, это было эффектное зрелище, пока синяк был свежим.

— Нет, это Орнон, — сдержанно сообщила Эддис. — Как видите, помощник самостоятельно решил вывести Гена из апатии.

— Похоже, он потерпел неудачу, — ответил халдей, переворачивая лист, чтобы прочитать несколько строк на обратной стороне. — Но я не уверен, что понимаю значение моста.

— Клетус и Анакритус являются союзниками царицы. Они платят разорительные сборы третьему барону, Миносу, за право пользования единственным на многие мили вокруг мостом через ущелье. Анакритусу мост нужен, чтобы перегонять стада на горные пастбища, а люди Клетуса возят через него продукты на рынок. Никто из них не может позволить себе роскоши построить собственный мост. Аттолия много лет собирается построить этот несчастный мост, но не может это сделать, не выказывая вопиющего предпочтения своим любимчикам, что, конечно, приведет в ярость Миноса, который формально так же является ее сторонником.

— Значит, теперь вы строите мост для нее?

— У Орнона не было другого выбора, — сказала Эддис с оттенком иронии, — как вежливо предложить помощь эддисийского гарнизона.

Халдей кивнул.

— Стало быть, у барона Миноса нет повода для жалоб, а бароны Анакритис и Клетус больше не будут считать присутствие эддисийского гарнизона обременительным для своего кошелька.

— И все безумно счастливы, — согласилась Эддис.

— А Ген по-прежнему выглядит бестолковым царем, — заметил халдей.

— А помощник Орнона является домой с синяком под глазом, — закончила Эддис. — Довольны все, кроме бывшего помощника посла.

* * *

Комната была небольшой с фресками на стенах и изящными резными панелями, закрывавшими низкий потолок и заставлявшими помещение казаться еще меньше. Здесь не было мебели, чтобы присесть, и крюка, чтобы повесить лампу, поэтому Сеанус некоторое время стоял с лампой в руке, дожидаясь прихода своего отца.

— Мне нельзя приходить сюда, — сказал он. — Мы не должны встречаться.

Эрондитес хмыкнул.

— Я должен получить твой отчет.

— Все в порядке.

Сеанус пожал плечами, лампа в его руке покачнулась, и тени дико заметались по комнате. Казалось, сатиры на стенах танцуют, украдкой поглядывая на заговорщиков.

— В царской свите уже не осталось ни одного придворного, не запятнавшего себя перед царем. Он уже готов выгнать их всех.

— Еще рано, — сказал Эрондитес. — Я пока не хочу, чтобы он увольнял их. Сначала он должен взять себе любовницу, а потом она скажет ему, кого следует приблизить к себе.

— Вы продвинулись меньше меня, — заметил Сеанус.

Барон сердито фыркнул.

— Потому что она всего-навсего красивая, недавно овдовевшая и глупая задница, которая танцует хуже своей сестры.

— Почему бы не использовать сестру, если она приглянулась царю?

— Она читает Софокла и Эврипида. Любит вышивать. Простодушная и бесполезная незамужняя девица. Зато ее сестра успела дважды овдоветь и вполне готова водить царя за нос. Он должен быть с ней. Я сказал ее отцу приструнить обеих, в особенности младшую. Она больше не будет танцевать с царем. А как насчет тебя?

— Что насчет меня?

— Я не хочу, чтобы тебя уволили вместе со всеми. Ты единственный из его слуг, который должен остаться с ним.

— Конечно, — сказал Сеанус. — Он не отпустит меня.

— Кажется, я слышал иное.

— Он зависит от меня. Остальные слуги не понимают, но мы с каждым днем все больше сближаемся с царем. Он не уволит меня, когда решит выкинуть всех остальных.

— Постарайся убедиться в этом, — предупредил барон.

— Обязательно, — сказал Сеанус.

Когда они ушли, Евгенидис немного передвинулся на одной из балок, поддерживающих стропила крыши. Деревянный потолок являлся, по сути, просто экраном, скрывающим чердак, но не задерживающим звуки. Он сидел в темноте, скрестив ноги, над комнатой, находящейся в стороне от жилья, но при этом недалеко от апартаментов царя. Абсолютно пустая и неподходящая для какого-либо использования, она была гарантирована от внезапных визитов нежелательных свидетелей. Зато архитектор, спроектировавший ее и использовавший деревянный экран вместо потолка, был пра-пра-прадедушкой Евгенидиса. Он назвал эту комнату «гадюшником для заговорщиков».

Бесшумно, как сова, Евгенидис пробрался в свою комнату и скользнул в постель. Уже лежа в темноте он прошептал:

— Итак, Сеанус, мой дорогой. Странно, что я не знал. И бедную Хейро отец наказывает за танцы со мной. Сеанчик, в какую игру ты играешь, а?

* * *

Следующим вечером он снова танцевал с маленькой сестрой леди Фемиды, Хейро.

— Это было красиво сделано, — сказал царь.

— Простите, Ваше Величество?

— То, как вы пытались избежать танца со мной и заставили меня настоять на своем приглашении. Только это.

Он указал на танцующих и они расстались. Когда они снова встретились, он сказал:

— Знаете, я слышал, как кое-кто назвал вас простодушной девушкой?

— Я не понимаю, о чем вы говорите, Ваше Величество.

— Он не понимал, насколько ошибается, — продолжал царь.

— Ваше Величество...

— Отец бил вас, моя дорогая?

Она слегка споткнулась. Он взял ее за руку.

— Вы устали. Позвольте проводить вас на место.

Танцоры вокруг них расступились, и он повел ее к стулу у стены.

— Я могу закончить танец с вашей сестрой.

Ее пальцы крепче сжались на его запястье.

— Всего один танец, дорогая, — пообещал царь. — Потом, клянусь вам, я пойду дальше.

Я не могу позволить, чтобы вас избивали, потому что вы пытаетесь спасти меня от хищных когтей вашей сестры. Хотя мне удивительно, почему вы решили, что я стою вашей доброты?

— Может быть, потому что у меня есть глаза на голове, Ваше Величество, — сказала Хейро.

Евгенидис опешил.

— Ну, я рад, что обо мне заботятся. Придется указать вашему отцу, как хорошо иметь умную дочь, восхищающую царя, даже если это не та дочь. Вы всегда можете позвать меня на помощь, если понадобится.

Евгенидис склонился над ее рукой. Он почувствовал, как она вздрогнула и, посмотрев через плечо, увидел ее приближающегося отца.

— Он обязательно спросит, почему вы так пристально на меня смотрели, — предупредила Хейро.

— Пустяки, — сказал царь Аттолии. — Скажите ему, что мне понравились ваши серьги.

— Ваше Величество могли бы потанцевать с моей подругой леди Юнис. Она красивая девушка, — быстро проговорила Хейро.

— Мне нравятся красивые девушки. Кто еще?

Она назвала еще несколько имен, но замолчала, когда ее отец с горящими яростью глазами подошел ближе.

— Она утверждает, что плохо себя чувствует, — раздражительно проворчал царь. — Она предлагает мне закончить танец с ее сестрой.

Лоб ее отца разгладился. Он повел Хейро прочь. Царь вернулся в круг танцующих с леди Фемидой.

* * *

Две недели спустя Костис сидел на крыльце столовой, наслаждаясь теплым солнышком, скольльзящим между стенами двух высоких зданий дворца. Скоро оно должно было скрыться за одним из них. Светило с бесконечным терпением продвигалось по небу, а прохладная тень все удлинялась, постепенно подкрадываясь к лестнице. Скоро она коснется его ног, и ему придется либо передвинуться либо терпеть холод. Если повезет, Аристокетон придет раньше, чем Костису придется принять решение. Арис немного задерживался. Они с Костисом получили трехдневный отпуск и собирались провести его на охоте в горах, выбравшись из суматошного города.

Костис давно собрал свои вещи и провел в ожидании большую часть дня. Странно, теперь Арис был по горло занят своими новыми обязанностями, а жизнь Костиса превратилась в одни сплошные каникулы.

Телеус объяснил, что его положение остается неясным, пока его будущее находится на стадии рассмотрения. Возможно, его переведут в какую-нибудь крепость на границе, а может быть, вернут на старую должность командира отделения. Это обещание озарило

надеждой жизнь Костиса и наполнило его дни тревожным ожиданием. В то же время он продолжал в качестве лейтенанта нести вахту на стенах и наблюдать за обучением кадетов на плацу и в учебной казарме.

Тень подползла ближе. Костис услышал звук быстрых шагов, он ожидал, что из-за угла здания сейчас выбежит кадет со срочным сообщением, но этот мальчик был явно не из казармы. Это был служащий из охотничьего департамента, ученик псаря, судя по ливрее. Он, задыхаясь, остановился перед Костисом.

— Мой хозяин послал меня попросить помощи. Охотничьи собаки вырвались во двор. У нескольких сук течка, и собаки грызутся. Мы не сможем без посторонней помощи загнать их обратно. Вы можете привести стражников, сэр? Мой хозяин боится, что скоро через двор пойдет царь, и собаки его покусают.

Костис отправил мальчика к дежурному офицеру, а сам собрал в столовой свободных от службы солдат и повел их к псарне.

— Куда мы спешим? — проворчал кто-то из мужчин. — Зачем портить хорошую шутку?

— Потому что это уже не шутка, — сказал Костис.

— Да уж, совсем не смешно, — сказал кто-то еще, когда они вышли во двор.

Они прошли через дворец и стояли на крыльце у дверей, распахнутых в охотничий двор. Оттуда ступени вели вниз прямо в рычащее месиво извивающихся собачьих тел. Рычание и визг иногда перекрывались криками мужчин, работающих во дворе. Конюхи и псари с палками и веревками пытались по одной выловить собак из воющего клубка и затащить их обратно в собачий вольер. Со всех сторон бежали дворцовые охранники. Некоторые стояли на ступенях ниже портика, отгоняя собак, стремящихся прорваться во дворец. Охотничья собака, конечно, не достигала Костису до пояса, но была выше колена и весила вполовину взрослого мужчины. Тому, кто попытается схватить и удержать ее, будет не до смеха, особенно когда эта взбесившаяся шавка укусит его пару раз.

Одна из собак помчалась вверх по лестнице прямо на Костиса, направляясь к открытой двери за его спиной. Костис и его люди дружно закричали и замахали руками, отгоняя ее обратно. Пес скатился по ступеням и снова ринулся в драку.

— Закройте дверь! — взревел Костис, стараясь перекрыть шум, но ему пришлось сделать знак, чтобы его поняли.

Двое гвардейцев налегли на тяжелые двери в двенадцать футов высотой, закрывая вход во дворец. Потом Костис проверил другие выходы из охотничьего двора. Их было всего четыре: двое больших ворот и два маленьких арочных проема.

Одни большие ворота были открыты, они вели к собачьим вольерам и конюшням. Через эти ворота животных выводили во двор перед выездом царской охоты. Вторые ворота находились в наружной стене и выходили на дорогу к царским заповедникам. Они были накрепко заперты, но лестницы по обеим сторонам от них вели на стены дворца. Костис вздохнул с облегчением, увидев, что дежурная стража уже перекрыла и верхнюю площадку и нижние ступени лестниц. Размахивая руками и хрипло крича, Костис послал людей блокировать выходы в дворцовый сад. Вопя во всю силу легких, он отправил солдат на конюшню за граблями, вилами и метлами. Вряд ли псари успеют до прибытия царя по одной перетаскать в вольеры всех собак. Им придется оттеснить всю эту рычащую и воющую кодлу в конюшенный двор и справиться с проблемой там.

Не было никакого способа узнать, сколько времени находится у них в распоряжении, но Костис предполагал, что царь должен пройти здесь очень скоро, иначе собак не выпустили

бы.

Два сцепившихся друг с другом пса бросились ему под ноги, и он чуть не упал. Кто-то из конюших подхватил его под локоть и помог выпрямиться. Костис объяснил свой план, и двое слуг начали расставлять псарей и солдат вокруг собак. С граблями и метлами, они стояли плечом к плечу и постепенно теснили животных со двора за его пределы. Новые стражники из дворца спешили присоединиться к ним. Оглянувшись влево, Костис сильно удивился при виде Аристогета, лупящего собак ножнами меча.

— Что ты здесь делаешь? — крикнул он.

— Что?

Постепенно тон собачьего лая изменился, теперь псы дружно рычали на загонщиков. Костис решил попробовать снова.

— Я думал, ты на дежурстве?

— Так и есть, — ответил Арис.

— А где царь?

— В саду. Он должен был встретиться с адъютантом адмирала, но встречу отменили. Мы оставили его в саду, чтобы помочь вам, — крикнул Арис и кивнул через плечо в сторону маленькой арки.

Шум стихал, они уже могли слышать друг друга, хоть и вынуждены были повышать голос.

— Царь отменил встречу?

— Нет, адъютант.

Если царь не собирался идти через охотничий двор, то для чего выпустили собак? Кто-то заранее знал, что адъютант отменит встречу. Ноги Костиса развернулись, прежде чем голова отдала им приказ. Он вдруг почувствовал дурноту, его желудок резко сократился. Костис поднял глаза к дворцовой стене, где стражники выстроились вдоль лестниц, преграждая путь собакам, и смотрели во двор, а не в сад. Его руки задрожали.

— О, мой Бог, — взмолился он Мирасу. — Боже, Боже мой.

— Что? — Арис по-прежнему ничего не понимал.

Костис уронил грабли и схватил его за плечи.

— Где ты оставил царя?

— На аллее прямо за фонтаном с Наядой и отражающим бассейном. В чем дело? Я оставил на входе Легаруса.

— А на другом конце?

— Там ворота. Они закрыты. Костис, ради бога, они закрыты, а в пятнадцати футах над ними на дворцовой стене стоит наряд стражи.

Костис попытался ухватиться за соломинку.

— Они знают, что царь в саду? Ты послал кого-нибудь на стену?

Нет, Арис не посылал.

— Бери своих людей. Дай мне свой меч.

Костис дернул пряжку пояса и, сорвав его с Ариса вместе с мечом и ножнами, начал дико озираться в поисках Телеуса. Он тоже должен был прийти сюда с охранниками.

Телеус оглянулся на его крик. Их с Костисом глаза встретились на мгновение, а затем он повернулся и посмотрел на стражников на стене, оценив ситуацию с первого взгляда. Костис уже мчался с обнаженным мечом к ближайшему входу в сад.

Это не был сравнительно небольшой Царицын сад. Это были гораздо более обширные

дворцовые сады. Еще никогда они не казались такими огромными и загроможденными бессмысленными кустами, фонтанами, скамьями, цветниками, мешавшими ему бежать так быстро, как требовало его отчаяние.

«Если он подавится костью и помрет, я волноваться не стану...»

Это было неправдой.

На бегу Костис молился. Он просил своего бога Мираса и Филию, богиню милосердия сохранить царя от вреда.

— О, Богиня, пожалуйста, пусть с маленьким ублюдком все будет в порядке, — просил он. — Пусть с ним не случится ничего плохого. Пусть это будет ошибкой. Лучше я буду выглядеть дураком, но сохрани его живым и невредимым, десять золотых кубков на твой алтарь, если он останется жив.

Боги в небесах знали, что царя сможет заколоть даже младенец с вилкой. У него нет ни единого шанса спастись от убийцы с острым мечом, отточенным с одной целью — зарезать царя. Костис мог только молиться, чтобы не прийти слишком поздно.

Кровь на цветах, на зеленой траве, кровь, красная, как розы, отраженные в спокойных водах пруда. Костис уже видел ее перед собой. О чем будет думать царь, когда его настигнут убийцы? Он позовет свою охрану, но его не услышит никто, кроме дурака Легаруса.

Костис уже не чувствовал под собой ног. Он скатился вниз по лестнице и побежал вдоль длинного прямоугольника отражающего бассейна. Затем Костис спрыгнул с верхней ступени на дно и пересек бассейн несколькими длинными прыжками. Кто-то за его спиной споткнулся. Он услышал плеск и ругань.

Наконец он обогнул изгородь и очутился лицом к лицу с Легарусом, который услышал топот ног и выступил ему навстречу. Он держал перед собой меч, и Костису очень повезло не напороться прямо на острие.

— Прочь с дороги! — взревел он, и Легарус отступил в замешательстве.

— Аттолис! Аттолис! — кричал Костис продвигаясь вдоль изгороди.

Задышавшись, он выскочил на лужайку и помчался через нее.

Царь сидел на каменной скамье посреди посыпанной песком площадки между двумя высокими изгородями и цветочными клумбами. Перед ним в мелком бассейне журчал фонтан. Его переkreщенные в лодыжках ноги отдыхали на выложенном плиткой бортике бассейна. Без сомнения, он рассматривал облака, отражающиеся в воде, или любовался на золотых рыбок. Костис мог видеть веселую улыбку на его лице и приподнятую бровь. Никаких причин для паники не было. Никаких убийц, только царь, сидящий у фонтана, и Костис, стоящий перед ним с обнаженным мечом и выглядящий как идиот, испугавшийся собственной тени.

Царь был в безопасности и, как обычно, потешался над Костисом. Хотя это Костиса совсем не волновало. Он с облегчением наклонился вперед, стараясь выровнять дыхание. Все еще держа меч в руке и упираясь кулаками в колени, он улыбнулся царю и в тот же миг увидел убийц.

Наверное, они прятались в кустах, но при появлении Костиса выскочили словно из-под земли. Секунду назад их здесь не было, и вот они уже возвышались над маленькой фигуркой на скамье. Костис выкрикнул что-то невнятное и бросился вперед, но с таким же успехом мог и остаться в охотничьем дворе. Все бесполезно, понял он, только сделав свой первый шаг и еще не успев преодолеть и половины пути по узкой аллее между двумя высокими живыми изгородями. Он ничего не мог сделать.

По мере приближения к фонтану, его шаги замедлились сами собой. Он устался на тело, лежащее перед ним в медленно расплывающейся луже крови. Все было так, как он и представлял, и все же ничего подобного он не мог себе представить. Он снова посмотрел на кровь, уже впитавшуюся в песок и на мертвое тело. Еще больше крови было на траве. Но это не была кровь царя. И это тело не принадлежало царю. Костис услышал шаги за спиной и оглянулся, чтобы увидеть Телеуса, промокшего после падения в бассейн. Телеус выглядел таким же ошеломленным, каким, вероятно, был и он сам. Стоя бок о бок, они смотрели на лужи крови у своих ног, а потом дружно перевели взгляд на царя, стоящего с рукой на бедре спиной к ним.

— Ваше Величество? — почему-то Костис говорил шепотом.

Царь повернул голову. Его обычно смуглая кожа была настолько бледной, что казалась светлее шрама на щеке. Он казался почти таким же зеленым, каким его когда-то описывал Сеанус. Но не от страха. От злости.

С мягкой угрозой в голосе царь произнес:

— Я думал, что став царем, не буду вынужден убивать людей лично. Теперь я понимаю, что это было еще одно заблуждение.

Телеус и Костис стояли, не шевелясь, как два садовых истукана.

— Где моя охрана, Телеус?

Царь все еще говорил тихо. Три трупа, а он даже не задохнулся, подумал Костис.

— Где моя гвардия? — крикнул царь.

В наступившей тишине слышался только нервный щебет птиц в кустах.

— Здесь, Ваше Величество.

Это был Аристогетон, его люди толпились у него за спиной у входа в аллею.

— И где же они были? — почти шепотом царь обратился к Телеусу.

— Они отвлеклись на шум собак, выпущенных во двор, Ваше Величество. Они ушли помочь убрать собак, прежде чем вы вернетесь во дворец. — Телеус был смертельно спокоен.

— Понимаю, — сказал Евгенидис. Он посмотрел на мертвое тело у своих ног. — Пусть они уберут этот мусор. Вон тот, — он кивнул в сторону тела, лежавшего чуть дальше, — может быть еще жив. Вы с Костисом можете забрать его и передать специалистам, пусть узнают, кто их послал. Я возвращаюсь во дворец... теперь, когда собаки мужественно разогнаны с моего пути... чтобы принести извинения царице.

Он шагнул вперед.

— Ваше Величество не должен идти один, — сказал Телеус.

Евгенидис оглянулся.

— Я ценю твою заботу о моем здоровье, Телеус, хотя она несколько запоздала, — произнес он.

— Пожалуйста, — смиренно попросил капитан, — Возьмите Костиса и начальника караула.

Евгенидис поморщился.

— Хорошо, — согласился он с холодной неохотой.

Аристогетон и его люди поспешили к Телеусу, отвечая на его призывный жест. Костис подождал, пока капитан даст приказ начальнику стражи, после чего они с Аристогетоном догнали царя, который уже направился ко дворцу. Он шел медленно, все еще держа руку на бедре. Костис никогда не видел, чтобы царь держался с таким достоинством. Правда,

впечатление от его величественного спокойствия несколько рассеялось, когда они приблизились настолько близко, чтобы слышать проклятия, которые царь бормотал себе под нос. Он был менее изобретательным, чем обычно, и к тому времени, когда они добрались до отражающего бассейна, он твердил одну и ту же фразу, как заклинание.

Так они шли достаточно медленно, у Костиса было время подробнее обдумать его обещание богине Филии. Десять золотых кубков.

На все те деньги, которые он скопил, а также те, которые сможет занять в городе у ростовщиков, он мог позволить себе один золотой кубок. У его отца, возможно, найдутся средства на второй. Жрецы не будут требовать все их сразу. Костис рискует вызвать недовольство богини, только если будет ждать слишком долго или умрет прежде, чем выполнить обещание. Тогда ее обида распространится на всю семью, и в этом случае дядя согласится дать золото еще на две, а может быть, даже и на три чаши. Если земля оскудеет, или проявятся другие признаки злой воли богини, он может опустошить семейную казну и купить целых четыре кубка. Где взять остальные четыре, было неясно, и Костиса угнетала мысль просить денег у дяди.

Но он думал о полноразмерных чашах, сделанных ювелиром и украшенных фигурами. Что, если вместо них он предложит богине символические кубки, маленькие и самые простые. Тогда его денег хватит на большее количество. Он сможет купить три маленьких (совсем крошечных) кубка, а его отец еще три. Если он будет откладывать каждый грош, носить только казенную одежду и питаться только в столовой, если не будет тратить медь в винном погребе с друзьями, лет через десять-пятнадцать он сможет заплатить за оставшиеся четыре небольших (совсем маленьких) чаши. Хотя, он мог просто забыть свою клятву и надеяться, что богиня не заметит его хитрости.

Царь достиг вершины лестницы над бассейном и остановился. Все еще упираясь рукой в бок, он слегка повернулся лицом к Костису.

Царь был ранен, и Костис в ужасе ахнул:

— Десять кубков! Больших, клянусь!

Царский кафтан переливался темным золотом, как осенние холмы в предгорье, богато затканый шелковыми нитями. Туника под ним, напротив, была контрастного цвета зрелой шелковицы. На ткани кровь была не видна, но она просочилась между пальцами и тонкими струйками стекала по тыльной стороне запястья.

— Костис, — произнес царь голосом врача, разговаривающего с сумасшедшим пациентом, — мне нужно немного помочь на лестнице.

Конечно. На лестнице. С раной в боку спуститься по лестнице будет трудно. Костис взял себя в руки и посмотрел на Ариса, бледного, как сам царь.

— Иди за врачом, — сказал он.

— Нет! — резко возразил Евгенидис.

Костис и Аристогетон с удивлением уставились на него.

— Черт побери всех богов, — тихо сказал царь.

Он поднял руку, чтобы вытереть пот на лбу, увидел залитую кровью ладонь и положил ее обратно на бедро. Потом он повернулся и пристально осмотрел стену дворца. Над парапетом уже были видны головы зрителей, толпящихся за спиной охраны. Царь опустил взгляд к подножию стены. Там стояло еще больше людей.

— Так, так, так, — согласился он, побежденный. — Зовите врача. Пусть он сразу идет в мою спальню.

Арис исчез. Евгенидис стоял, опустив плечи и склонив голову.

— Сколько кубков, Костис? — спросил он, не поднимая головы.

Костис покраснел.

— Десять.

— Серебряных?

— Золотых.

— Десять золотых кубков за меня? — Царь выглядел удивленным. — Я думал, ты меня ненавидишь.

— Так оно и есть.

Евгенидис попытался засмеяться, но смех перешел в короткий стон. Костис положил руку на плечо, чтобы успокоить его.

— Не могу побороть суеверный страх падения, — признался Евгенидис. — Позволь мне опереться на твое плечо, пока мы спускаемся по лестнице.

Костис быстро наклонил голову и подставил плечо. Царь не двигался.

— Не та рука, друг мой, — спокойно сказал он.

Здоровой рукой он должен был зажимать свою рану. Смущенный Костис обошел царя и встал с другого бока. Рука Евгенидиса тяжело опустилась на его плечо. Когда Костис выпрямился, крюк торчал прямо перед его лицом. Он впервые увидел острый кончик протеза. На нем был ясно виден мазок крови, и кровью была пропитана кожаная манжета в месте присоединения металлического стержня.

Костис вздрогнул и отвернулся от этого страшного напоминания о ранении царя и тут же обнаружил, что смотрит Его Величеству прямо в лицо. На взгляд Костиса, царь никогда еще не выглядел так плохо, выражение его лица было чрезвычайно мрачно, а глаза казались двумя черными безднами, глубже, чем может представить человеческое воображение. На мгновение Костису показалось, что он может увидеть нечто, скрытое от глаз других людей, но это была тайна, которой царь не собирался делиться ни с кем на свете. Подобные вещи не предназначались для внимания Костиса. Совсем не понимая этого непостижимого царя, Костис уже знал, что готов идти за ним в ад, как за своей царицей. Оставалось беспокоиться только об одном: как бы они не двинулись туда разными путями. Костис не мог представить, что ему делать, если это произойдет.

Рука царя сжала его плечо, и Костис очнулся от своих печальных мыслей и начал спускаться по лестнице. Левая нога Евгенидиса неловко опустилась на ступеньку, и он зашипел. Костис потянулся, чтобы поддержать царя правой рукой, и его беспокойство, должно быть, отразилось на его лице.

— Надеешься, что я оплачу эти чаши? — спросил царь.

Костис отдернул руку в сторону, и Евгенидис рассмеялся.

— Маленькие?

— Полный размер, — буркнул Костис упрямо.

— Ты сделал это, чтобы защитить меня от боли? Потому что это, — он остановился, мучительно переводя дыхание, — действительно больно.

— Я не уверен. Кажется, я молился, чтобы вы были в безопасности, Ваше Величество.

— Это неоднозначная формулировка, — заметил Евгенидис. — Мне придется умереть, чтобы освободить тебя от этого обещания.

— Я принесу чаши, Ваше Величество.

Царь покачал головой.

— Ты будешь зарабатывать на них всю свою жизнь.

Костису никогда не погасить этот долг. Он бы предпочел сразу отправиться на тот свет, но этот выход был ему недоступен. Странно, что можно так злиться на человека и одновременно приносить жертвы за него.

— Я их добуду, — просто сказал он.

— Костис, у меня нет слов.

— Не заметно, Ваше Величество.

Вся его жизнь, которую, как он надеялся две последние недели, можно было возродить из пепла, снова полетела к чертям. Оставалось надеяться, что царь хотя бы не будет смеяться над ним.

Они шли вдоль отражающего бассейна. После падения Телеуса среди зарослей кувшинок осталась зиять большая черная дыра. Лужа воды, которую он выплеснул, выбираясь на мраморный бортик, сохла на солнце. Одна вырванная с корнем лилия свисала с камня в воду. Евгенидис нерешительно повторил попытку:

— Так как ты действовал в моих интересах, ты мог бы обратиться с запросом в казначейство для получения субсидии.

Царский казначей вряд ли будет считать десять кубков невосполнимой потерей. Костис сглотнул.

— Я обидел тебя? Я не хотел.

Костис покачал головой.

— Нет, Ваше Величество. Спасибо, Ваше Величество.

— Какой богине мы должны посвятить их?

— Филии.

Это была аттолийская богиня. Евгенидис не поклонялся ей.

— Понимаю. Думаю, будет правильно, искать помощи везде, где это возможно. Никогда не знаешь, кто спасет тебя, когда ты зайдешь слишком далеко.

Костис верил в своих богов, молился им и приносил жертвы, но Евгенидис, если верить слухам, говорил с ними и даже слышал, что они отвечают. От этой мысли Костису стало не по себе. Возможно, в легендарные времена боги и разгуливали по земле, но он предпочитал думать, что сейчас они прекрасно чувствуют себя на своих алтарях и не покидают пределов храмов.

— Конечно, при условии, что я выживу, — добавил царь. — А я могу и умереть.

Он вздохнул.

— Возможно, я даже не доберусь живым до своей спальни.

Если это и была агония, то совсем недостоверная, подумал Костис и пребывал в этой уверенности, пока они не подошли к короткой лестнице у дальнего конца бассейна. Ни один человек на грани жизни и смерти не найдет в себе сил, чтобы ругаться, как самый распоследний дерьмовоз.

Он был обеспокоен, когда шаги царя замедлились перед охотничьим двором, и эта остановка уже не сопровождалась проклятиями и жалобами. Потом он услышал приближающиеся голоса и понял, что это уже не шум боя, а ропот придворных, обеспокоенных долгим ожиданием. Толпа надвигалась, топча клумбы: гвардейцы, дворяне, слуги. Евгенидис что-то забормотал. Костис наклонил голову, чтобы услышать.

— Шла собака через мост... четыре лапы, пятый хвост... если мост провалится... то собака свалится.

Их быстро окружали. Со всех сторон звенели голоса, надвигались лица. Руки, неизвестно кому принадлежащие, попытались оттащить царя прочь. Костис отстранился, и царь закричал от ярости. Вдруг Костиса пронзила мысль, что в толпе может находиться человек, желающий закончить работу, начатую убийцами.

— Эй, — громко сказал он богато одетому мужчине средних лет, который стоял перед ним, но смотрел на царя. — Эй! — повторил Костис, и человек повернулся.

Костис вытянул ладонь вперед и оттолкнул его с дороги. Напрягшись всем телом, нагнув голову, как баран, он двигал этого человека перед собой, пока тот не столкнулся с другим придворным, стоящим сзади, и они оба не упали на дорожку. Чтобы не повалиться на землю вместе с ними, те, кто мог, отступили, тесня тех, кто стоял у них за спиной, и оставляя перед Костисом открытое пространство.

— К царю! — крикнул он, и гвардейцы, настороженно переглянувшись, чтобы убедиться, что обращаются именно к ним, бросились вперед.

Они решительно пробивались сквозь толпу. Костис приказал:

— Не позволяйте никому к нему приблизиться.

Костис продолжал поддерживать царя, ноги которого уже подгибались. Костис чувствовал, как он дрожит. Похоже, не было смысла обходить клумбы, раз все цветы уже вытоптаны, и Костис направился напрямик к арке охотничьего двора.

В отчаянии он склонил голову к царю, который, казалось, начал задыхаться. Костис сердито фыркнул. Евгенидис смеялся.

— Ты столкнул с дороги барона Анакритуса. Ты его знаешь?

— Нет. И мне все равно. Где ваши слуги? — горько спросил Костис.

— Я отослал их, чтобы не мешали мне спокойно гулять. Не сомневаюсь, что им уже сообщили, как они пропустили все веселье. Скоро они буду здесь.

— Что-то они не торопятся, — пробормотал Костис.

— Торопишься избавиться от меня?

— Почему вы не можете вести себя, как настоящий царь? — прошипел Костис ему на ухо.

Наконец они добрались до охотничьего двора.

— О, боги, опять лестницы, — в отчаянии пробормотал Евгенидис.

Костис вздохнул. Царю предстоял еще долгий путь со многими лестницами. Царские апартаменты находились на противоположной стороне дворца. Наверное, было бы лучше по ближайшей лестнице подняться к прогулочной дорожке на крыше. Так можно будет дойти до внутреннего дворца, а оттуда царь мог спуститься вниз и попасть в свои комнаты.

Размышляя, кто еще должен сопровождать Его Величество, Костис двинулся по выложенной плиткой дорожке, которая привела их к крыльцу над охотничьим двором. Евгенидис смотрел себе под ноги. Он не заметил появления царицы.

Она появилась из дверей дворца впереди своих служанок, которые поспешно следовали за ней парами. Толпа на лестнице бесшумно раздалась в стороны перед Аттолией, и она увидела царя, который все еще не поднимал головы. Размеренным шагом она начала молча спускаться вниз по лестнице. Признав ее, стражники расступились.

Она потянулась к Евгенидису и коснулась его лица. Ни один человек не шелохнулся во дворе, даже воздух застыл в ожидании. Царица смотрела на царя, а царь смотрел себе под ноги. Сердце Костис сжалось от боли за царя и царицу, а так же за себя самого, так неудачно отдавшего свою преданность двум людям одновременно.

Царица начала медленно отступать к лестнице, когда царь схватил ее за запястье и дернул вперед. Он так же потянул Костиса. Костис был выше царя, так что ему пришлось немного склониться и обхватить царя за спину, чтобы не дать ему потерять равновесие. Ему пришлось снова переступить с ноги на ногу, когда царь отпустил руку царицы, чтобы перехватить ее локоть и потянуть к себе.

Царь приложил руку к ее щеке и поцеловал Аттолию. Это не был поцелуй двух чужих людей и даже не поцелуй жениха и невесты. Так мужчина целует свою женщину, и когда поцелуй закончился, царь закрыл глаза и опустил голову на плечо царицы, как человек, пришедший домой в конце дня.

— Ты не застала меня в саду, — сказал он. — Извини.

Костис понял, что стоит с разинутым ртом, и поспешно захлопнул его. Он не мог отойти, не сбросив руку Евгенидиса со своего плеча, но он мог отвернуться в сторону, что и сделал. Он посмотрел на людей во дворе, которые были не так расторопны как он, и потому все еще стояли с открытыми ртами. Надо же, сколько ошеломленных лиц сразу. Костис, может быть, и рассмеялся бы, но все еще был слишком потрясен.

— Мне жаль, если я испугала тебя, — тихо сказала Аттолия.

— Ты не испугала, — сказал Евгенидис. — Ты повергла меня в ужас.

Царица поджала губы.

— Ты не должен признавать этого вслух, — поучительно заявила она.

— Не могу спорить, — ответил Евгенидис.

Костис по голосу определил, что он улыбается.

— Тебе очень больно?

— Невыносимо, — ответил царь, в этот момент казавшийся совершенно здоровым. — Меня выпотрошили. Просто-таки вывернули мясом наружу, странно, что никто этого не замечает.

Он снова протянул руку к ее лицу, пытаясь вытереть кровавые отпечатки, но размазал их еще больше.

— Моя прекрасная царица. Все твои придворные пялятся на нас, и я не могу их в этом винить.

Действительно, похоже, в охотничьем дворе собрался весь двор. Царица обернулась, чтобы посмотреть. Ее взгляд прошел над головами, словно серп над колосьями пшеницы. Все рты дружно захлопнулись. Послышалось шарканье подошв, задние ряды сместились, пытаясь исчезнуть из ее поля зрения. Царица посмотрела на широко ухмыляющегося царя.

— Где твои слуги? — спросила она.

Она словно впервые заметила Костиса и с внезапной подозрительностью посмотрела на солдат.

— Где твоя охрана?

— С Телеусом, — быстро ответил Евгенидис. — Костис и эти люди оказались под рукой. Я оставил других прибраться в саду.

— Понимаю. Тем не менее тебе не следует стоять здесь. — она подала знак охраннику. — Возьмите его на руки.

— Думаю, я смогу идти сам, — заметил царь.

— Может быть, носилки? — невинно предложила царица. — Ты мог бы прилечь.

— Как Патрокл под Троей? Пожалуй нет, — сказал Евгенидис.

Его рука крепче оперлась на плечо Костиса, и они начали подниматься по лестнице.

Глава 9

Наконец царя опустили на кровать. Пока они пересекали внутренний дворец, толпа поредела, и когда они добрались до последней лестницы, он позволил страже нести себя. Заодно царь обвинил их в лени, потому что они не предложили своей помощи раньше. Когда Костис с молчаливым упреком взглянул на него, Евгенидис заявил:

— Прекрати на меня коситься, Костис, я смертельно ранен. Я заслуживаю немного заботы.

Спальня была полна народу, казалось, все говорили одновременно. Те, кому были известны подробности покушения, делились информацией. Лейтенант, дежуривший в караулке, принял на себя командование над стражниками. Царица сидела в кресле у двери, ее служанки хлопотали вокруг, стирая кровавый отпечаток ладони царя с ее лица. Последние несколько прихлебателей, пробравшиеся мимо стражников во внутреннем дворце, заняли позицию в караульном помещении, надеясь при случае просочиться в царскую спальню. Постепенно, один за другим, все начали обращать внимание на внезапно замолчавшего царя.

Он казался абсолютно спокойным. Измученный и обессиленный, он молча лежал на вышитых подушках. Кожа туго обтянула его скулы, потные волосы прядями прилипли ко лбу, а глаза были закрыты. Рука, сжимавшая ткань тунки, ослабела и скользнула в сторону, открывая то, что скрывали складки одежды.

Рубашка была рассечена ударом клинка с одного бока до другого. Когда края ткани расползлись, те, кто стоял у кровати, поняли, как много крови успел потерять царь. Невидимая на кафтане, она впиталась в штаны и стекала по ногам в сапоги. Рана выглядела устрашающе. Начинаясь около пупка, она тянулась через весь живот. Если стенка кишечника разорвана, царь, скорее всего, умрет от инфекции через несколько дней. Еще и помучается напоследок.

Он должен был сказать, почему он молчал, подумал Костис. На самом деле царь говорил. Он сопровождал жалобами каждый свой шаг, но они игнорировали его. Если бы он стойко терпел и отрицал боль, весь дворец уже был бы в панике, а эддисийские гарнизоны маршировали к столице. Он сознательно желал обмануть их всех и преуспел в этом. Костису казалось чудом, что этот человек прошел такой путь, не только перенося чудовищную боль, но еще и на ходу ловко мороча голову толпе народа.

Должно быть, царь заметил наступившее молчание. Он открыл глаза. Все вокруг смотрели на его живот, один Костис глядел в лицо. Видя, с какой тревогой глаза царя блуждали по комнате, пока не остановились на фигуре у двери, Костис понял, что Евгенидис не пытался обмануть придворных или успокоить эддисийцев. Вряд ли его обеспокоила бы паника во дворце. Существовал только один человек, которого он пытался уберечь от

волнения — его царица.

Костис видел, как он взял себя в руки, когда она подошла к кровати. Превзойдя самого себя в невозможных вещах, он сумел принять самодовольный вид.

— Смотрите, — заявил он, все еще играя свою роль, — я же говорил вам, что я на пороге смерти.

Но он больше не мог обмануть ни Костиса, ни Аттолию.

Глаза царицы сузились, руки сжались в кулаки. Она не испугалась, она разозлилась. Вряд ли он смог сейчас успокоить ее, сказав, что рана не серьезна. Костис почти почувствовал, как царь Евгенидис дрожит. Царь снова открыл рот, чтобы заговорить.

— Порез не глубокий, — сказал с другой стороны кровати посол Эддиса.

Он склонился над раной с критическим и несколько разочарованным видом. Евгенидис не упускал ни одной мелочи. Его голова резко обернулась.

— Нет! Он... очень глубокий! — возмущенно запротестовал он.

Лица придворный выразили смятение, а затем попытку скрыть смех.

— Ваше Величество, — высокомерно заявил Орнон, — я видел, как вы однажды сильно оцарапались застежкой плаща.

— Даже с застежками не везет, — пробормотал кто-то из слуг.

— Я не сам себя поцарапал, между прочим, — отрезал царь. — Раненый царь заслуживает больше уважения, Орнон.

— Простите, Ваше Величество, — ответил Орнон. — Но я ожидал, что ранение будет более серьезным.

Царь посмотрел на царицу, которая, немного успокоенная словами Орнона, все еще выглядела сердитой.

— Если бы ты уже не был ранен, — сказала она, — я бы прикончила тебя сама.

— Я же говорю, что я... — царь прервал сам себя таким громким криком гнева и боли, что царица вздрогнула. — Во имя всех богов, что это такое?

— Это спиртовая настойка камнеломки, — ответил врач, нервно сжимая окровавленный тампон.

— Это ужасно больно, ты, безжалостная пиявка. Я еле-еле избавился от садиста Галена в горах, как ты сразу стараешься занять его место.

— Мне очень жаль, Ваше Величество, но это поможет предотвратить заражение.

— Тогда тебе следовало предупредить меня, прежде чем набрасываться со своим лечением.

— Да, Ваше Величество, — согласился врач, тщательно промокая рану чистой тканью.

— Когда ты закончишь любоваться моим животом, можешь наложить на него повязку, — нетерпеливо предложил царь.

Дворцовый врач, худой и строгий человек, сосредоточенно осмотрел рану.

— Я хотел бы наложить несколько швов здесь, где разрез глубже. Надо в первую очередь сшить мышцы.

Он посмотрел на царицу, ожидая разрешения.

— Не вижу необходимости накладывать швы, — осторожно сказал царь.

— Потому что рана не глубокая, — пробормотал кто-то в толпе.

Царь оглядел присутствующий черным взглядом, но не обнаружил шутника.

— Петрус был моим личным врачом много лет, — сказала царица. — Он также работает в благотворительной больнице в городе, где изучает новые методы лечения. Если

он считает, что нужны швы, я думаю, что следует наложить их.

— Вот здесь, — предложил врач. — С этой стороны, где рана глубже. Если бы она была такой глубокой по всей длине, ваш убийца, конечно, распорол бы брюшину.

— Что?

— Кишечник.

— Ах, — сказал царь, а затем: — Аах! — минуту спустя. — Это что, шило сапожное?

— Нет, Ваше Величество. Как вы можете видеть, это очень тонкая игла.

— Она колется вовсе не как игла. Кажется, вы потратили слишком много времени, работая с людьми, которые не платят вам, и вы должны... ой! Ой! Ой!

Костис закрыл глаза, потрясенный. Царь не желал лежать на смертном одре с чувством собственного достоинства. Придворные и даже помощники врача с трудом удерживались от смеха, а Евгенидис наслаждался каждым мгновением своего успеха. Губы царицы дрогнули.

— Я очень извиняюсь, — беспомощно сказал врач.

— Прекрати извиняться и поспеши.

— Ваше Величество, я... — казалось, Петрус сейчас заплачет.

Орнон решительно вступился за врача:

— Ваше Величество, вы мешаете врачу.

Посол придвинулся ближе к кровати и уперся в царя злобным взглядом. Евгенидис отвернулся.

— Ну, хорошо, — сказал он, надувшись. — Скажите ему, пусть ни в чем себе не отказывает.

Он вздохнул и с раздражением откинулся на подушку. Орнон ободряюще похлопал врача по плечу и отошел. Петрус снова склонился над раной. Царь сделал страдальческое лицо, но молчал. Врач мгновение смотрел на него в изумлении, но вернулся к своей работе, желая закончить, пока у Его Величества не пройдет желание лечиться.

Царь лежал неподвижно, не издавая ни звука. Когда Петрус в первый раз вонзил в него иглу, царь глубоко вдохнул воздух и задержал его в легких. Медленно досчитав до десяти, он тихо выдохнул и вдохнул снова.

Между Костисом и царицей стояло три человека. Он одним махом сбил их, как кегли, и упал на колени как раз вовремя, чтобы подхватить царицу, когда она рухнула в его распростертые объятия.

Краем глаза он заметил, как она побелела и пошатнулась, и понял, что она теряет сознание, но не успел сделать ничего, разве только поймать ее.

— Царица! — с тревогой в голосе крикнул кто-то, и царь на кровати заревел, как дикий зверь, попавший в ловушку.

Он попытался сесть, но люди вокруг удерживали его. Евгенидис рвался изо всех сил. Кто-то отшатнулся в сторону, задетый острым крюком. Кто-то, менее чувствительный, пытался прижать к кровати другую руку царя, но испугался, взглянув ему в лицо.

— Мои швы, мои швы! — кричал врач.

— Ваше Величество, Ваше Величество!

— К черту твои стежки, — рычал царь. — Пустите меня.

Почти освободившись, он сел на кровати, но еще больше людей навалилось на него, прижимая к подушкам. Все вокруг кричали. Кто-то упал на край постели, удерживая дрыгающиеся царские ноги. Врач опять закричал, что вся его работа сейчас пропадет.

Костис не предвидел для себя ничего хорошего, если ему придется вступить в ближний

бой. Он наблюдал, как Орнон шагнул вперед, схватил одного из борющихся людей за волосы и резко дернул его назад. Человек сел на пол, а Орнон вступил в освободившееся пространство у царской постели. Он положил ладонь с широко растопыренными пальцами на царский лоб и с усилием уложил Евгенидису на подушку. Не отрывая руки от лица царя, он наклонился и заорал прямо ему в ухо:

— С царицей все в порядке!

Евгенидис затих. Люди вокруг кровати замерли.

— Ирина? — Позвал царь.

— Она упала в обморок. Вот и все, — сказал Орнон уже тише. — Здесь много крови.

Она женщина и расстроилась. Это нормальная реакция.

Костис посмотрел на женщину в своих объятиях. У нее было имя. Ее звали Ирина. Он никогда не думал, что у нее может быть какое-то имя кроме Аттолии, но, конечно, она тоже была человеком до того, как стать царицей. Держа ее на руках, он с удивлением почувствовал, что она может оказаться не просто человеком, но и женщиной. Костису вдруг стало невыносимо неловко, и он вздохнул с облегчением, когда Иларион поднял ее на руки и понес в комнату телохранителей. Ее служанки поспешили за ней, кудахта на ходу, словно стая встревоженных кур.

Костис поднялся на ноги.

Евгенидис беспокойно крутился на кровати.

— Расстроилась при виде крови? — спросил он. — Только не моя жена, Орнон.

— Вашей крови, — заметил посол.

Евгенидис посмотрел на свой крюк и перестал спорить.

— Да, — сказал он.

Казалось, он погрузился в воспоминания. В комнате было тихо. Костис неожиданно для самого себя пришел к новому взгляду на царицу и царя. Он знал, что со всеми остальными происходит то же самое. За исключением, пожалуй, одного врача, который держал иглу с нитью в поднятой руке и с нетерпением ждал разрешения продолжить свое занятие.

— Приступай, — сказал царь.

Казалось, он вряд ли заметил вонзившуюся в его тело иглу. Он смотрел в сторону двери на царицу, но говорил, обращаясь к послу Эддиса.

— Думаю, Орнон, в дальнейшем я буду слушаться моего врача.

Глава 10

— Ваше Величество, — прошептал Костис.

Евгенидис открыл глаза и повернул голову на подушке. Костис стоял на коленях возле кровати. В комнате было темно, лишь узкая полоса света падала из приоткрытой двери в комнату охраны, где стояли на посту бдительные гвардейцы. Они позволили Костису беспрепятственно войти в спальню царя, словно он был прозрачным. Они знали, зачем он здесь.

Царь моргнул.

— Ваше Величество, простите, что разбудил вас, но думаю, что только вы сможете помочь.

— Который час? — хрипло спросил царь.

— Час собаки, час до рассвета.

— Да уж, — пробормотал царь. — Ох, рано встает охрана...

— Ваше Величество, она прикажет казнить их всех.

— Всех, это кого? — его глаза блестели от лихорадки.

— Капитана, моего друга Ариса и все его отделение. Она приказала арестовать их вчера днем, когда ушла отсюда, и сказала, что их казнят до полудня.

— Сегодня?

— Ваше Величество, она произвела старшего лейтенанта в капитаны, но люди говорят, что не будут служить под ним. — он придвинулся к царю. — Ваше Величество, пожалуйста, вы можете остановить ее? Арис не знал об опасности, я клянусь вам. Он думал, что в саду вам ничего не угрожает.

— Почему ты не пришел раньше?

— Вы спали. Они дали вам опиум.

С усилием царь отбросил в сторону одеяло.

— Вспомнил, — сказал он. — Терпеть его не могу. От него начинаешь чувствовать себя покойником. — он потер лицо. — Она уже послала за ними?

— Пока нет, — сказал Костис.

— Ах.

— Ваше Величество, пожалуйста.

— Костис, я не могу открыто отменять ее приказы.

— Но она слушалась вас, — напомнил Костис.

— В частном порядке, может быть, и при соответствующих обстоятельствах. Но сейчас она злится, Костис. Я знал, что она разозлится.

Костис опустил голову. Он видел вчера столько невозможных вещей, что надеялся еще

на одну.

— Подожди, — сказал царь. — Просто подожди. — он повернул голову. — Здесь есть вода? От этого опиума глотка становится сухой, как пергамент.

Костис налил ему стакан, а затем наполнил его еще дважды, когда царь выпил все до капли. Чтобы пить, Евгенидис, морщась, сел в постели и оперся спиной на подушку. Он тяжело вздохнул и оценивающе прищурился, словно прикидывал расстояние. Наконец он спросил:

— Ты знаешь архаичный?

* * *

Костис почти летел вниз по лестнице и через служебные переходы дворца. Он рассчитывал на ранний час, чтобы преодолеть свой путь без препятствий. Костис пробежал через кухню, сопровождаемый ворчанием и руганью кухонных слуг, уже проснувшихся и приступивших к работе, чтобы добраться до лестницы, ведущей вниз в царскую тюрьму, только для того, чтобы мучиться от бессилия перед закрытыми дверями темницы в ожидании тюремщика. Костис изо всех сил держал себя в руках, чтобы не пнуть окованную железом дверь. Не было никакого смысла ссориться с начальником стражи, не достигнув своей цели. Ключи от камеры были только у тюремщика, и Костису с удовольствием напомнили бы, что он не обладает властью в тюрьме Ее Величества. Тюремщик не станет спешить ради царского гвардейца.

Костис ждал, когда ключ со скрипом повернется в замке, и дверь медленно приоткроется. Затем его терпение закончилось, и он пинком распахнул ее. Первым он увидел Ариса; его друг сидел на полу, подтянув колени к подбородку и обхватив их руками. Длинная цепь грудой лежала около его ног. Он поднял голову, чтобы посмотреть на Костиса, а затем снова уронил ее и, протянув руку, осторожно коснулся плеча лежащего рядом с ним человека.

— Время пришло, Легарус, — тихо сказал он.

Легарус плакал. У всех остальных глаза оставались сухими, но Легарус плакал. Неудивительно, подумал Костис. Ведь это якобы Легарус, нашедший неизвестного покровителя во дворце, стал причиной их внезапного продвижение по службе. Но это продвижение было организовано вовсе не в интересах Легаруса. Покровительство оказалось маскировкой. Кому-то понадобилось, чтобы в тот день дежурили новички, способные легко отвлечься от своих обязанностей. Его возлюбленный использовал Легаруса и бросил его умирать.

Костис обратился к поднявшемуся на ноги Телеусу.

— Надежды нет, Костис, — решительно сказал Телеус, заметив его взгляд.

— Есть, — настойчиво возразил Костис.

— Нет, — похоже, Телеус твердо решил умереть. — Я никогда бы не согласился оправдать команду Аристокетона. Я не сделал бы этого для телохранителей царицы, и я не должен делать это для царя.

— Вы отказываетесь от его людей? Они тоже должны умереть?

— Мы все виноваты.

Костису очень хотелось схватить его за плечи и хорошенько встряхнуть.

— А гвардия? Вы знаете, что она назначила Энкелиса? Люди не пойдут за ним.

— Они присягнули своими мечами царице.

— Но они не просто мечи. Это люди. Они следовали за вами. Без вас может пострадать не только их дисциплина, но даже, может быть, преданность. Гвардия является краеугольным камнем армии. А вы — краеугольный камень гвардии. Царица не может позволить себе потерять вас.

— Ты думаешь, я этого не знаю? — спросил Телеус.

— Тогда вы должны остановить ее.

— Она тоже это знает, Костис, — грустно сказал Телеус. — Даже если бы я мог остановить ее, кто я такой, чтобы это делать? Это ее решение.

— Что, если она совершает ошибку?

— Кто я такой, чтобы подвергать сомнению решение царицы?

— Она человек, как и все мы, капитан. — Костис вспомнил, как Аттолия упала ему на руки днем раньше. — Даже она иногда может ошибиться.

— О, да, — горько согласился Телеус. — Иногда нам приходится вкушать плоды ее ошибок. И все же мы не можем подвергать сомнению ее приказы. Она наша царица.

— Но можно попросить ее пересмотреть решение. Только это. Попросите ее отложить приговор, чтобы убедиться, что ее решение правильное.

— Каким образом? — спросил Телеус.

* * *

Тронный зал был освещен множеством огней. Горела каждая свеча в настенном светильнике. Люстры казались огненными колесами, парящими в воздухе. День еще не начался, но в толпе платок негде было уронить. Никто не желал пропустить возможность увидеть, как всесильного капитана гвардии пошлют на казнь. Это позволило Костису относительно незаметно проскользнуть в зал и затаиться около двери. Царь предупредил его, что передав сообщение Телеусу, он должен поспешить в свою комнату и ждать, когда минует буря, но Костис просто не мог уйти. Он не был уверен, решится ли Телеус. Тюремщик вернулся слишком рано, и остальные стражники уже стояли в коридоре, чтобы вести арестованных к царице. Времени на убеждение не оставалось. Торопясь, Костис быстро произнес эту фразу на архаичном языке и перевел на простонародный. Он понятия не имел, знает ли Телеус архаичный и в состоянии ли он сейчас запомнить последовательность незнакомых звуков. Никто понятия не имел, почему эта фраза, начальная строфа из гимна Гефестии, которую поют в Эддесе на весеннем празднике, может напомнить царице о прошлых ошибках. Костис знал одно: царь обещал, что так оно и случится. Все, что мог сделать Костис, это следовать за заключенными и их тюремщиками, а затем отойти в сторону, когда пленных ввели в тронный зал. Он будет ждать, пока не поймет, умрет его друг или нет. Если Ариса приговорят к смерти, Костис не оставит его.

Глаза всех присутствующих были устремлены к трону. Аттолия сидела на нем одна. Место рядом ней, неизменно занятое в течение нескольких предыдущих месяцев, опустело, но никто не замечал этого, потому что внимание всех людей было сосредоточено исключительно на царице.

Она посмотрела на стоящих перед ней мужчин. Только Телеус имел право говорить от

их имени. Он огляделся, как человек, который колеблется, прежде чем выбрать свой путь. Затем он поднял лицо к царице.

— Oxe Harbrea Sacrus Vax Dragga Onus Savonus Sophos At Ere.

Внезапный порыв ветра ворвался в открытые окна и задул часть огней на люстрах, в зале стало темнее. В колеблющемся свете свечей царица, казалось, вспыхнула от ярости, готовая разгореться вместе с ними, как пламя, одновременно неподвижное и всегда готовое к взрыву. Ткань платья на коленях слегка сморщилась, когда держащие ее руки сжались в кулаки. Костис вздохнул, пытаясь втянуть в себя глоток внезапно затвердевшего воздуха.

— Что? — спросила царица, словно интересуясь, хватит ли у Телеуса смелости повторить свои слова.

— В нашей беде мы взываем к Великой Богине в ее мудрости и милости, — сказал Телеус на простонародном.

— «Еге» переводится не как милость, а как любовь. Безжалостная любовь, Телеус. Великой Богине из Эддиса не знакомо милосердие.

— Моя царица... — начал Телеус.

— Ваше Величество! — прорычала Аттолия.

Все в зале отпрянули на шаг назад, за исключением Телеуса.

— Нет, — сказал он. — Релиус был прав, а я ошибался. Вы моя царица. Даже если вы прикажете снести мне голову с плеч или повесить на стене дворца, до моего последнего вдоха, до последнего удара сердца, вы останетесь моей царицей. То, что я не смог хорошо послужить вам, не умаляет ни моей любви к вам, ни моей преданности.

— И все же ты предпочитаешь его милость моей справедливости.

Она имела в виду царя. Она знала, от кого исходит это послание.

— Нет, — Телеус тупо покачал головой и в мольбе протянул к ней руки. — Я только... — но она прервала его.

— Тогда я уступаю. Освободить его. — она кивнула тюремщикам. — Освободить их всех.

Потом она поднялась с трона и бросилась к дверям, оставив за спиной служанок и охранников, оцепеневших, пораженных силой ее гнева.

Стражники у двери пришли в легкое смятение, не зная, может ли царица покинуть тронный зал без своей свиты.

— Откройте дверь! — крикнула она, и солдаты стремительно повиновались.

Она бурей пронеслась под аркой и скрылась за пределами зала. Ее женщины и гвардейцы ожили и бросились вслед за ней. Единственным раздавшимся в тишине звуком был звон упавших на пол цепей, после чего придворные, вдруг вспомнив о своих срочных делах, как вода из разбитого кувшина, начали просачиваться прочь из зала через все двери, за исключением той, через которую удалилась царица.

* * *

Костис, зажатый в толпе, развернулся и тоже поспешил убраться восвояси. Ни в битве при Тегмисе, ни даже в саду с убийцами ему не довелось испытать такого беспредельного ужаса. Царица пронеслась мимо него так близко, что его коснулась волна горячего воздуха, и если бы она повернула голову, хоть немного, и встретила с ним взглядом, его испепелило

бы на месте, настолько могучим был ее гнев.

Не останавливаясь и не говоря никому ни слова, он, как барсук, устремился к своей норе. Он поспешил вдоль коридора казармы и юркнул в узкий дверной проем своей квартиры. Затем он бросился на кровать, прижался спиной к стене и подтянул колени к груди, как в детстве, когда боялся страшилищ в темном углу. Потом он крепче обхватил колени и через некоторое время зевнул. В казарме стояла мертвая тишина. Звук случайных шагов в коридоре и во дворе, но ничего из ряда вон выходящего. Ни криков, ни звона оружия, ни топота ног отряда, спешащего арестовать одного маленького непослушного гвардейца. Костис снова зевнул. Он не спал всю ночь. Он приложил голову к стене и заснул сидя.

Голод и ноющая боль в затекших мышцах разбудила его несколько часов спустя. Болезненно морщась, он потянулся и решил, что ему все равно придется либо покинуть комнату либо умереть с голоду. Кроме того, ему нужно было проверить расписание дежурств. Официально он все еще наслаждался трехдневным отпуском, предназначенным для охоты с Аристокетом, но, возможно, из-за чрезвычайной ситуации, график изменили, и раз его не арестовали, то ему надлежало нести службу. Может быть, его участие в трагедии, разыгравшейся в тронном зале, на некоторое время упустили из виду и забудут в будущем? Ему оставалось только надеяться. Он пошел в столовую.

Там было почти пусто. Несколько небольших компаний, близко склонив головы друг к другу, говорили вполголоса, создавая тихое гудение. Костис отрезал себе ломоть хлеба и сыра, насыпал полную плоскую тарелку оливок и зачерпнул миску тушеного мяса. Он положил хлеб на тарелку, сыр на хлеб и аккуратно водрузил чашку с оливками на вершину этого сооружения, освободив вторую руку для кружки разбавленного вина. Он сел в одиночестве в сторонке, но прежде, чем успел прикоснуться к еде, был окружен товарищами.

— Есть новости? — спросили мужчины, усаживаясь на скамье по обе стороны от него.

— Я с рассвета сидел у себя в комнате, — сказал Костис.

— Тогда у нас есть новости для тебя, — ответил кто-то.

— Наверное, я их знаю. Телеус и остальные освобождены.

— Ты там был?

— Ты не был на дежурстве?

— Я был в толпе.

— Ай, глупая затея. Тебе нечего было там делать.

— Это точно, — согласился Костис. — Больше я такого не повторю.

— Значит, ты вернулся к себе? И ничего больше не слышал?

— А что еще было? — осторожно спросил Костис.

— О драке между царем и царицей.

Костис поставил кружку. Торжественным шепотом ему передали эту новость.

* * *

Царица прямо из тронного зала отправилась в апартаменты царя.

— Я хочу видеть моего господина Аттолиса, — сердито сказала она.

Никогда прежде она не обращалась к нему этим официальным именем.

— Я здесь, — ответил он, выходя к двери в ночной рубашке и халате, помятый и бледный, но решительный.

Он ждал ее. Царь прислонился к дверному косяку, в то время как его перепуганные слуги разлетелись по углам, как пучки соломы при первом порыве бури.

Царица набросилась на него, а он отвечал сначала спокойно, а потом со все большим раздражением.

— Ты позволишь мне наказать хоть одного преступника? — кричала Аттолия. — С чего ты вдруг так полюбил Телеуса, что стремишься сохранить его жизнь любой ценой?

— Я только попросил тебя пересмотреть твоё решение.

— Там нечего пересматривать!

— Ты знаешь, почему он нужен мне.

— Не так уж и нужен, — заявила она категорично.

Царь проигнорировал её категоричность.

— Сейчас больше чем когда-либо, — настаивал он.

— Он провинился.

— Это не совсем его вина!

— Значит, ты собираешься отменять мои решения? — Аттолия словно предлагала ему пойти на риск.

— Ты сказала, что я могу, — решительно ответил Евгенидис.

Он зашел слишком далеко, и царица замахнулась на него. Царь не пытался избежать удара. Его голова резко откинулась назад, и он ударился виском о дверной косяк. Он пошатнулся, но удержался на ногах. К тому времени, когда он открыл глаза, она уже подошла к дверям, а затем исчезла.

Прежде чем его слуги вышли из оцепенения, царь вошел к себе в спальню и закрыл дверь. Она захлопнулась с треском, похожим на выстрел из пистоля, и они слышали, как поворачивается ключ в дверном замке.

Сеанус попытался отпустить язвительный комментарий, но его острота притупилась о неожиданно пробудившуюся симпатию к царю.

— Вчера я подумал, что она его любит, — жалобно сказал Филологос.

— Я тоже. И что он любит её, — подхватил кто-то еще.

— А теперь...

— А теперь я думаю, — сказал Иларион, прерывая дальнейшие рассуждения, — что нам всем незачем толкаться здесь, как прошлой ночью, и некоторые из нас могут лечь в постель.

Он положил руку на плечо Филологосу и подтолкнул его к двери небольшой комнаты за царской гардеробной, которую использовали как спальню для находящихся на дежурстве придворных.

— Кто знает, может быть, проснувшись, ты обнаружишь, что мир перевернулся еще раз?

Он оглядел остальных слуг, находящихся в комнате, как бы предупреждая, что обращается не только к Филологосу:

— Помните, что любовь царей и цариц непостижима для нас, простых смертных.

Если кто-нибудь и заметил, что он назвал вора из Эддиса царем, то предпочел ничего не говорить.

* * *

— Она не любила его, — сказал охранник справа от Костиса. В его голосе звучало

облегчение. — Это был обман.

Прежде чем Костис успел возразить, человек слева от него сказал:

— Конечно, обман. Разве наша царица будет смотреть коровьими глазами на жулика, укравшего ее трон? Вы что, с ума сошли?

Костис снова открыл рот.

— Но ты все равно был бы верен ей? — теперь заговорил человек, сидящий за столом напротив.

Костис закрыл рот. Мужчины вокруг него презрительно пожали плечами. Этот вопрос казался им спорным. Их царица в их глазах никогда не могла быть ничем иным, как красивая и бесстрастная владычица, и их нелицеприятное мнение о царе ничуть не изменилось даже после того, как тот человек проявил безумное мужество, столкнувшись с гневной Аттолией.

— А я был бы, — флегматично сказал Костис.

Его товарищи уставились на него в замешательстве. Выдвинутый вопрос казался таким нелепым, что о Костисе уже забыли.

— Она моя царица, — Костис игнорировал взгляд сидящего напротив Лепкуса, который нахмурился, не ожидая возражений. — Остальное не важно. Я буду верен ей до самой смерти.

Кто-то втянул в себя воздух. Вопрос уже не казался простой болтовней. Под сомнение была поставлена их верность, и возможен был только один ответ.

— Конечно, — подтвердили все как один.

Теперь этот вопрос казался им оскорбительным, и все они готовы были подтвердить непоколебимую верность гвардии.

— Конечно.

— Не все, — сказал кто-то на другом конце стола.

Костис не мог увидеть, и наклонился вперед, чтобы посмотреть. Это был Экзис, первый командир Костиса. Он был рассудителен, образован и славился своим умом.

— Эддисиец может призвать своих людей для поддержки, — продолжал Экзис. — Не забывайте, что он царь, и захочет укрепить свою власть. Мы должны стоять за царицу.

— Кто выиграет, если царь с царицей будут не в ладах?

Никто не сомневался, что нелады уже начались. Ни одна женщина не сможет ударить мужа по лицу, а потом делать вид, что любит его. Ни один мужчина не может снести оскорбление и по-прежнему претендовать на уважение.

— Кто выиграет? — повторил Экзис, пожав плечами. — Барон Эрондитес.

Если царь с царицей начнут воевать друг с другом, барон Эрондитес подождет, пока они не станут слишком слабы, чтобы противостоять ему, а потом атакует. Это неизбежно. Люди за столом закивали с горестным видом.

— Куда идешь, Костис? — спросили они, когда он поднялся из-за стола.

— Проверить расписание дежурств. Если меня там нет, то пойду к себе в комнату. Буду ждать свою судьбу там.

— Думаю, твоя судьба сама пришла к тебе. Вот идет наш новый капитан, и он знает, куда направить твой путь.

— Новый капитан?

— А ты не слышал? Энкелис уже собрал вещи и переехал в капитанскую квартиру. Он говорит, что царица освободила Телеуса, но не восстановила его в должности. Он пытался выгнать Аристогетона, но тот сказал ему прямо в лицо, что не был освобожден от

присяги и не уйдет, пока сама царица не прикажет. Мы все ждем царицу, чтобы она пришла и лишила Энкелиса звания капитана, но день почти закончился, а она так и не вышла из своих покоев. Аристокетон с его парнями назначены в четвертую смену, но никто не знает, где сейчас Телеус.

Новый капитан подошел к их столу, и люди почтительно встали. Энкелис кивнул Костису.

— Тебя ждут. Приведи себя в порядок и иди за мной.

* * *

Костис стоял между охранниками в караульном помещении перед спальней царя. Сеанус улыбнулся.

— Наш дорогой мальчик для битья снова среди нас? Что привело тебя сюда, Костис? Надеюсь, не жажда мести?

— Я на дежурстве. И останусь на посту, пока не сменюсь или до тех пор, пока царь не освободит меня.

— И чей же это приказ?

— Моего капитана, лорд Сеанус. Чьи еще приказы я могу выполнять?

Филологос встал с постели, чтобы найти мир не перевернутым, а прежним, пребывающим в печали и унынии. Царица не покидала своих покоев. Царь, когда они наконец постучали к нему, из-за закрытой двери велел им убираться куда подальше и не беспокоить Его Величество. Он сделал единственное исключение для посла Эддиса, но их разговор прошел не совсем гладко, и Орнон вышел из царской спальни, пыхтя от ярости.

Царские служанки не соглашались никого пропускать к Аттолии и даже отказались передавать сообщения, хотя некоторые из них выходили от царицы с поручениями. Министры были брошены на произвол судьбы. Советники совещались между собой. Организованная рутина раз и навсегда заведенного порядка не нарушалась, но весь дворец был охвачен беспокойством.

Костис наскоро поел прямо в караулке и проспал несколько часов ночью на узкой скамье, окаймляющей стены. Потом его сменяли царские придворные, спавшие на более широких скамьях по обе стороны от двери в спальню. Они были под рукой, на случай, если царь призовет их посреди ночи, но царь молчал.

На следующий день посетителей было больше. Костис, разрывающийся между двумя полюсами преданности, мысленно принимал к сведению приходящих. Это были люди, готовые поддержать правление нового царя. Они ожидали в караулке, а царские слуги выходили спросить, желает ли царь их видеть. В основном, он отказывал, хотя позволил Дитесу посидеть у его постели некоторое время. Леди Фемиду завернули прямо с порога. Но час спустя в коридоре перед охранниками остановилась ее младшая сестра. Она была очень бледна, когда спросила дежурного, может ли она увидеть царя.

— Его Величество не принимает.

— Пустите ее, — сказал царь из спальни.

Удивленно приподняв брови, стражники расступились перед Хейро. Она подошла к кровати и присела на краешек стула. Некоторое время они разговаривали вполголоса. Царь, взяв ее за руку, сказал:

— Надеюсь, ваш отец оценит, каким хорошим другом вы стали мне.

— Спасибо, Ваше Величество, — тихо сказала она и ушла.

Царь проспал всю оставшуюся часть дня.

Глава 11

Костис проснулся оттого, что вздрогнул на узкой скамье и упал на колени рядом с ней. Полусонный, он изо всех сил пытался вернуться в реальный мир. Он спал час или около того, и, в общем, с момента покушения на царя проспал не больше пяти часов. Кто-то кричал. Его разбудили именно крики. Потирая глаза и пошатываясь, он побрел через караулку к дверям царской спальни и уткнулся в спины стоящих перед ней людей. Все они почему-то торчали перед дверью, как истуканы, и не спешили войти внутрь. Только когда Костис подошел к двери и изо всех сил дернул ее на себя, он понял причину. Дверь была заперта. Царь кричал у себя в комнате, а они не могли войти к нему. Костис постучал кулаком в дверь, но она даже не дрогнула. Он повернулся и крикнул в лицо придворному, беспомощно топтавшемуся рядом:

— Ключ! Где ключ!

— У нас нет ключа, — ответил Клеон.

Костис потер голову руками. Цепким взглядом он оглядел комнату и выхватил пистоль из рук ближайшего охранника. Положив дуло на локтевой сгибе, он рванул крышку кожаного патронташа. Зарядить пистоль он мог, даже не проснувшись. Все движения были отработаны до автоматизма. Он зубами сорвал бумажную оболочку патрона, насыпал немного пороха на полку, а остальной порох вместе с пулей высыпал в ствол, утрамбовал с помощью пыжа и шомпола и поднял пистоль.

— Разойдись! — гаркнул он людям, в замешательстве наблюдающим за его действиями. — Рразойдись! — крикнул он громче, так как они не двигались.

Только когда он приставил дуло пистоля к замку, они поняли и нырнули в укрытие. Последовала вспышка и громкий треск. Костис помахал ладонью перед носом, чтобы развеять пороховое облачко, и посмотрел сквозь дым. В двери образовалась дыра размером с кулак, достаточная, чтобы просунуть туда руку, но замок еще держался. Костис перезарядил оружие. Все вокруг кричали, но никто не пытался его остановить. Он снова поднял пистоль. На этот раз он отвернулся, прежде чем выстрелить. Когда он оглянулся, замок валялся на полу и дверь немного приоткрылась. Он выдохнул с облегчением. Хорошо, потому что стрелять в третий раз совсем не хотелось. Костис чувствовал, что отскочившая рикошетом пуля просвистела у самого его уха.

Царь сидел на кровати среди сбитых простыней. Он поднял пенек правой руки и смотрел на его окровавленный срез. На ночной рубашке расплывались красные пятна. Комната казалась совершенно пустой, но Костис проверил каждый угол и все защелки на окнах, чтобы убедиться, что сюда не мог проникнуть ни один злоумышленник. Когда Костис вернулся к царю, его колени начали слабеть, а руки дрожали от пережитого волнения, но

царь уже был окружен слугами, которые наперебой высказывали свои предложения.

— Глоток воды, Ваше Величество.

— Может быть, лучше вина?

— Уйдите, — сказал он голосом, хриплым ото сна.

Они еще никогда не казались так похожи на твякающих болонок, подумал Костис, хотя винить их он не мог. За исключением Сеана, все они казались перепуганными насмерть.

— Один глоток, Ваше Величество, — говорил один из них, предлагая стакан.

— Это просто кошмар.

— Чистой воды...

— Уйдите! — крикнул Евгенидис. — Все вон!

Придворные на мгновение отступили, но потом снова придвинулись. Они уже открыли рты, чтобы заговорить, но тут из-за двери раздался голос царицы.

— Я думаю, что пожелания Его Величества необходимо выполнять.

Слуги в ужасе повернулись к ней. Царица посмотрела на них.

— Подите, — сказала она, — прочь.

Все бросились к дверям.

Костис, стоявший в изножье кровати, попытался удалиться с достоинством и добрался до двери последним. Он посмотрел назад. Царица стояла у кровати, неловкая в своей нерешительности и в то же время изысканная, как белая цапля. Сам того не замечая, он замер на месте.

Она протянула руку и коснулась лица царя, приложила ладонь к его щеке.

— Это просто кошмар, — сказал он все еще хриплым голосом.

Голос царицы звучал безмятежно.

— Как неловко, — сказала она, глядя на его искалеченную руку.

Царь поднял голову и проследил за ее взглядом. Царица произнесла эти слова так, словно ее разбудил ребенок, заплакавший от страшного сна, а не собственный муж, который кричит от ночных кошмаров по ее же вине. По лицу царя промелькнула быстрая улыбка.

— Ой, — сказал он, глядя ей в глаза. — Ой, — сказал он снова, когда царица коснулась его руки.

Костис в растерянности стоял среди замерших на месте придворных. Он чувствовал, что они поражены не меньше него, но в любом случае, им незачем было наблюдать, как царь с царицей решат свой спор. Это вообще их не касалось, поэтому он протянул руку к двери. Просунув руку в отверстие, где находился замок, он потянул дверь на себя и тихо прикрыл ее.

Придворные посмотрели на него с возмущением, но никто не произнес ни слова, боясь привлечь внимание царицы. Костис посмотрел через их головы и встретил взгляд одного из охранников.

— Очистить помещение, — приказал он.

Слуги в ответ загудели тихо, но яростно. Сквозь возмущенный ропот прорвался голос Сеана.

— По какому праву ты отдаешь здесь приказы, командир?

Костис не ответил. Сеанус был прав, его звание и должность не имеют здесь значения. Даже в чине лейтенанта он не мог отдавать распоряжения приближенным царя.

— Каким образом ты собираешься добиться их исполнения? — поинтересовался Сеанус.

Он имел привычку растягивать слова в состоянии бешенства, но Костис решил не церемониться.

— Под дулом пистоля, если понадобится, — сказал Костис.

Рука Сеана потянулась к ножнам кинжала на поясе. Без малейшего колебания половина охранников в комнате положила ладони на рукояти мечей, а вторая половина, ударив прикладами в пол, приступила к заряданию пистолей.

Костис не отводил глаз с Сеана. Остальные слуги, как овцы, сбились у него за спиной. Было ясно: они ждут, когда Сеанус поведет их к дверям; и когда он приподнял одно плечо и презрительно вздохнул, Костис понял, что выиграл.

— Я уверен, что никто из нас не хочет беспокоить Их Величества, — сказал Сеанус.

Костис расставил охранников в коридоре за дверью караулки. Сам он проверил гардеробную и остальные помещения и, убедившись, что они пусты, занял пост у наружной двери. Придворные царя и служанки царицы толпились в коридоре. Кто-то принес скамьи из зала и несколько стульев из соседних комнат. Костис подавил зевок и приложил ладонь к уху, в котором начинала пульсировать боль. Оно было покрыто коркой засохшей крови, и когда он повернул голову, то увидел пятна крови и на плече. Очевидно, вторая пуля, отлетев рикошетом, все же зацепила его. Подошла служанка царицы, и он замер на месте. Это была Фрезина, старшая из женщин, с аккуратно уложенными вокруг лица седыми косами. Она улыбнулась ему и пододвинулась ближе, чтобы вытереть его ухо белым платком. Ткань была влажной и пахла лавандой.

— Так будет лучше, лейтенант, — пробормотала она, осторожно стирая кровь.

Закончив, она еще раз улыбнулась и уселась на скамейку невдалеке.

Ее поддержка приободрила его после мрачных взглядов придворных, и Костису было жаль, когда она чуть позже удалилась. К ней подошла другая служанка, Лурия, и когда они обменялись шепотом несколькими словами, пожилая женщина встала. Она кивнула остальным служанкам, и все женщины скользнули прочь, оставив придворных и охранников в обществе друг друга.

Это была долгая ночь.

Царские слуги играли в кости и карты, кое-кто спал. Костис и его команда стояли на посту. Костис предпочел бы, чтобы придворные убрались куда подальше вслед за служанками царицы, но, наверное, они должны были находиться под рукой, если царь вдруг позовет их, хотя это было маловероятно. Наконец, большая часть придворных уgomонилась и заснула.

Охранники сменились в час собаки. Костис отослал своих людей в казармы, но сам остался на посту. Только командир мог отпустить его из караульного помещения. Новый капитан, Энкелис, предпочел не появляться около царских апартаментов, хотя наверняка уже слышал о стычке между охраной и придворными. Костис не сомневался, что тот счел более безопасным оставить решение этого вопроса на усмотрение лейтенанта и избежать ответственности за результат.

В атриуме в конце коридора уже брезжил жиденький серый свет, когда Фрезина вернулась. Остановившись прямо перед Костисом и стоя спиной к остальным людям в коридоре, Фрезина подняла перед ним золотой перстень с резным рубином.

— Следуйте за мной, лейтенант, — сказала она.

Костис удивленно покачал головой. Он не мог оставить царя. Она серьезно посмотрела на него и подняла перстень чуть выше. Это была личная печать царицы Аптолии. Держа ее в

руках, Фрезина говорила от имени царицы. Ослушаться ее, значило не выполнить приказ государыни.

Костис через плечо оглянулся на дверь за спиной. Потом снова посмотрел на царскую служанку. Она не собиралась ничего объяснять. Он понимал, что переданный ему Энкелисом приказ охранять царя днем и ночью, на самом деле исходил от царицы. Он снова оглядел толпу в коридоре, пытаясь представить себе, что заставило царицу оставить царя без охраны.

— А мои люди? — спросил он.

— Оставьте их здесь, если хотите. Они больше не нужны.

— Очень хорошо.

Царя все-таки не бросят одного. Он приказал начальнику караула не впускать никого в царские апартаменты, пока их не вызовет царь или царица. Потом он последовал за Фрезиной.

В роскошном караульном помещении перед покоем царицы он оставил у охранника свой меч и позаимствованный пистоль. Никто не задал ему ни единого вопроса. Он проследовал за своей сопровождающей через коридор и анфиладу смежных комнат в небольшое помещение, судя по всему, прихожую с диваном и столиком в углу и закрытой дверью за парчовой гардиной. Фрезина тихо постучала, а затем осторожно повернула ручку и открыла дверь. Она была невысокой и хрупкой, и через ее голову Костис мог сразу оглядеть всю комнату. В позолоченном кресле, ожидая его, сидела царица.

Костис моргнул.

Он машинально сделал несколько шагов вперед, лихорадочно пытаясь понять, где находится. Трех шагов было достаточно, чтобы увидеть всю комнату, обшитую деревянными панелями, с большим шелковым ковром, позолоченным комодом и стульями, а так же со стоявшей на возвышении кроватью. У кровати не было ни спинки, ни балдахина с занавесками, чтобы скрыть спящего на ней человека.

Костис узнал его еще до того, как разглядел темные волосы на подушке. Наверное, он даже удивился бы, если бы не устал так сильно. Евгенидис давно доказал, что может перемещаться по дворцу Аттолии, как ему заблагорассудится. Очевидно, что и он и царица могли проходить в ее комнату в частном порядке.

— Три часа назад он принял несколько капель опиума, так что нет особой необходимости соблюдать полную тишину, — сказала царица.

Костис повернулся к ней и поспешно вытянулся по стойке «смирно». Его лицо предательски покраснело до самой кромки волос надо лбом. Она удивленно приподняла бровь.

— Я хочу, чтобы ты оставался здесь, пока он не проснется.

— Да, Ваше Величество.

— Ты можешь сидеть.

— Спасибо, Ваше Величество.

Костис не двигался.

— Позови служанку, когда он проснется.

— Да, Ваше Величество.

Когда она вышла, и дверь бесшумно затворилась, Костис испустил дрожащий вздох и еще раз оглядел комнату. Ступая как можно тише, он подошел к кровати. Лицо царя было повернуто к стене. Костис наклонился и внимательно посмотрел на него. Лицо Евгенидиса

очень изменилось во сне, он казался моложе и — Костис попытался подобрать подходящее слово — мягче. Костис никогда не думал, насколько напряженным выглядит лицо царя, пока не увидел, как оно расслабилось под воздействием нескольких капель макового сока.

Озадаченный, он отступил от кровати. Рядом стоял низкий мягкий табурет. Костис нерешительно присел на край. Пряжки нагрудника впились ему в бока, напоминая, что все это происходит не во сне.

Утренний свет все еще был тусклым, а небо оставалось серым. Костис зевнул. Как бы в ответ на его мысли, в дверях появилась Фрезина с подносом в руках. Он мгновенно захлопнул рот и вскочил, чувствуя вину за то, что поддался слабости.

Она улыбнулась, ставя поднос на легкий столик.

— Я подумала, вам следует позавтракать, — сказала она.

— Спасибо, мэ, — прошептал Костис. — Но я не уверен, что должен.

— Конечно, должен, — возразила она. Ее голос звучал тихо, но она не перешла на шепот. — Вы здесь не в карауле. За дверью достаточно охраны, чтобы обеспечить его безопасность. Вы здесь на случай, если... ему станет плохо, когда он начнет просыпаться.

Она передвинула поднос ближе к Костису, а потом подошла к кровати и положила ладонь на лоб царя. Он не шевелился. Она осторожно подсунула ладонь ему под щеку и наклонилась, чтобы поцеловать в лоб, как мать целует ребенка.

Костис уставился на нее. Фрезина улыбнулась.

— Что взять со старухи, — сказала она. — Даже царь позволяет мне маленькие вольности.

Она скользнула за дверь, оставив Костиса наедине со своими мыслями.

Спальня царицы казалась золотой, как пчелиные соты, и безмолвной, как могила. Хотя до Костиса иногда долетали отголоски суеты из дальних комнат, тишина в спальне действовала на него, как снотворное. Чтобы не заснуть, он встал и прошелся по ковру, с интересом, но издали, посмотрел на письменный стол с аккуратным рядом чернильниц и пучками перьев, на резные бусины-печати и ассортимент маленьких амфор на полке. Затем снова сел и оглянулся проверить, не потревожил ли он царский сон.

Через некоторое время Евгенидис повернул голову на подушке и приоткрыл один глаз. Он с равнодушным удивлением оглядел комнату. Затем его взгляд остановился на Костисе. Костис наклонился вперед на своем пуфике и сказал:

— Надо спать.

Евгенидис послушно закрыл глаза. Костис улыбнулся. Кто-то хихикнул у него за спиной, и он быстро оглянулся. Это была Илея, одна из младших служанок царицы, несколько прядей ее темных волос выбились из-под серебряной сетки и струились по шее. Она стояла, прислонившись к дверной раме и скрестив руки.

— Я не надеялась, что он может кого-нибудь послушаться, — сказала она улыбаясь.

— Я всего лишь сказал то, что он и сам собирался сделать, — ответил Костис.

— Это был ловкий трюк, — согласилась Илея.

Позже, когда Евгенидис снова зашевелился, Костис с облегчением подумал, что на этот раз царь наконец просыпается. Костис чувствовал себя отупевшим от усталости. День тянулся ужасающе медленно, а его глаза просто слипались. Даже когда он держал их открытыми, они, казалось, не могли сосредоточиться на увиденном, поэтому Костису понадобилось некоторое время, чтобы понять, что царь не просыпается, а мечется в кошмарном сне. Костис упал на колени рядом с кроватью.

— Ваше Величество?

Царь вздрогнул, как будто укушенный язычком пламени, но не проснулся. Внезапно он вытянулся и оцепенел. Его глаза распахнулись, но он ничего не видел перед собой. Он с хрипом пытался втянуть в себя воздух, и Костис, чтобы предотвратить крик, схватил царя за плечи и сильно встряхнул.

Мгновением позже царь уже сидел в дальнем углу кровати с широко раскрытыми глазами и шестидюймовым ножом, неизвестно как оказавшемся у него в руке. Костис поднял над собой раскрытые ладони, чтобы их хорошо было видно, и заговорил очень тихо и очень спокойно:

— У вас был кошмар, Ваше Величество.

— Костис, — сказал царь, словно изо всех сил пытаясь узнать его.

— Да, Ваше Величество.

— Командир отделения.

— Вы произвели меня в лейтенанты, Ваше Величество, — осторожно напомнил Костис.

Царь сосредоточился.

— Да, точно.

Он опустил острие клинка. Оно дрожало, но краска начала возвращаться на его бескровное лицо.

— Ирина, — тихо позвал он.

Костис обернулся и увидел в дверном проеме царицу. Когда он снова посмотрел на царя, его румянец снова исчез.

Царица прошла через комнату, села на край постели и обняла его за шею. Царь прислонился к ее плечу и сказал извиняющимся тоном:

— Я собираюсь поболеть еще немного.

— Положи это, — попросила царица, вынимая нож из его послушных пальцев и бросив его на покрывало. Все еще обнимая его одной рукой, она потянулась к полотенцу в миске с водой, стоящей на столике рядом с кроватью. Она бережно обтерла лицо царя и отвела мокрые пряди с его лба.

— Боже мой, как это унижительно, — сказал царь, ложась на подушки.

— Не так уж и страшно, — возразила царица.

— Легко тебе говорить, — ответил царь. — Тебе не снятся кошмары.

— Что же тогда я должна сказать?

Царь вздохнул. Забыв, что Костис стоит рядом, что кто-то вообще существует в мире, кроме них двоих, царь дрожащим голосом попросил:

— Скажи, что ты не вырежешь мой лживый язык, скажи, что не вырвешь мои глаза, что не проткнешь раскаленной иглой мои уши.

После кратких мгновений неподвижности, царица наклонилась и поцеловала мужа сначала в одно закрытое веко, потом в другое.

— Я люблю твои глаза, — сказала она. Она поцеловала его в обе щеки рядом с мочками ушей. — Я люблю твои уши, и я люблю, — она остановилась, чтобы нежно поцеловать его в губы, — все твои нелепые выдумки.

Царь открыл глаза и улыбнулся царице своей доверчивой и непостижимой улыбкой. Шокированный Костис, ставший свидетелем такой глубоко интимной сцены, в надежде на побег бросил взгляд на дверь, но путь к свободе был отрезан двумя служанками, неподвижно стоящими около косяков и внимательно глядящим в пол у себя под ногами. Ему оставалось

только мечтать, что земля под ним расступится и поглотит его вместе с пуфиком и маленьким трехногим столиком. И желательно, чтобы это произошло совершенно беззвучно, чтобы не привлечь внимания царя и царицы.

— Здесь Костис и Иоланта с Илеей, — напомнила Аттолия.

— Костис, — неопределенно произнес царь. — Молодая версия Телеуса? Без чувства юмора?

— Тот самый, — согласилась царица с легкой нотой насмешки в голосе.

Евгенидис лежал неподвижно, но румянец постепенно возвращался на его щеки, а дыхание становилось более размеренным. Он открыл глаза и посмотрел на царицу, все еще склоненную над ним.

— Мне очень жаль, — сказал он.

— Ты был прав, — сказала она.

— Да? — в голосе царя звучало недоумение.

— Извинения звучат слишком скучно.

Евгенидис усмехнулся. Он снова закрыл глаза и несколько раз повернул голову на подушке, изгоняя остатки сна. Обретя свой привычный вид, он сказал:

— Ты просто сокровище.

Теперь его голос тоже звучал привычно, и Костис понял: то, что он принял за хриплый со сна голос, на самом деле было акцентом. В полусне царь говорил с эддисийским акцентом, чего, собственно, и можно было ожидать, но Костис никогда не слышал его и не смог распознать сразу. Проснувшись, царь заговорил как настоящий аттолиец. Это заставило Костиса задуматься, что еще царь мог скрывать так хорошо, что никому в голову не приходило искать его секрет.

— Если ты уже чувствуешь себя более уверенно, то не стоит откладывать решение наших проблем, — напомнила царица.

— Прямо в неглиже? — царь спорил, кажется, только из привычки к сопротивлению.

— Твои придворные. Я уже поговорила с ними. Тебе следует сделать то же самое.

— Ну да. Они уже видели меня в ночной рубашке. — он посмотрел на рукава, вышитые белыми цветами. — Но не в твоей.

Теперь он полностью проснулся.

— А ты не думаешь, что мы должны сначала узнать, какая новость вертится на кончике языка у Иоланты?

Царица оглянулась, и терпеливо дожидавшаяся Иоланта доложила:

— Врач Вашего Величества здесь.

— Ничего страшного, он тоже видел меня в ночнушке, — пробормотал царь.

Петруса к двери сопровождали два гвардейца, при этом он выглядел так, словно может передвигаться исключительно с их помощью, но не на собственных ногах. Он закрепил это впечатление, упав на колени, как только солдаты отступили назад. По знаку царицы они вышли из комнаты, а она повернулась к врачу.

— Ваше Величество, прошу вас... — он закашлялся, прежде чем она прервала его.

— Значит, ты нашел что-то в опиуме? Что это было?

— К-конопля, — сказал он. — В опиум царя была подмешана пыльца конопли. — Он нервно сжал свои длинные пальцы. — Ваше Величество, конечно, знает, что она используется в храмах, чтобы открыть разум оракулов для божьих голосов. Но не имеющего привычки человека они могут привести к смерти. Даже маленькие дозы опасны в руках

неопытного лекаря.

— Она может вызвать кошмары? — предположил царь.

— Да, Ваше Величество.

Царица оценивающе посмотрела на врача. Если царь даже на троне походил на ученика писца, то царица способна была превратить мягкое покрывало в царский престол.

С усилием, которое Костис признал героическим для такого робкого человека, Петрус взял себя в руки.

— Ваше В-величество, — сказал врач более спокойно, — я не могу доказать свою невиновность. Единственное, что я могу сказать в свою защиту, это то, что я не храбрец и не глупец. Я ничего не подмешивал в лекарство царя. Наверное, на этой земле нет ничего, что заставило бы меня это сделать.

— Я не уверена, что могу согласиться на такой риск, — ответила Аттолия.

Петрус вспотел.

— Больница... — сказал он. — Мои пациенты и научная работа... они зависят от меня. Прошу вас, Ваше Величество...

Царица резко вскинула подбородок.

— Хорошо, — решила она.

Врач вздохнул с облегчением. Он сделал попытку восстановить потерянное достоинство.

— Опиум скрывает вкус конопли. Второй врач, возможно, не смог распознать ее присутствия.

— Даже несмотря на ночные кошмары? — сухо поинтересовался царь.

— Да, Ваше Величество. Может быть, мне следует осмотреть Ваше Величество?

Ответом ему был мрачный взгляд царя, затем кивок царицы позволил врачу удалиться.

Когда он исчез за дверью, царица потянула одеяло и расправила его вокруг царя.

— Ты ему веришь? — спросила она Евгенидиса.

Костису показалось, что между ними двумя проскочила искра.

— Я знаю то, чего не знает он, — ответил ей царь.

— И кто положил коноплю в опиум?

— И это тоже.

— Ты должен поговорить со своими слугами. Они давно ждут тебя.

— Я очень устал, — патетически воскликнул Евгенидис.

— Не откладывай.

Она встала и вышла.

* * *

Царские слуги сбились тесной кучкой в пространстве между кроватью и окном. Разговор с царицей явно был не из приятных, Костис им не завидовал. Он все еще сидел на пуфике у изголовья царской постели и мечтал оказаться в любой другой точке мира, лишь бы подальше отсюда, но ни царь ни царица не отпускали его. За исключением одного упоминания, промелькнувшего в словах царицы и замечания царя об отсутствии у него, Костиса, чувства юмора, ни один из них не дал ему понять, что вообще помнит о его существовании.

— Я не сомневаюсь, что Ее Величество недвусмысленно дала понять, что недовольна вашей службой, — начал царь.

— Да, Ваше Величество.

— И она оставила вопрос о вашем наказании на мое усмотрение?

— Да, Ваше Величество.

— Ну, тогда поднимите головы и перестаньте разыгрывать из себя преступников. Раз Ее Величество лично устроила вам разнос, я считаю, вы уже достаточно наказаны.

Костис подавил дрожь. Он мог бы пожалеть придворных, униженных выговором царицы, но не мог простить их и не ожидал, что царь проявит такое неслыханное великодушие. Пожалуй, Евгенидис мог противостоять своей жене лучше, чем можно было ожидать, но совершенно неверно оценивал своих придворных. Они дружно подняли головы и уставились на него с различной степенью триумфа на лицах. Привычная ухмылка мгновенно вернулась на физиономию Сеана.

Один Филологос не желал отделаться так легко.

— Ваше Величество, — строго сказал он. — Мы вели себя непростительно. Вы не должны упускать это из виду.

— Не должен? — Царь выразил вежливое удивление.

— Нет. — Филологос был все так же тверд.

— Тогда скажи мне, — попросил царь, — что мне следует сделать?

Филологос даже не улыбнулся.

— Нас необходимо уволить, если вообще не изгнать из страны.

Его коллеги посмотрели на него, как на буйно помешанного.

— Это несколько жестоко, ты так не считаешь? — спросил царь. — Лишить твоего отца наследника из-за детских шалостей?

Может быть, эта мысль не приходила Филологосу в голову, но он не дрогнул. Изгнанный, он все же мог наследовать землю и имущество отца, но вряд ли мог управлять ими из-за пределов Аттолии. Его отцу, скорее всего, придется в интересах семьи лишить молодого человека наследства и выбрать себе другого наследника, кого-то из племянников, например, если у него нет второго сына, или его дочь не сможет выйти замуж за человека, способного управлять семейными землями.

— Из-за детских шалостей? — повторил царь.

Филологос облизал внезапно пересохшие губы.

— Змея была не просто...

— Филологос, — перебил его Иларион. — Перед тем как обсуждать решения нашего господина, тебе стоит понять, что они продиктованы не менее благородным порывом, чем твой собственный. Однако, вы можете, — обратился он к Его Величеству, — Изгнать тех из нас, кто ответственен за наиболее тяжкие преступления, а Филологоса просто отправить к отцу.

Царь, казалось, растерялся.

— Мне приятно наблюдать, Иларион, как ты демонстрируешь высокое понятие о чести, но я не собираюсь изгонять никого из вас. Даже из-за змеи. Думаю, следует оставить этот эпизод в прошлом. Давайте забудем о нем.

— Ваше Величество, по крайней мере, мы все должны быть уволены со службы, — продолжал настаивать Филологос. — Я хочу сказать, что это именно я...

— Подложил змею в мою постель, — закончил за него царь. — Да, я знаю. Иларион

попытался спасти тебя от себя самого, но ему не следовало это делать. Я знал, кто принес змею и сыпал песок в мою пищу. Кто отправил беднягу Аристогета с запиской на псарню и кто регулярно заливал чернилами мои любимые кафтаны.

Он по очереди переводил взгляд с одного придворного на другого, и они не посмели отрицать, что ему известна вся подноготная их проделок. Если прежде царские слуги выглядели огорченными, то теперь они смотрели на царя с выражением священного ужаса. Кроме Сеана, который пытался сохранить насмешливое и самодовольное выражение. Наконец царь повернулся к нему.

— Мне так же известно, кто добавил коноплю в мой опиум, Сеан.

Сеан только улыбнулся себе под нос.

— У вас нет никаких доказательств, Ваше Величество.

— Я не нуждаюсь в доказательствах, Сеан.

— Нуждаетесь, если не хотите, чтобы ваши бароны восстали против вас. Не говоря уже о том, что любой член Совета баронов может потребовать проверки ваших слов. Большинством голосов Совет сможет отменить ваше решение, и он обязательно это сделает, если вы не предъявите доказательств.

— Правда, если обвиняемый к тому времени уже будет казнен, вопрос сведется всего лишь к обсуждению размера компенсации.

Сеанус внимательно посмотрел на царя.

— Я не думаю, что вы зайдете так далеко, Ваше Величество. Для баронов было непростой задачей принять в цари аутсайдера. Они могут возмутиться гораздо сильнее, чем вы рассчитываете, и восстать, не обращая внимания на присутствие эддисийского гарнизона.

— О, я могу зайти куда угодно, не возмущив совершенно никого. Скажи мне, твой отец действительно не ударит палец о палец, чтобы помочь Дитесу?

— Дитесу? — Сеанус казался ошеломленным.

— Кого же еще мы обсуждаем? Вчера я допустил его в мою комнату. Я оказал ему доверие, а он попытался отравить меня. Кто еще это мог быть? Леди Фемида? Или, может быть, ее сестра? Хейро несколько молода для участия в политических убийствах, не правда ли? Мне не требуется больше доказательств, чем у меня есть, Сеанус. Я могу арестовать его прямо сейчас, и я это сделаю. Я могу приказывать четвертовать его сегодня же вечером. И мы посмотрим, как весело он запоет без языка и без рук.

Сеанус все еще недоверчиво качал головой из стороны в сторону.

— Твоему отцу будет все равно. Он даже поблагодарит меня за то, что я избавил его от нежеланного наследника и дал законный повод назначить наследником тебя. — Евгенидис улыбнулся. — Ведь ты не будешь возражать? Мы все знаем, насколько ты ненавидишь своего брата. К тому же, ты, Сеанус, мой лучший друг, которого я не захочу отпустить, даже если уволю всех остальных слуг.

Сеанус побледнел. Его пренебрежительная улыбка испарилась.

— Это я отравил опиум, — внезапно заявил он.

— Что? — Царь приподнял бровь, словно не расслышал.

— Я подмешал коноплю в опиум. У меня есть друг среди жрецов. Он дал мне порошок, а я вчера подсыпал его в опиум.

— Почему ты сделал это? — спросил царь.

— Потому что ненавижу вас, — Сеанус отвечал уверенно, словно читал свою роль в пьесе. — Вы не имеете права на престол Аттолии.

Царь удивленно моргнул.

— Очень сожалею, что не убил вас, — ядовито произнес Сеанус. — Я думал, что этой дозы достаточно, чтобы прикончить лошадь.

— Не путай коноплю с никотином, друг мой. Впрочем, полагаю, в таком случае мне следует арестовать тебя.

— Вот именно, Ваше Величество. — в голосе Сеана опять звучало презрение.

— И твоего брата.

— Нет!

— Ты признался. Мне кажется, после недолгого убеждения ты сознаешься и в вашем сговоре.

— Мой брат не имеет ничего общего со мной. Я действовал один. Я сам все решил.

Царь посмотрел на покрывало, провел рукой по вышитой ткани, но ничего не сказал. Молчание затягивалось. Сеанус сглотнул. Казалось, он пытается проглотить свою гордость. Повергнув придворных в еще большее недоумение, он сказал:

— Ваше Величество, я готов признаться в любом преступлении по вашему выбору, но мой брат невиновен.

— Ты уже признался в покушении на цареубийство, — напомнил Евгенидис. — В чем еще ты предлагаешь признаться?

Он перестал рассматривать покрывало и поднял голову. Увидев его лицо, Костис ощутил нечто похожее на удар под ложечку. Если Аттолия умела выглядеть истинной царицей, то Евгенидис внезапно превратился в божество на убранном золотой тканью алтаре, бесстрастное и несокрушимое.

— Ты думаешь, я намерен оставить твоему отцу хоть одного наследника?

Боги в небесах, подумал Костис, значит, у барона Эрондитеса всего только два сына?

Однажды во время землетрясения он видел, как рушится храм. Сначала между камнями появились тонкие трещины и они стремительно расширялись, пока каждый из камней не закачался на своем месте. Сначала обрушились колонны, поддерживавшие портик, а затем обвалились стены. Вот так шаг за шагом царь заставил Сеана осознать чудовищность катастрофы, обрушившейся на его Дом.

— Твой отец лишил наследства твою сестру и ее детей, когда она вышла замуж против его воли. Он сделал это официально. Вот почему он не мог лишиться наследства Дитеса. Мудрый человек не оставляет только одного наследника. Он должен был мириться с Дитесом, потому что существует множество вещей, способных убить человека: болезни, войны... яд, например. Кроме того, не следовало упускать шанс, что Дитесу удастся жениться на царице. Это вознесло бы Дом Эронтидесов до небес. Но Дитесу не повезло: на царице женился я. Глупый, бесполезный Дитес. И сегодня ваш отец потеряет обоих своих сыновей. Он мог бы избавиться от вашей матери, вступить в новый брак и получить еще одного наследника, но ему не нужен младенец. Он нуждается во взрослом наследнике, способном защитить себя и поддержать отца.

— У вас нет доказательств против Дитеса. Я ничего не скажу.

— И мои бароны не смогут вытащить доказательства из твоего кричащего рта? — спросил царь.

— Я отказываюсь от своего признания. Я буду все отрицать.

— Это серьезный аргумент. Впрочем, у меня он тоже есть. Несколько сыновей и племянников баронов стоят здесь, ожидая изгнания за проступки, которые сочтут вопиющим

преступлением даже самые чувствительные из моих баронов. Как ни парадоксально, они попали в эту неприятную ситуацию по твоей вине. — он улыбнулся придворным. — Как ты думаешь, они встанут на твою сторону, Сеан? Они не так великодушны, как я, и они теперь ненавидят тебя. А их семьи ненавидят твоего отца. Он подкупал, шантажировал и убивал их на пути к власти. Хотя, в основном, шантажировал. Ни один барон не может позволить себе противостоять ему, но если найдется способ сбросить его вниз без риска для своей шкуры, каждый из баронских Домов набросится на него.

— Я не дам вам ни одного доказательства против Дитеса. Вам не в чем будет обвинить его. И тем более, казнить.

— Мне не нужно его казнить, Сеан. Достаточно изгнать его за оскорбление престола. А для этого все необходимые доказательства имеются.

Та глупая песенка, подумал Костис. Вероятно, Сеанусу пришла в голову та же мысль, потому что он грохнулся перед царем на колени, как разрушенный храм, как марионетка с оборванными ниточками, так, что даже зубы лязгнули у него во рту.

— Он не сможет прокормить себя, — прошептал Сеанус.

Царь согласился.

— У него нет денег. Твой отец не давал ему ни гроша в течение многих лет. Он жил на благотворительность царицы и тратил все, что она давала ему. Через месяц он будет просить милостыню где-нибудь на углу, через два пресмыкаться в грязи ради куска хлеба, а через год умрет от голода. С другой стороны, если ты откажешься свидетельствовать против него, я прикажу палачу вытащить из него признание раскаленными щипцами, а потом четвертую его. Решай сам, что более предпочтительно. В конце концов, он мог бы зарабатывать на жизнь, сочиняя эпитафии и поздравления в стихах где-нибудь на Полуострове.

Сеанус закрыл лицо руками.

— Твой отец не станет поддерживать его. — царь словно забивал последний гвоздь в крышку гроба. — Зачем ему наследник, который не может управлять имуществом семьи из ссылки? Твой отец мгновенно лишит его наследства и выберет другого наследника. Только... если выбранный наследник не является родным ребенком, он должен получить одобрение престола. Мое. Мое согласие.

Сеанус впился ногтями в щеки.

— Все твои кузены, дяди, незаконные братья начнут карабкаться вверх. Все они будут готовы воткнуть нож в спину друг другу, чтобы оказаться рядом с бароном Эрондитесом. Они будут искать его расположения, ведь он должен будет выбрать одного из них. А еще они будут нуждаться в моем одобрении, поэтому будут заискивать передо мной. Если я не соглашусь, а твой отец умрет, все его имущество отойдет трону. И тогда я сам выберу наследника.

Царь посмотрел на Сеануса с высоты своей кровати.

— Дом Эрондитесов, — пообещал он, — падет.

Костис слышал, как хриплые вздохи прорываются через холеные пальцы Сеануса.

— Ваше Величество, — он опустил руки, но говорил, не поднимая головы.

Он сосредоточенно смотрел в пол, словно в поисках последнего, самого убедительного довода.

— Мой брат служил царице верой и правдой. Он будет так же служить вам. Он никогда не испытывал к престолу ничего, кроме преданности. Прошу вас. Прошу вас, пусть ваша месть обрушится на того, кто действительно ее заслуживает. Не на мой Дом. Не на моего

брата. Позвольте мне признаться в любом преступлении по вашему выбору и понести назначенное вами наказание. — он облизнул губы. — Я прошу вас.

— Это не месть, Сеанус, — произнесло это новое воплощение царя. — Я не собирался истребить весь Дом, чтобы уничтожить одного человека. Но я готов уничтожить человека, чтобы уничтожить Дом. Твой брат будет выслан, твой Дом падет не потому, что я вдруг возненавидел тебя, а потому, что Эрондитес контролирует больше земель и людей, чем любые четыре барона вместе взятые, и становится все опаснее с каждым днем. Само его существование является угрозой для трона. Этот Дом обречен.

Царь дал Сеанусу время обдумать свои слова, чтобы найти какой-нибудь контраргумент, но такового не нашлось. Сын барона бросил короткий взгляд на придворных, но они вышли из-под его власти. Даже если он откажется от своего признания, он сделал его перед слишком многими свидетелями. Они были младшими сыновьями и племянниками самых могущественных в стране баронов, и они обязательно повторят все, что услышали здесь, своим дядям и отцам. Совет баронов никогда не поддержит того, кто признался в покушении на цареубийство. И Евгенидис был прав: у барона Эрондитеса слишком много врагов, которые будут рады падению Дома. Сеан был не в силах спасти свой Дом, но судьба Дитеса по-прежнему находилась в его руках.

— Я не откажусь от признания, — сказал Сеанус. — Я предоставлю вам любые необходимые доказательства, кроме порочащих Дитеса, если вы согласитесь заменить его казнь изгнанием.

— Спасибо, — согласился царь.

Сеанус поднял голову и посмотрел на него. Затем с небольшим усилием он пожал плечами, как человек, потерявший ставку на бегах или при игре в кости. Приняв сокрушительное поражение со спокойным достоинством, он казался симпатичнее, чем когда-либо. Костис почти почувствовал жалость к нему.

Сеанус приветствовал царя.

— Базилевс, — сказал он, используя архаичное обращение к легендарным князьям древнего мира.

Он оглянулся через плечо, словно вызывая охранников, которые шагнули вперед, чтобы поднять его на ноги, и он покинул комнату, не сказав больше ни слова.

После его ухода слуги переглянулись в молчании, но никто не посмел заговорить. Царица вошла и опустилась в кресло. Царь болезненно поморщился и откинулся на спинку кровати. За креслом царицы встали две ее служанки: Хлоя и Иоланта. Все слуги царя, кроме Сеана, оставались в комнате, а Костис словно прирос к своему неудобному мягкому пуфику. Спальня была заполнена людьми.

— Девяносто восемь дней, — сказала царица, складывая руки на коленях. — Ты говорил, что потребуется шесть месяцев.

Евгенидис расправил покрывало.

— Я хотел оставить небольшой запас времени. На случай непредвиденных осложнений.

— Я тебе не верю, — призналась царица с тонкой улыбкой.

— Тем лучше для тебя.

Царь улыбнулся в ответ. Они словно забыли обо всех присутствующих в комнате.

Внезапно царица повернула голову и прислушалась. Кто-то кричал в караульном помещении. Костис напрягся. Его рука потянулась к поясу в поисках меча.

— Кажется, это Дитес, — сказал царь. — Он должен был ждать в одной из приемных. Я

могу поговорить и с ним тоже.

Царица поднялась и шагнула за вышитую ширму перед камином. Ее служанки последовали за ней. Придворные царя остались стоять на своих местах, пытаясь осмыслить тот факт, что их беспомощный, бестолковый царь обещал своей жене уничтожить Дом Эрондитесов за шесть месяцев, а сделал это за девяносто восемь дней.

Дитес, стоящий в дверях между двух охранников, был бледнее своего брата, покинувшего комнату несколько минут назад. Он тоже опустился на колени у постели царя, но не смотрел в пол. Он глядел в лицо царя в поисках ответов.

— Я тебя предупреждал, — сказал царь ровным голосом.

— Да, Ваше Величество.

— И я велел тебе предупредить твоего брата.

— Да, Ваше Величество. Я предупредил его. Наверное, вы мне не скажете, но почему мой брат пытался отравить вас?

— Он не пытался, — сказал царь, и когда Дитес в недоумении уставился на него, пояснил. — Он признался, чтобы защитить тебя. Он думал, что это ты положил коноплю в опиум.

— Но я этого не делал! — запротестовал Дитес.

— Конечно, нет, — согласился царь. — Это сделал я.

— Почему? — беспомощно спросил Дитес. — Почему?

— Я не принимаю наркотики, — резко сказал царь. — Дитес, мне не нужна конопля, чтобы видеть кошмары, они приходят сами собой. Боги посылают их мне, чтобы напомнить о скромности.

Тем не менее, сейчас в голосе Евгенидеса не было ни капли смирения, и если Костис когда-либо мечтал увидеть его более похожим на царя, теперь его желание осуществилось в полной мере. Правда, теперь Костис находит это зрелище весьма пугающим.

— Значит, мой брат не виноват ни в каком преступлении?

— О, он виноват, Дитес. Просто не виновен в том, в чем признался. Он виновен в том, что изо дня в день подстрекал моих слуг к дурному поведению. — Евгенидис небрежно махнул рукой в сторону придворных. — А так же в сговоре со своим отцом, имеющим целью добиться увольнения всех, кроме самого Сеануса, чтобы в дальнейшем я мог выбрать новых слуг, которые будут больше устраивать барона Эрондитеса. По настоянию Сеана и фаворитки, которую барон уже выбрал для меня, хотя я упорно продолжал танцевать с ее младшей сестрой, которая, кстати, носит прекрасные серьги.

— Понимаю, — неуверенно сказал Дитес.

— Нет, ты не понимаешь. И я тоже. Потому что, развращая моих слуг, Сеанус должен был стать незаменим для меня, что ему, бесспорно, удалось сделать. Ваш отец желал, чтобы меня аккуратно подцепили на его крючок. Но твой брат почему-то захотел меня убить. С балкона с видом на сад он указывал убийцам, где они могут найти меня.

— Но у вас не было доказательств?

— Ни одного, которое я хотел бы обнародовать.

— И тогда вы положили коноплю в опиум и заставили его признаться в этом?

— Вот именно. А ты бы предпочел, чтобы я арестовал его за действительно совершенное преступление?

Дитес безнадежно развел руки.

— Вы казните его?

Царь покачал головой.

— Нет.

— Спасибо, — выдохнул Дитес. — О, благодарю вас.

— Не за что, — сказал царь, поднимая руку. — Не благодари меня. Ваш отец станет более сговорчивым, пока перед ним будет маячить надежда когда-нибудь увидеть сына на свободе. Это единственная причина оставить Сеануса в живых. К сожалению, Дитес, это исключает вероятность, что твой отец простит тебя и будет поддерживать в ссылке.

Дитес опустил глаза, но жаловаться не стал. Медленно, опираясь на правую руку, царь дотянулся левой до ящика прикроватного столика. Вытянув ящик, он достал из него кошелек, а потом потянулся за сложенным вчетверо листом бумаги. Откинувшись, он бросил кошелек на край кровати и протянул документ Дитесу.

— Ты можешь использовать часть этих денег для решения... семейных дел. Остальных хватит, чтобы добраться до Полуострова. Эта бумага — рекомендательное письмо к князю Ферриа. У него есть для тебя должность придворного капельмейстера.

Дитес уставился на бумагу в своих руках.

— Ферриа... — пробормотал он в благоговейном изумлении.

— Мне очень жаль, Дитес.

Дитес покачал головой.

— Вы пощадили моего брата, когда могли бы казнить его самым жестоким образом. Вы помогли мне покинуть гадюшник моей семьи и выгребную яму этого двора. Вы знаете, что значит для меня писать музыку при дворе самого Ферриа! Вы вложили мне в руки мою несбыточную мечту. Я не понимаю, за что вы должны извиняться.

— За то, что изгоняю тебя, Дитес. Я намерен снести с лица земли твой отчий дом и посыпать это место солью. Тебе решительно не за что меня благодарить.

Дитес поднялся на ноги, чтобы поклониться царю. И все же, глядя на письмо и кошелек в своих руках, он спросил:

— Вы так и не сказали, почему Сеанус желал вашей смерти.

Царь грустно посмотрел на него и спокойно ответил:

— Ради твоей филии.^[7]

Щеки Дитеса вспыхнули.

— А так же из братской любви. — царь пожал плечами.

— И вы сохранили нам жизнь и даже дали вот это? — он поднял бумаги и кошелек.

— Я думаю, мы избавились от наших разногласий, Дитес.

Дитес кивнул.

— К счастью для меня, это так. Я предупреждал его, как вы и просили.

— Не твоя вина, что он не поверил, — сказал царь. — Но он любит тебя так же, как ты его. Возможно это спасет его когда-нибудь. Когда меня уже не будет в живых.

Дитес посмотрел вверх.

— Я надеюсь, Ваше Величество. Благодарю вас. Он очень дорог мне.

— Ты должен быть на корабле к вечеру.

— Я буду, — заверил Дитес.

Он посмотрел на вышитую ширму перед камином, а затем снова перевел взгляд на царя. Наконец он произнес с поклоном и улыбкой:

— Будьте благословенны в ваших начинаниях.

Царь усмехнулся.

— Прощай, Дитес.

Когда он ушел, царица вышла из-за ширмы и заняла свое кресло. Она пожала плечами:

— Если он считает мой двор выгребной ямой, странно, что он задержался здесь до сих пор.

— Он был влюблен, — объяснил царь.

— В кого? — поинтересовалась Аттолия.

Царь рассмеялся.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— В тебя.

Царица ничего не ответила, но ее щеки медленно порозовели, пока она молча сидела у кровати.

— Это шутка? — наконец спросила она.

Весь двор был в курсе, что старший сын Эрондитеса влюблен в царицу. Это знала вся страна. Костис подозревал, что это было общеизвестным фактом даже в Сунисе.

— Смешно, — сказала она.

Царь согласился.

— Смешно, как попасть под снежную лавину. Одна ты умудрилась не заметить этого.

Она недоверчиво покачала головой и ждала, что он продолжит говорить. Но прежде она обвела взглядом лица всех присутствовавших в комнате и нашла на их лицах отражение правды. Ее щеки порозовели еще сильнее. Она повернулась к царю.

— Сеанус с братом делали вид, что терпеть друг друга не могут. Это поддерживало расположение отца к Сеану, а Дитеса избавляло от подозрений в связях с оппозицией и давало возможность сблизиться с тобой, по крайней мере до тех пор, пока не появился я со своими претензиями. Сеанус ревновал тебя от лица своего брата. Он надеялся, что в случае моей смерти, ты согласишься принять любовь Дитеса.

— Бедный Дитес, — задумчиво сказала она, все еще не в силах поверить. — А ты ревновал... к его филии?

Его Величество, полубог и вершитель людских судеб, на глазах всех присутствующих вновь превратился в человека, очень молодого и влюбленного. Еще раз расправив покрывало, он опустил глаза и признался:

— Ужасно.

Губы Аттолии искривились, ее глаза сузились, но даже ее самообладание внезапно подвело ее, и царице пришлось прикрыть рот рукой, чтобы скрыть улыбку, а затем смех. Ее плечи слегка дрожали.

— Я брошу в тебя подушкой, — предупредил царь. — Ты роняешь мой престиж перед лицом моих придворных.

Царица подняла голову, но ненадолго задержала ладонь у лица. Когда она опустила руку, ее лицо казалось почти безмятежным.

— Как будто тебя это беспокоит, — сказала она. Потом внимательно посмотрела в лицо мужу. — Ты устал, — добавила она.

— Да, — признался он, это было яснее ясного.

Его щеки горели сильнее, чем от здорового румянца. Она подняла руку, чтобы коснуться его лба, но он отстранился.

— Иди к себе, — сказал он.

— Хорошо, раз ты желаешь, — пробормотала она и встала. — Ты отпустишь слуг и

будешь спать?

— Да.

Она наклонилась, чтобы поцеловать его, и ушла.

«Как будто тебя это беспокоит».

* * *

Если придворные и чувствовали огорчение, ужас или смущение, им не оставили времени вволю предаться своим чувствам.

— А теперь принесите мою одежду, — приказал царь.

— Вашу рубашку и халат, Ваше Величество. Сей момент.

— Я сказал, одежду. — царь вздохнул и вытер лицо. Он выглядел усталым. — Новый синий шелковый кафтан от портного. Подберите подходящий пояс.

В его словах звучало холодное предупреждение.

— Да, Ваше Величество.

Один из слуг склонил голову и направился к двери. Царь обратился к Костису:

— Предупреди охрану, мне понадобится сопровождение.

Филологос наивно попытался запротестовать:

— Вы сказали, что собираетесь отдыхать.

Царь бросил короткий взгляд в его сторону.

— Я солгал.

Костис приказал отряду сопровождения приготовиться и ждал вместе с ними в караульном помещении, пока мимо него не пробежал слуга с царской одеждой. Еще один направился куда-то с поручением. Вскоре появился сам царь во главе встревоженных придворных.

Иларион ускорил шаги и обогнал царя. Остановившись перед ним и повернувшись спиной к двери, он спросил прямо:

— Куда мы идем, Ваше Величество?

Царь наклонил голову к плечу и осмотрел его прищуренными глазами. Иларион сглотнул, но царь решил дать ему ответ.

— Сегодня странный день. Я простил людей, который предпочел бы изгнать, и отправил в изгнание единственного придворного, который был мне симпатичен; я заключил в тюрьму человека, которого желал бы казнить. А теперь я собираюсь прогуляться в тюрьму, чтобы решить старый спор. Думаю, я это заслужил. Вы можете остаться здесь.

— Нет! — слишком громко. — Я хочу сказать, прошу вас, нет, Ваше Величество. Мы должны идти с вами.

Или царица оторвет вам головы, подумал Костис.

— Со мной телохранители. Их вполне достаточно.

— Ваше Величество. — это был Филологос. — Мы ваши слуги, не так ли?

Его лицо одновременно выражало мольбу и безнадежность. Царь закатил глаза, но сдался.

— Трое из вас могут идти со мной.

Он оставил выбор на их усмотрение. Теперь, когда Сеанус выбыл из игры, Иларион и Сотис были очевидными кандидатами. Костис удивился, когда Филологос решительно

шагнул вперед, и удивился еще больше, когда остальные придворные отступили. Все трое последовали за царем к двери.

Костис поколебался, а затем последовал за ними. Царица приказала ему оставаться с царем, и ни она, ни он не освобождали его от службы. Они достигли парадной лестницы, четыре пролета которой спускались до уровня земли. Царь посмотрел на ступени перед собой.

— Если мы можем помочь вам, Ваше Величество... — предложил Иларион.

— Не можете.

Положив руку на мраморные перила, он начал спускаться вниз. Царь двигался медленно, не выказывая очевидных усилий, но Костис отметил, что царь сильно вспотел к тому времени, когда добрался до первого этажа.

Они прошли через дворец и кухни, чтобы выйти к лестнице, ведущей в дворцовую тюрьму. Тюрьма полностью располагалась под землей, как раз под конюшнями и псарней. Собаки, наверно, пахнут лучше, подумал Костис. Он терпеть не мог это место.

Под лестницей на трехногом табурете сидел охранник. Он не поднялся с места, пока не увидел царя, да и тогда сделал это с явной неохотой. Недовольный тем, что его отдых прерван, он направился в тюрьму. Начальник тюремной охраны вышел из караулки, поклонился царю, взглянул на крюк, выглядывающий из рукава и спрятал улыбку. Кажется, он знал, какого заключенного пришел навестить Его Величество.

— Прошу вас, Ваше... Величество.

Дойдя до конца коридора, тюремщик открыл дверь камеры. Костис заслонил царя, дождался, когда внутрь войдут двое его солдат, а потом вошел сам, но заключенный не представлял никакой опасности. Он был прикован к каменной скамье, на которой лежал, но цепи, как и охрана, были излишней мерой безопасности. В камере воняло мочой и рвотой, а заключенный не пошевелился, когда дверь распахнулась на всю ширину. Он даже не повернул головы. Всклокоченная борода скрывала его рот и подбородок, а синяки покрывали остальную часть лица. Его руки были сложены на груди, одна из них распухла и почернела. Пальцы казались багровыми колбасками, и Костис отвернулся. У стены лежал сбитый в комок плащ. Возможно, заключенный использовал его в качестве одеяла, но теперь он не был нужен. Узнав ткань, Костис почувствовал потрясение.

Он внимательнее посмотрел на лежащего на скамье человека. Даже зная теперь, кто он такой, Костис не способен был узнать под следами побоев знакомых черт лица Секретаря архива, но грязный комок ткани, лежащий рядом с ним, несомненно был лохмотьями элегантного плаща Релиуса.

Костис отступил в сторону, освобождая место для царя, и занял позицию в дверном проеме.

— Стул, — приказал царь.

Он посмотрел на заключенного и обратился к Филологу:

— И немного воды. Принеси с кухни.

Филологос поспешил к двери. Принесли стул, и тюремщик с грохотом поставил его перед царем.

— Еще что-нибудь желаете, Ваше... Величество?

— Желаю. — царь посмотрел ему прямо в глаза. — Никогда больше не видеть тебя живым.

Самодовольное и снисходительное выражение лица тюремщика несколько полиняло,

когда он начал пятиться к двери. Придворные обменялись понимающими взглядами. Евгенидис уселся на стул и с облегчением откинулся назад.

— Итак, Релиус, — произнес он наконец, — готов ли ты возблагодарить нашу царицу за ее милость?

Этот вопрос прозвучал, как далекое эхо. Словно Релиус уже однажды задал его царю, и теперь царь повторил его слова. Костис почувствовал, как холодок пробежал по его спине.

Цепи тихо звякнули.

— Я думал, что вы придете раньше. Чтобы отомстить, — прошептал Релиус.

— Я был нездоров.

— Я слышал. Новости доходят даже сюда.

— Помню.

Царь оглядел камеру, словно что-то припоминая.

— Очень похоже на мою камеру. Я не помню койку, но, наверное, я тогда просто ничего не видел. Она знает, что ты тогда вернулся, чтобы еще раз допросить меня?

Костис сглотнул, чувствуя себя с каждой минутой все более неловко. Царь затаил зло на Релиуса. Когда он сам был узником Аттолии, Релиус допрашивал его, чтобы получить сведения о царице Эддиса.

«Я собираюсь прогуляться в тюрьму, чтобы решить старый спор. Думаю, я это заслужил».

Костис переглянулся с гвардейцами. Они были ветеранами. Наверное, они видели вещи и похуже. Но все происходящее им тоже не нравилось.

Релиус почти незаметно покачал головой.

— Она не хотела это знать.

— И ты не был достаточно глуп, чтобы рассказать ей потом?

— Нет. Хотя она догадывалась.

— Я сказал тебе что-нибудь? — спросил царь непринужденно.

Костиса прошиб холодный пот.

— Нет, — сказал Релиус. — Вы умоляли кого-то на простонародном жаргоне. Что-то лепетали на архаичном. Я бы нажал на вас сильнее, но боялся, что вы умрете. Она не хотела вашей смерти.

Наконец Секретарь архива повернул голову и посмотрел на царя.

— Я жалею, что не убил вас.

— Храбрые слова, Релиус.

— Здесь невозможно быть храбрым. Только глупым. Вы пришли послушать, как я стану умолять? Я это сделаю. Я научился. Вы подсказали мне слова. — слезы выступили у него на глазах, и голос ослаб. — Пожалуйста, не мучайте меня больше. Пожалуйста. Не надо.

Царь отвернулся.

— Я не знаю, — прошептал Релиус, — был ли я когда-нибудь храбрым. Но если бы я знал, что вы вернетесь, я убил бы вас.

— Если бы ты знал, что я в конце концов окажусь здесь, а ты там? Это кажется тебе странным после стольких лет службы царице?

— Я не удивляюсь, что нахожусь здесь. Только тому, что вы отсюда выбрались. Думаете я не знал с самого начала, чем это может закончиться?

— Ты бы продолжал служить ей, если бы мог? — спросил царь.

— С радостью, — прорычал Секретарь и задохнулся от боли, пронзившей его тело.

Царь наклонился вперед, и Релиус вскрикнул, но царь просто просунул руку ему под голову и крючком подтащил плащ. Он опустил голову Релиуса на эту импровизированную подушку.

Филологос вернулся с небольшим бурдюком в руках. Сотис взял его и, выполняя указания царя, наклонился и просунул горлышко между губ Релиуса. Секретарь сделал глоток. Прежде чем, он успел сделать второй, царь уверенно сказал:

— Должно быть, ты сильно ненавидишь ее сейчас.

Глаза Релиуса налились кровью. Он посмотрел на царя и выплюнул драгоценную воду. Он изо всех сил пытался поднять голову, чтобы посмотреть в лицо своему врагу.

— Даже если бы я гнил здесь пятьдесят лет, — прохрипел он, задыхаясь, — а потом вышел на волю, я бы пополз к ней на брюхе и у ее ног умолял бы позволить служить ей.

Царь покачал головой, насмешливо и недоверчиво.

— Неужели? После всего того, что она с тобой сделала?

— Я сам научил ее этому.

— Значит, ты все еще желаешь служить ей.

— Да.

Все с той же недоверчивой улыбкой царь наклонился ближе.

— Как и я сам.

Он говорил так тихо, что Костису пришлось напрячься, чтобы услышать эти слова. Но Релиус был не готов к подобным откровениям. Он только молча смотрел.

— Чего вы хотите от меня? — прошептал он.

Слезы катились из уголков его глаз.

— Вы жаждете мести? Я не могу остановить вас. Так что приступайте. Вы можете делать, что хотите. Никто вас не остановит.

— Я хочу, чтобы вы поверили мне.

— Нет. — его дыхание прерывалось, он старался подавить рыдания, причиняя новую боль своему истерзанному телу.

Лицо Релиуса исказилось от боли. Царь передвинулся на край сидения и склонился к уху Секретаря. Костис не слышал, что сказал Евгенидис, но отлично расслышал, что кричал Релиус.

— Какая разница, поверю я или нет, если вы прикончите меня, как Телеуса?

Царь сел обратно, морщась от боли в боку.

— Оказывается, ты знаешь не все новости. Она помиловала Телеуса.

— Лжец, — воскликнул Релиус.

— Ну да, я такой, — согласился царь и повернул голову, прислушиваясь к звуку приближающихся шагов в коридоре. — Тем не менее, есть одна истина, которую я могу доказать прямо сейчас. Если не ошибаюсь, эти сердитые шаги принадлежат нашему капитану.

Царь не ошибся. Это был капитан с отрядом гвардейцев. Телеус вошел в дверь и остановился за стулом царя. Он не сказал ни слова, только наклонился над плечом царя и вручил ему сложенный лист бумаги.

— Дайте-ка угадаю, — сказал царь. — Моя царица отстранила Энкелиса и восстановила тебя. И твоим первым поручением является вернуть меня в постель?

Он развернул послание и, разгладив бумагу у себя на колене, прочитал сообщение. Потом улыбнулся.

— Я избавлю тебя, Телеус, от неприятной обязанности силой тащить меня в постель. Ты можешь закончить здесь то, что начал я.

Телеус содрогнулся от ужаса и отвращения. Он посмотрел на камеру, на Релиуса, и брезгливость на его лице уступила место горю. Релиус безнадежно смотрел на них со своей скамьи. Телеус был жив, потому что царь заступился за него, и он знал, в чем заключаются его обязанности.

— Я к вашим услугам, — сказал Телеус, пытаясь подавить дрожь в голосе.

Евгенидис встал со стула и выпрямился, чтобы видеть лицо Телеуса.

— Ты меня не понял, капитан. Я помиловал его.

Телеус, принявший жизнь из рук человека, которого он презирал, лицом к лицу столкнувшийся с падением и гибелью своего друга, исчерпал предел терпения. Он решился возразить царю.

— Ее Величество осудила его.

Евгенидис, усталый и раненый, подавленный зловоном и гнетущими стенами тюрьмы, где он потерял руку, ответил ему грозным рычанием:

— Я твой царь!

Его голос словно прорвал долго сдерживаемое напряжение; перед лицом потрясенных зрителей каменная маска капитана, скрывавшая его чувства, содрогнулась, пошла трещинами и внезапно лопнула от крика, становящегося все громче с каждым словом. Глаза Телеуса налились кровью, жилы на шее вздулись, он кричал так, что его должны были слышать в самых дальних камерах тюрьмы.

— Кто вы такой, чтобы командовать? — прогремел он. — Кто вы такой, чтобы отдавать приказы здесь?

Никто не успел разобрать, что еще успел он выкрикнуть, потому что царь закричал в ответ, не менее страстно и неразборчиво; их слова, отраженные от каменных стен, слились в бессмысленный вопль, заставивший Костиса зажать уши. Царь словно загорался гневом Телеуса. Несмотря на то, что Телеус был почти на голову выше царя, подавить его своим физическим превосходством капитану не удалось. Как бездомная кошка, случайно столкнувшаяся с собакой на скотном дворе, царь стоял, не двигаясь с места, и пронзительно вопил в ответ до тех пор, пока Телеус случайно не бросил взгляд на Секретаря архива. Релиус отвернулся и скорчился в углу в безнадежной попытке закрыть уши скованными руками. Внезапно Телеус замолчал, словно признав бесспорную правоту последних слов царя:

— Я могу делать все, что захочу!

Тюремщик выбрал неподходящий момент, чтобы появиться в дверях камеры. Его глаза встретились со взглядом царя, глаза Евгенидиса сузились, а тюремщика, наоборот, выпучились. Гневный румянец ушел со щек царя. Он выронил записку царицы, и его лицо стало белым, как бумага, на которой она была написана. Он потянулся к стулу, и его крюк неловко скользнул по спинке. Он покачнулся и повернулся, чтобы поймать опору здоровой рукой. Филологос стоял ближе всех и поднял было руки, чтобы помочь, но отступил. Все ждали. Царь сел на стул, посмотрел на что-то невидимое в пространстве перед собой, и постепенно его лицо снова приобрело здоровый цвет. Он дважды пытался говорить, но останавливался. Он сделал несколько поверхностных вдохов, потом вдохнул глубже и наконец заговорил, не поворачивая головы.

— Меня не волнует, чьи приказы тебе нравится выполнять, капитан, но ты проследишь,

чтобы Релиуса перенесли в дворцовый лазарет, и его осмотрел врач получше тюремного мясника. Позови Петруса. Я забираю твой отряд. Справляйся сам. Отправь Костиса и постель, прежде, чем он свалится с ног.

Он подождал, словно желая посмотреть, посмеет ли Телеус возразить еще раз.

В ответ раздался голос с каменной скамьи, слабый, прерывающийся, но вызывающий. Это заговорил Релиус:

— Вы не сможете купить мою преданность.

Даже гвардейцы втянули головы в плечи. Смех царя, прозвучавший в сырой камере, был для всех полной неожиданностью. Он обошел вокруг стула и, опираясь на спинку левой рукой, наклонился к секретарю.

— Ты сказал, что никто не может быть храбрым здесь.

Он помахал крюком перед лицом Секретаря. Релиус плотно зажмурился, и царь с сожалением убрал руку. Он медленно присел, упершись коленями в грязный пол, а локтем в скамью. Он поднял здоровую руку, протянул ее к лицу Релиуса и, отведя прилипшие к его лбу мокрые пряди волос, сказал спокойно, чтобы измученный болью человек мог понять все его слова:

— Ты прощен, Релиус, потому что я так решил. А не потому, что мне нужна твоя преданность. — он подождал, давая время осмыслить его слова. — Ты можешь уехать на ферму в долине Геде, пасти коз и быть преданным кому угодно. Мне все равно. Ты прощен. Понимаешь?

Голова Релиуса безвольно дернулась. Евгенидис еще раз провел рукой по лбу Секретаря. Его голос все еще звучал мягко, и он улыбнулся, когда сказал:

— Не позволяй Петрусу накладывать слишком много швов. Это чертовски больно.

Царь поднимался на ноги медленно, но не издал ни звука. Его придворные дернулись, но не предложили помощи. Царь прошел через камеру к двери, его левая нога двигалась хуже, чем правая, что делало его походку неровной, левая рука была плотно прижата к боку. Проходя мимо Телеуса, он не взглянул на капитана.

— Ее Величество поручила мне доставить вас в постель, — сухо сообщил Телеус.

— Туда я и собираюсь. Можете так и передать Ее Величеству, но только после того, как обеспечите Релиуса удобной кроватью.

Когда царь исчез, начальник тюремной стражи потихоньку вернулся в камеру. Телеус сказал, что собирается забрать Релиуса.

— Куда забираете? — спросил тюремщик.

Из коридора он слышал каждое слово, ему не следовало задавать лишних вопросов.

— Туда, — коротко ответил Телеус. Он подошел к скамье Релиуса. — Ребра сломаны? — спросил он.

— Не думаю. Может быть, одно или два, — прошептал Релиус.

Телеус наклонился, чтобы приподнять голову Секретаря. Его сильные пальцы нежно поддерживали затылок друга, пока он вытаскивал из-под него грязный плащ. Он использовал плащ, чтобы обернуть бессильное тело Релиуса.

— Сними эти чертовы цепи, — приказал он, и тюремщик поспешил исполнить приказ.

Когда это было сделано, Телеус поднял друга на руки и понес из камеры. Тюремщик шел за ним.

— Вы не сможете нести его на руках до самого лазарета, — напомнил он.

— Тогда он отдаст его мне, — сказал следующий гвардеец, выходя из камеры.

— Или мне, — добавил второй, подходя к дверям и оставляя тюремщика одного в камере перед грудой цепей.

* * *

— Ваше Величество, — возопил Иларион.

— Я солгал, — прервал его царь, не поднимая головы и не останавливаясь во время мучительного подъема вверх по лестнице.

При отсутствии выбора, придворным оставалось только следовать за господином. Они замешкались на верхней площадке, когда отойдя от лестницы, по ошибке двинулись в сторону царских апартаментов.

Последний пролет лестницы вел на крышу дворца недалеко от башни Комемнуса. Все дворцовые башни имели имена, и Комемнус был самой высокой из них. Эта башня, построенная дедом нынешней царицы и богато украшенная мрамором двух цветов, а так же декорированная кирпичным кружевом, в свое время считалась весьма смелым архитектурным экспериментом. Царь на мгновение остановился перед нарядной стеной, как будто любясь ею, а затем неспешно двинулся по фигурной кладке, словно по лестнице и скрылся за парапетом крыши.

Охранники и придворные посмотрели друг на друга. Получив осторожный толчок локтем в бок, Филологос позвал:

— Ваше Величество?

Ответа не последовало. Иларион положил руки на кирпичную кладку и начал осторожно подниматься, лихорадочно соображая, в какую сторону ему направиться за краем стены, над пугающей пустотой. Он так и не узнал этого. Он успел сделать всего несколько осторожных шагов, когда из-за парапета раздался голос царя.

— Я тебя сброшу, — тихо предупредил Евгенидис.

Не желая заканчивать жизнь на острых кольях решетки, Иларион поспешно отступил.

Когда примерно через час царь спустился назад, Релиус, перевязанный служащими лазарета, уже давно спал на больничной койке. Наконец стражники и придворные смогли доставить своего беспокойного государя в царские апартаменты.

Телеус отпустил Костиса на полпути к лазарету. Падая с ног от усталости, лейтенант доплелся до своей комнаты, освободился от пояса и брони и прямо в одежде повалился на кровать.

Глава 12

Летний день близился к концу. Небо было по-прежнему ярким, но солнце почти скрылось за горизонтом. Последние ласточки стремительно проносились между стенами домов, а первые летучие мыши уже кружили между деревьями, когда Дитес оставил за спиной столицу Аттолии и двигался по опустевшим улицам в направлении гавани, где его ждал корабль. Если изначально предполагалось, что он тихо покинет город с мешком за плечами и царским кошельком в кармане, то этот план претерпел существенные изменения. Он должен был забрать свои ноты и музыкальные инструменты, так что пришлось нанять одного из дворцовых мальчиков, чтобы нести их. Когда мальчик увидел груды багажа, он в два раза поднял цену и побежал за тележкой. Друзья Дитеса весь день помогали ему со сборами, ворча, что возня с упаковкой занимает слишком много времени и предлагая бросить на произвол судьбы часть бесполезного барахла, но ценили последние минуты общения с другом. Теперь они все вместе шли за тележкой, решив проводить Дитеса до самых сходов.

Все они были очень веселы. Может быть, Дом Эрондитесов и балансировал на грани краха, но сейчас они видели только повод для радости. Дитес собирался стать капельмейстером при дворе самого Ферриа. У того самого Ферриа, где переводят великие произведения древних авторов и читают их вслух на площадях, где художники за один день могут изменить современные тенденции живописи, где богатые меценаты для поддержания своего статуса и престижа слушают музыку дни напролет и даже до глубокой ночи.

Они поднялись вместе с ним на корабль и помогли разместить его вещи в крошечной каюте. Потом они все вместе стояли на палубе, любуясь небом, кораблями, лодками, заливом. Дитес дернул за рукав одного из молодых людей и отвел его в сторону. Он вручил другу два письма и увесистый кошелек.

— Сможешь доставить их для меня, Кос? Я не мог сделать это сам. Кошелек и письмо для моей матери.

— Да ты просто Крез, Дитес, откуда так много? Неужели это серебро от царя? Дитес признался, что так оно и есть.

— Вернее, часть его, — сказал он. — Я хотел бы оставить его маме. Оно может ей пригодиться.

— Если твой отец решит, что ему понадобилась новая жена? Понимаю. А для кого второе письмо?

— Для Сеана. Если царь позволит, ты передашь его? Я пытался навестить его, но меня не пропустили. Ему ни с кем не разрешают говорить.

Кос согласился. Наконец подошел капитан корабля, чтобы предложить всем, кто не

собирается плыть на Полуостров, покинуть палубу. Судно взяло курс на Тегмис, и темнота сгустилась над ним.

* * *

В пределах городских стен, за высокой стеной дворца, вернее, под ней, находилась вонючая и душная нора, куда струйки свежего воздуха могли просочиться разве что случайно, а лучи света проникали через такие узкие щели, что трудно было отличить лунный свет от солнечного. Дневной свет заменяли масляные фонари, висящие на стене коридора за дверью камеры. Сеанус сидел, прислонясь спиной к шершавой каменной стене. Ему повезло. Он считался привилегированным заключенным. Ему полагался даже соломенный матрац на каменном ложе. У него было окно, всего лишь отверстие не шире его лица, к тому же выходящее не во двор, а в воздушную шахту, но по ней струился поток свежего воздуха. Он не был прикован. Время от времени от подходил к стене и, ухватившись за прутья решетки, подтягивался вверх, чтобы глотнуть воздуха, не отравленного гнилым запахом тюрьмы.

Когда охранник принес ему еду, он спросил, нет ли вестей от его брата, но тюремщик не стал говорить. Он оставил миску и вышел прочь.

Барон Эрондитес на своей вилле среди тихих полей с рассеянным удовольствием в одиночестве поглощал свой ужин. До его слуха не долетало ничего, кроме случайного блеяния и мычания животных в сарае, он ничего не знал о спешащем к нему посланнике на быстром коне. Приближалась ночь, воздух становился прохладнее, темнота сгущалась, поглощая звуки фермы и города. Довольный прошедшим днем, барон Эрондитес отправился к себе в постель.

Дворец затих, Сеанус наконец заснул в камере на соломенном матраце. На узкой койке в маленькой каюте спал Дитес, слегка потрепанный качкой, но полный новых надежд.

* * *

Луна светила сквозь арочные окна дворцового госпиталя. Маленький язычок пламени сиял в лампе около единственной занятой кровати, и темные тени клубились по углам и в углублениях между балками на полке. Релиус проснулся. Он открыл глаза, снова закрыл их и услышал, как стукнула дверь в дальнем конце лазарета. Он смотрел, как царь идет к нему через пустую длинную комнату. Его шаги были бесшумны, как лунный свет, льющийся из окон, а табурет даже не скрипнул, когда царь уселся на него и по привычке завел ступню за одну из трех ножек. Это мог быть сон, Релиус не был уверен, что не спит. Он откашлялся и прошептал:

— Я слышал, что вы имеете привычку разгуливать ночами по дворцу в одиночестве.

— Раньше, да, — признал царь. — Но не сегодня.

С трудом оторвав голову от подушки, Релиус разглядел темные силуэты у противоположной стены.

— Я наказан, — сообщил царь, — после прогулки в саду, когда остался без присмотра. Я обещал держать их при себе.

Релиус ничего не ответил.

— Я буду держать обещание, пока не пойму, что пришло время его нарушить, — продолжал Евгенидис. — На это может уйти немало времени. Она была... — он словно подыскивал слова, не желая сказать «в ярости», и наконец произнес: — недовольна.

Релиус продолжал молчать. Он ждал. Царь знал это.

— Из всего этого могла бы получиться прекрасная месть. — он поднял руку, чтобы обвести пустую комнату. — Провести ночь в теплой комнате на чистых простынях при свете ночника, чтобы поверить, что тюрьма была всего-лишь кошмаром, а потом вернуться обратно в одну их сырых и темных крысиных нор под дворцом.

Его слова прозвучали так, словно царь вытянул мысли Релиуса из его головы. Секретарю пришлось сделать две попытки, прежде чем заговорить.

— Так вот что вы задумали? — прошептал он.

Он повернул голову на подушке в поисках ответа.

— Нет.

Релиус продолжал смотреть, не мигая.

— О, боги, — сказал он и закрыл глаза.

Казалось, он уменьшился под одеялом. Царь согласился с тем, что Релиус не посмел высказать вслух.

— Мне хотелось бы так сказать, будь это правдой или нет. Или не говорить ничего, чтобы ты лежал здесь всю ночь, готовясь к худшему. Даже если тебя не заберут утром, ты будешь ждать, что тюремщики придут сюда после полудня, или вечером, или следующей ночью. Или после того, как проведя здесь достаточно долгое время, ты начнешь думать, что избежал опасности. Но до момента покоя пройдет много часов, дней и недель страданий, не так ли?

Его голос звучал очень тихо.

— Должен ли я снова просить вас о милосердии? — спросил Релиус, глядя в лицо царю.

— Ты должен поверить мне, — решительно сказал Евгенидис. — Но ты не сможешь. Скажи, тыверишь царице? Может быть, мне стоит привести ее сюда, чтобы она сказала, что это не злая шутка?

Релиус скорчился под одеялом, с изумлением и ужасом глядя на царя.

— Нет! — он возразил решительно и без колебаний.

— Почему нет?

— Я не смогу..

— Ты не хочешь попросить ее о прощении?

— Я не выдержу, — громкий голос напомнил Релиусу о его боли и уязвимости.

Он замолчал, прерывисто дыша.

— Я так и подумал, — сказал царь. — Поэтому я оставил ее спать, и принес тебе вот это. Она написала его недавно.

Евгенидис показал бумажный свиток, потом протянул его Релиусу.

— Держи за край, — предложил он.

Он положил свиток на грудь Релиуса. Одна рука Секретаря была обмотана бинтами, но он использовал вторую, чтобы зажать край скрученной бумаги, когда царь потянул свиток вверх. Когда письмо было полностью развернуто, царь некоторое время держал его перед глазами Релиуса, а потом положил на край кровати. Острием крюка он поддернул длинный рукав кафтана. Затем он снова поднял послание, чтобы Релиус мог видеть слова, пока царь зачитывает их вслух.

— Я, Аптолия Ирина, прощаю моему Секретарю архива Релиусу его преступления и неудачи ради многочисленных заслуг перед Отечеством и из любви, которую я сохранила к нему.

Релиус сглотнул. Евгенидис выпустил край бумаги и расправил рукав. Свиток свернулся в тугую трубочку.

— Ради любви, которую она сохранила к тебе, Релиус.

— Это письмо... — произнес Релиус, сдерживая слезы. — Положите его в лампу, пусть оно превратится в пепел.

Евгенидис покачал головой, но Релиус уже закрыл глаза, он ничего не видел.

— Релиус, — скомандовал Евгенидис, и глаза Секретаря архива широко распахнулись.

— Это ее слова. Если я брошу свиток в огонь, бумага сгорит, но ее обещание не так легко превратить в пепел. Она не изменит своего решения.

Релиус покачал головой.

— Вы царь, — сказал он.

Это был последний из возможных аргументов. Царь возразил:

— Если бы она думала, что я своей волей пожелаю отклонить решение о помиловании, она не подписала бы это письмо. Это было бы ложью, а она не стала бы лгать тебе.

— Нет, — неуверенно сказал Релиус, — она не сможет.

Из его груди вырвался вздох облегчения.

— Я сожалею, что не смог прийти раньше, Релиус. Я не собирался оставлять тебя одного так надолго.

Царь сидел рядом с Секретарем, и ни один из них не сказал ни слова, пока Релиус не заснул. Наконец царь встал и некоторое время стоял, сгорбившись, прежде чем расправить плечи с почти неслышным вздохом.

* * *

Утром Костис проспал время тренировки, не спеша и с удовольствием вымылся в бане, и направился в столовую завтракать. Он выбрал место подальше от всех, но пребывал в одиночестве недолго. Вокруг него мгновенно образовалась группа гвардейцев и расселась по обе стороны стола, словно стая грачей. Их поспешность смутила Костиса, но удрать от них, никого не обидев, не было никакой возможности.

Они жаждали новостей, а Костис был наиболее вероятным их источником.

— Мы слышали, что царь арестовал лейтенанта Сеана по сфабрикованному обвинению.

Для них Сеанус все еще был гвардейским лейтенантом.

— Оно не было сфабриковано, — ответил Костис, прежде чем успел сообразить, что именно таким оно и было.

— Он признался, — сказал Костис, но охранники заметили его колебания. Они смотрели на него так недоверчиво, что Костис добавил твердо: — Сеанус пытался убить царя.

— Разве мы не желали ему удачи? — сказал Домисидон, командир третьей сотни.

Костис поморщился. Всего несколько дней назад он совершенно искренне согласился бы с этими словами. А может быть, и нет. В саду он помчался к Евгенидису прежде, чем понял, что тот представляет из себя больше, чем кажется, прежде, чем узнал, что царица

любит его. Что заставило его изменить свое мнение о царе? Может быть, подозрения насчет Сеана, но Костис думал, что скорее всего, это были слезы царя и осознание того, что царь, каким бы неприятным он ни был, как и любой другой человек может плакать от одиночества и тоски по родине.

Экзис сидел напротив, наблюдая за Костисом и приподняв брови. Костис пожал плечами.

— Думаю, нам не стоит забывать, что Сеанус является истинным сыном барона Эрондитеса.

Гвардейцы поняли его. Что бы они ни думали о царе, они хорошо знали, какую опасность представляет для их царицы Дом Эрондитесов.

— По крайней мере, теперь мы знаем, почему царица делала вид, что привязана к царю. Она превратила его в свою марионетку, — спокойно сказал Экзис.

— Никакая он не марионетка, — возмутился Костис, но все вокруг засмеялись.

— Ты говоришь, как его придворный, — сказал Домисидон. — Но разве можно им верить?

— Расскажи нам о драке в саду, — попросил Экзис. — Ее видели только вы с Телеусом, но из капитана ни словечка не вытянешь.

Костис задумался. Он не совсем понимал, почему не желает говорить о нападении на царя.

— Вчера я проспал почти весь день. Лучше расскажите сначала ваши новости.

Он узнал, что царь не отправился прямо в постель, как обещал.

— Что он делал на башне Комемнуса? — удивился Костис.

— Любовался видом, — предположил кто-то.

Костис узнал одного из рядовых, явившихся накануне вместе с Телеусом в тюремную камеру.

— Ты его видел? — быстро спросил Костис. — Куда он пошел?

Охранник с подозрением покосился на него.

— Я не мог видеть. Что это меняет?

— Ничего, — поспешно ответил Костис. — Я рад, что в конце концов вы доставили его обратно в его спальню.

— В спальню Ее Величества. Кажется, он остался там.

В разговор вмешался другой охранник.

— Я слышал, он опять собирался удрать, но служанка царицы подлила ему опиума в вино.

— Не в вино, а в суп. От вина он отказался, но все равно заснул.

Охранники недоброжелательно рассмеялись.

— Значит, он опять солгал, — сказал Костис с принужденным смехом. — Это у него получается лучше всего.

— Ну, для тебя это не сюрприз, не так ли? — предположил человек, сидящий слева.

— Расскажи нам о сражении, — снова попросил кто-то, и все эхом подхватили его слова. — Расскажи о сражении с убийцами.

Подняв голову, Костис увидел, что к столу идет Аристокетон с кружкой вина и полным ртом хлеба. Костис радостно улыбнулся ему.

— Я думал, ты под домашним арестом.

Арис улыбнулся в ответ, как довольный хомяк.

— Царица не восстановила меня в должности, но она все же вернула звание капитана Телеусу и уволила Энкелиса.

— Она уволила Энкелиса?

Но для охраны это была старая новость. Они жаждали услышать о попытке покушения и больше не хотели ждать.

— Аристокетон говорит, что прибежал слишком поздно и не видел ничего, кроме трех жмуриков на земле. Расскажи, что там было на самом деле, Костис.

Костису пришлось неохотно рассказать, как он увидел троих мужчин, выпрыгнувших из кустов, как царь отобрал длинный нож у одного из них и перерезал им горло второму из нападавших. Затем он метнул нож в спину третьему убийце, когда тот попытался сбежать.

— Значит, у него не было своего оружия?

— Как далеко он кинул нож?

Костис пожал плечами. Это ведь была не тренировка на плацу. Пока он бежал к царю, у него не было времени наблюдать за происходящим.

— Все случилось слишком быстро.

— Понятно, — сказал человек слева от него.

Тон его голоса давал понять: ему ясно видно, что Костис что-то не договаривает, но времени для беседы уже не оставалось. К столу пробился курсант с сообщением. Костису было приказано немедленно явиться в караульное помещение царицы. Он поднялся на ноги.

— Я должен идти, — извинился он, не желая никого обидеть.

— Конечно, иди, — сказал кто-то, потянувшись к его кубку.

Костис колебался. Что бы ни думали мужчины за столом, они явно думали об одном и том же. Костис не мог остаться, чтобы выяснить это. Он расспросит Ариса позже.

Ему пришлось вернуться к себе за мечом и нагрудником. Затем Костис поспешил в караулку перед покоями царицы, где отстегнул меч с пояса и отдал его одному из охранников. Служанка, которая явно ожидала его, провела Костис через лабиринт комнат и коридоров в прихожую перед царской спальней.

Там находились царица с Орноном.

— Он терпит все это только ради вас, Ваше Величество.

— Ваши слова ставят под сомнение его власть, господин посол. — Голос царицы был холоден, как лед.

— Ваше Величество, я хочу сказать, что никогда не видел, чтобы он выполнял приказы, и очень редко, чтобы он следовал чужим советам. Тем не менее, если бы вы смогли вертеть им вокруг пальца и даже загнать под каблук, я был бы вечно вам признателен. Тогда я смогу умереть счастливым человеком.

Царица усмехнулась в ответ на это признание, Орнон улыбнулся в ответ, но снова помрачнел.

— Его здоровье серьезно пошатнулось, Ваше Величество. Его конституция уже не та, что раньше...

— После того, как я отрубила ему руку.

— После того, как вы отрубили ему руку. — ни один из них не собирался изъясняться обиняками. — Рана не серьезна, но если в нее попадет инфекция, он окажется в опасности, а мы не можем позволить себе потерять его. Ваше Величество может использовать другие меры, оставив эту про запас. Конечно, решение остается за вами.

А вот в этом Костис сомневался. Эддис держал меч у горла Аттолии, и Костис слышал,

что подписанный царицей договор наделяет посла полномочиями, превосходящими власть царицы. Царица все еще размышляла, что-то посчитывая в уме. Орнон продолжал:

— Я видел, как он прыгает на каменные плиты двора с высоты четырех этажей, и я слышал, как он однажды признался, что хотел бы проверить, сможет ли он преодолеть большую высоту. Он всегда прыгает, Ваше Величество. У Воров напрочь отсутствует инстинкт самосохранения. Я прошу вас воспользоваться моим советом.

— Вы могли бы вызвать их под свою ответственность.

— Я бы никогда не посмел.

Еще как посмел бы, но Орнон не собирался сдаваться, пока царица не согласится. Он снова улыбнулся:

— Он принял некоторые ограничения, но это не значит, что они не раздражают его. Но если они будут исходить из другого источника, ему легче будет их переносить.

— Почему?

— Главным образом потому, что он сможет жаловаться на них.

Царица кивнула, наконец соглашаясь с ним.

— Итак, мы пришли к согласию.

— Да.

Костис и его провожатая поспешно отступили в сторону, и лейтенант склонил голову, когда царица прошла мимо него. Когда она исчезла, он направился к двери спальни, но остановился, когда Орнон поймал его за рукав.

— Главная цель твоей жизни — проследить, чтобы царь оставался в постели. Задание ясно, лейтенант?

— Да, сэр, — ответил Костис, удивленный странному приказу, но слишком хорошо выдрессированный, чтобы задавать вопросы.

Орнон, улыбаясь уголками рта, ответил на незаданный вопрос:

— Очевидно, что Его Величество не собирается принимать советы своих придворных и, скорее всего, пошлет их к черту. Он так же не примет моих советов, но может оказаться более внимателен к твоим. Если он рассердится на тебя и прикажет казнить, ну, тогда мы не очень много потеряем. С политической точки зрения, я имею в виду, — добавил Орнон.

— Конечно, сэр, — вежливо согласился Костис.

— Я предлагаю испробовать все возможные способы, которые сочтешь эффективными, в том числе удар кувшином для умывания по голове. Служанки Ее Величества подлили ему опиума в суп, но это было краткосрочное решение. Он снова отправился бродить по дворцу после полуночи, когда Ее Величество и все слуги заснули. Сделай все возможное, лейтенант, и не слишком беспокойся, если он пригрозит казнить тебя, потому что, если ты потерпишь неудачу, царица обязательно снимет с тебя голову.

Орнон ободряюще похлопал Костиса по плечу и отступил в сторону, давая ему пройти.

* * *

Даже с другого конца комнаты был заметно, что царю стало хуже. Он лежал в постели, повернув голову в сторону. Его лицо было бледным, а обычно смуглая кожа пожелтела. Его глаза, когда он открыл их, показались Костису слишком блестящими.

— Что ты здесь делаешь? — спросил царь, не поднимая головы.

Костис вежливо поклонился.

— Я здесь, чтобы убедить вас оставаться в постели, Ваше Величество. Потому что если это оскорбит вас, и вы прикажете казнить меня, это не будет существенной потерей. С политической точки зрения.

Евгенидис улыбнулся.

— Ты говорил с Орноном.

— Да, Ваше Величество, — ответил Костис все так же официально.

— Полагаю, если я встану, ты будешь наказан?

— Так мне обещали, Ваше Величество.

— Тебе не стоит беспокоиться. Сейчас мне не до танцев. Тебе досталась синекура, до смешного легкая работа. — царь зевнул.

Вскоре он уснул, оставив Костиса в состоянии облегчения и одновременно уныния, потому что сидеть в царской спальне было невыносимо скучно.

Царь почивал большую часть утра. Незадолго до полудня он проснулся с придушенным стоном, но если это и был кошмар, он легко развеялся. Потом Его Величество съел немного супа, подозрительно принюхиваясь и, вероятно, подозревая, что Фрезина добавила в тарелку опиум, и вскоре снова заснул. Проснувшись во второй половине дня, он выглядел лучше, но покой Костиса длился не долго. Царь скучал и был раздражителен, бросая на Костиса мрачные взгляды из своего угла. Костис всей кожей ощущал приближение казни. Он не смел по совету Орнона отдубасить царя по голове и подозревал, что ничто другое не сможет удержать Евгенидиса в постели.

Его спасла Фрезина. Она пришла посидеть с царем и попросила Костиса поставить ближе к кровати низкий мягкий табурет. Она наклонилась и положила руку на лоб царя. Тот ответил раздраженным сопением.

— Если бы я вежливо попросил вас уйти?

— Нет, мой дорогой. Я очень привязалась к этому лейтенанту и не хочу смотреть, как он бьется над непосильной задачей. Я просто побуду здесь минутку, чтобы убедиться, что вы не переутомляетесь.

— И подольете опиум в мою еду? Во второй раз это вам с рук не сойдет.

— Я знаю, — сказала Фрезина. — Очень жаль.

Царь задумчиво посмотрел на нее.

— Знаете, это даже смешно.

Фрезина сложила руки на коленях и смотрела на него ласково и безмятежно. Евгенидис признал свое поражение.

— Тогда расскажите мне историю, — предложил он. — Надо же меня чем-то занять.

— Историю? — удивилась Фрезина. — Почему вы решили, что я умею рассказывать истории?

— Инсайдерская информация, — ответил царь. — Начинайте.

Фрезина попыталась протестовать.

— Историю или я встаю, — пригрозил царь и отбросил покрывало в сторону.

Пришла очередь Фрезины признать свое поражение.

— Хорошо, — она поправила покрывло. — Но я помню только одну.

— Надеюсь, не поучительную.

— Что вы хотите сказать, господин мой? — снова удивилась Фрезина.

— Я хочу сказать, что не хочу появляться в этой драме. И не хочу слушать историю о

своенравном мальчике, который сначала рубит головы своим верным слугам, а потом исправляется и вырастает, чтобы стать образцом нравственности и благонравия.

Фрезина улыбнулась.

— Вы бы так не сделали, мой господин.

— А мог бы. Помнится, я не раз предлагал царице Эддиса заняться казнями.

— Вы бы не совершили подобных вещей, мой господин, — спокойно повторила Фрезина.

— Нет, я бы не стал. Терпеть не могу убивать людей. Но этот секрет вы должны держать при себе, потому что царю все равно приходится убивать людей, нравится ему это или нет. Это еще одна причина, по которой ни один здравомыслящий человек не согласится стать царем.

Фрезина болезненно поморщилась от горькой шутки царя, но спорить не стала:

— Очень жаль.

— Начинайте уже. Но только не поучительную.

— Ни в коем случае, — согласилась Фрезина. — Знаете ли вы историю Климана и Геростенеса?

— Нет.

— Не удивительно. Это история из Каппадокии на севере, где я выросла. Это очень далеко отсюда.

— Я там был.

— В самом деле? Не многие могут этим похвастаться.

— Мне было шесть лет. Мой дед взял меня с собой. Я не запомнил ничего, кроме каменных башен.

— Ну, что ж. В старые времена Климан был царем всех каппадокийцев. Он был великим царем, могущественным правителем, уважаемым всеми вокруг.

— Теперь я знаю, что это не про меня.

— Тише, — сказала Фрезина и начала свой рассказ.

* * *

Климан не сразу стал великим царем. Сначала он был князем своего народа в Базилевсе, небольшой долине среди холмов. По обычаю Каппадокии юноши и девушки, достигнув совершеннолетия, обязательно посещали храм Луны. Они оставляли свои подношения на алтаре и просили богиню о милости или о помощи.

Фрезина улыбнулась и привела пример:

— «О, Богиня, я принес тебе серебряную драхму и прошу, чтобы все мои овцы в этом году принесли ягнят».

Итак, Климан изначально не был царем над другими князьями, потому что его город не был большим и сильным. Наоборот, городу грозило вымирание, потому что его жители умирали от болезней и голода; но однажды ночью пришло время Климану отправиться по освещенному лунным светом Священному пути в храм Богини.

Уже много лет его город воевал соседними городами. Поля за его стенами опустели, выжженные чужеземными войсками, а от оливковых рощ не осталось ничего, кроме сухих пней. Конечно, поля можно было засеять на следующий год, но какой смысл было сажать деревья, если враги вырубят их раньше, чем появится первый урожай? Вот почему там, где нет мира, оливы не растут. В городе находилось множество рабов, захваченных при победах в Каппадокии, но так как граждане Базилевса и сами не раз терпели поражение, то многие из них были рабами у соседей, так что в стенах города осталось мало его настоящих граждан.

Жизнь во всех ближайших городах была примерно одинаковой. Поля давали скудный урожай, а сады не плодоносили вообще. Когда у людей заканчивалась еда, они нападали на соседей, чтобы ограбить их. Жители слабых городов голодали постоянно. Вот почему все города приносили жертвы своим богам и богиням, прося о даровании победы над врагами. Теперь все граждане Базилевса ожидали, что Климан, придя в храм, сделает то же самое и пообещает высыпать на алтарь богини мешок сокровищ из побежденного города. Но он поступил иначе.

Как правило в жертву Луне приносили серебро или чистое белое полотно. Иногда на алтарь богини клали благовония, но все были убеждены, что серебро и белый лен больше всего придутся по сердцу Луне. Климан же принес дерево. Да, он принес саженец оливы и положил его в центре храма, залитом лунными лучами из широкого проема в кровле. Богиня, которой никогда раньше не дарили деревьев, сошла по лунному лучу, чтобы посмотреть на него поближе. Той ночью на небе сияла молодая луна, и она появилась в образе юной девушки, ровесницы Климана. Она озарила серебряным светом весь храм и увидела, какой подарок получила от юного князя.

— Обычно люди приносят мне драгоценные дары, базилевс, — сказала она.

— О, Богиня, — ответил Климан, — я принес тебе самое драгоценное серебро, что есть в моем городе. Серебро оливкового дерева. Как и все просители у твоего алтаря я пришел просить о милости. Пожалуйста, Богиня, помоги мне стать хорошим правителем для своего народа. Позволь мне привести их к миру, и, клянусь, я засажу все холмы вокруг города живым серебром в твою честь. На много миль вокруг города лунный свет будут отражать серебряные листья олив, я обещаю.

Луна оглядела голые холмы и ряды сухих пней.

— Да, это было бы красиво, — согласилась она. Потом сказала: — Хорошо, сажай оливы на холмах, а я принесу твоему городу мир, чтобы они смогли жить. Но ты должен выполнить два условия: освободить первого пленника, которого встретишь на пути из храма, и никогда не лгать при лунном свете. Иначе твои деревья будут вырваны с корнем, а твой город разрушен до основания.

Климан согласился. Он всю ночь молился у алтаря богини, а утром пустился в обратный путь. Солнце еще не поднялось над горизонтом, и дорога под деревьями терялась в сумерках. Вдруг он услышал крик и бросился в кусты, где увидел очень молодого человека.

— Я так и знал, что должен появиться в этой истории, — вставил Евгенидис.

— О, нет, — заверила его Фрезина. — Этот молодой человек был очень послушным.

— Ой.

— Хотя и очень смелым.

— Тогда это точно не про меня, — прошептал Евгенидис в подушку.

— Тише.

Раб боролся с каким-то животным. Климан выхватил меч, прежде чем успел понять, что это одна из его собственных охотничьих собак, почему-то попавшая в ловушку для волка. Она была в страшной ярости и рычала на раба, который пытался освободить ее. Пока Климан наблюдал, веревка на шее собаки разорвалась, и пес бросился на раба. Климан любил собак, и, если честно, жалел их больше, чем рабов. И, конечно, собака была более ценным имуществом, но он вспомнил слова богини. Когда пес вцепился в горло раба, он ударил ее мечом и убил.

Климан освободил раба, которого звали Геростенесом, и сказал ему, что тот может идти домой. Но семья Геростенеса давно погибла, и ему некуда было идти. Он поблагодарил Климана за спасение жизни, а также за подаренную ему свободу, но сказал, что останется служить князю на всю оставшуюся жизнь.

— Тогда чем его новая жизнь отличалась от рабства? — спросил Евгенидис.

— Я думаю, разница заключалась в возможности свободного выбора, — мягко сказала Фрезина.

Царь отвернулся.

— Еще раз перебьете меня, и не услышите конца сказки, — предупредила служанка.

— Да, Фрезина.

Когда она вздохнула, чтобы продолжать, он опередил ее:

— Напомнить тебе, что я царь?

Она с раздражением вздохнула.

— А я упрямая старуха, и мальчику, лежащему в лихорадке, который хочет услышать историю, не следует перебивать меня, царь он или не царь.

— Я не мальчик, — возмущенно возразил Евгенидис.

— Мальчик, — сказала Фрезина. — И вы и ваша жена просто младенцы рядом с такой старухой, как я.

Евгенидис хмыкнул в знак несогласия, но держал рот закрытым, поэтому Фрезина продолжила свой рассказ.

Может быть, Климан и не знал, почему Геростенес решил остаться с ним, но он очень обрадовался этому. Он полюбил Геростенеса, и они быстро из господина и слуги превратились в настоящих друзей. Климан был очень хорошим князем и крепко держал свое обещание, данное богине. Он сразу же начал посадку оливковых рощ и пригласил князей из соседних городов, чтобы обсудить условия мира. Если он и не был правдив в мелочах, то он был правдив в общем и целом, потому что никто не может нарушить клятву богине и быть уверенным, что доживет до следующего дня. Другие князья поняли, что он честен, и на его слово можно положиться.

По мере того, как слава о честности Климана распространялась все шире и

шире, число его союзников росло, а мир между городами укреплялся. Конечно, не все города стали его союзниками, но мир был достаточно прочен, оливковые деревья росли, и приближалось время, когда они принесут первый урожай.

Надо сказать, что Климану легко было выполнять условие богини. Он и по натуре был человеком правдивым, а с годами честность прочно вошла у него в привычку. Наверное, ему не часто приходилось напоминать себе о клятве перед алтарем, и через некоторое время он начал забывать о ней. Я не хочу сказать, что он стал колебаться между ложью и истиной, наоборот, он был одинаково честен и с князем и с нищим. Он так же был добр и щедр. Но годы летели один за другим, и он стал забывать первоначальную причину своей честности. С тех пор, как боги создали мир, смертные часто забывали об источнике их благоденствия. Но боги заключали сделки по особым причинам и всегда помнили о них. И через десять лет, и через двадцать, и всю жизнь. Каждую ночь, когда луна поднималась над землей, она освещала Климана особенно ярко. Она наблюдала за ним, ожидая, когда он нарушит свое слово.

Царь, лежа на кровати, бросил на Фрезину смущенный взгляд, но ничего не сказал.

В тот год, когда оливковые деревья принесли первый урожай, в городе Атос появился новый молодой князь. Старый базилевс Атоса умер и передал трон своему единственному сыну. Прежний князь заключал договоры с соседними городами, но никогда не приводил сына за стол переговоров, так что никто не знал, собирается ли этот молодой человек возродить старые раздоры, как это иногда делают некоторые молодые люди.

Климан решил, что ему следует посмотреть на этого князя и самому решить, опасен ли он для своих соседей. Он решил поехать в Атос и побродить среди его жителей. Если они будут говорить о войне или мести, то Климан поймет, откуда идут эти разговоры. Если же они станут рассуждать об урожае и торговле, то Климан будет знать, что они следуют примеру своего князя, и он хороший человек. Если же он увидит самого князя, то поймет, как молодой человек относится к своим гражданам. Это лучший способ все разузнать, думал он.

Вскоре должен был начаться праздник урожая. Это был отличный случай прогуляться по чужому городу, не привлекая внимания. Вот так Климан, взяв с собой одного Геростенеса, отправился в путь. Он прибыл как раз к началу праздника. На рыночной площади он рассказывал всем, что он крестьянин, и приехал с фермы на самой границе городских земель. Он так же объяснил, что не является гражданином города и не был уверен в хорошем приеме, но горожане были добры к незнакомым людям и приветствовали его на празднике. Он пил вино с новыми друзьями и спрашивал, что они думают о новом князе.

— Посмотри на него сам, — сказали ему. — Он будет судить состязания борцов.

Климан был уже не очень молодым человеком, но и не слишком старым, чтобы бросить спорт, поэтому он тоже решил участвовать в состязаниях. Он выиграл все свои первые схватки. После полудня он снова победил, и теперь от лаврового венка его отделял только один матч. Финальную схватку судил новый

князь, так что Климан мог очень хорошо его рассмотреть. Он казался гордым, но судил справедливо, хотя вполне мог бы засудить чужака и отдать победу своему гражданину. Некоторым людям, возможно, не понравилось, что человек со стороны получил главный денежный приз, но князь совсем не выглядел обиженным, когда вручал его Климану вместе с лавровым венком. Потом князь вернулся в свой шатер, а Климан получил за труды амфору с вином и приглашение присоединиться к князю за ужином.

Наконец Климан сообразил, что он не сможет сидеть с князем на пиру, а потом ожидать, что тот не узнает его при следующих встречах. Князь вполне сможет рассердиться на этот обман. Вот почему Климан принес поспешные извинения, отыскал в толпе Геростенеса, и они оба поторопились выбраться из города. Они быстро шли по дороге и удалились на приличное расстояние, когда встретили на пути старую женщину. Она рассказала им, что недавно промчавшийся по дороге всадник заставил ее бежать к обочине, и она растеряла все монеты, которые выручила на сегодняшней ярмарке за свой товар. Они валялись где-то в грязи, но ее слабые глаза не могли разглядеть монеты при лунном свете. Она умоляла Климана и Геростенеса о помощи. Климан решил, что они достаточно далеко отошли от Атоса, и остановился, чтобы помочь старухе найти ее деньги.

Они все еще шарили в пыли, когда услышали топот копыт. Все трое отошли к обочине и ждали, когда всадники проедут мимо, но те остановили лошадей. Всадник, возглавлявший отряд, заговорил:

— Наш князь желает знать, почему один человек отклонил приглашение поужинать вместе с ним. Вот почему мы разыскиваем крестьянина, выигравшего сегодня в городе амфору вина, и хотим спросить его, почему он ушел так поспешно. Не ты ли тот самый крестьянин?

Он бросил многозначительный взгляд на амфору в руках Геростенеса. Ситуация была на самом деле щекотливой. Климан ломал голову в поисках правдоподобного объяснения. Может быть, его ждет дома сварливая жена? Может быть, он ушел, не предупредив ее, и ему надо вернуться домой, пока она не переполошила всех соседей? Он обязательно должен был придумать убедительную причину не возвращаться к князю. Он даже не заметил, что лунный свет становился все ярче и ярче. Облака над его головой разошлись в стороны, и диск луны с любопытством смотрел на дорогу, но Климан ничего не замечал, потому что напрочь забыл о договоре, который он заключил с богиней.

— Фрезина, — подозрительно вежливо сказал Евгенидис. — Я хотел бы услышать историю со счастливым концом. Эта мне совсем не нравится. Расскажи другую.

Фрезина проигнорировала его. Царь надулся, но продолжал слушать, стиснув зубы.

Геростенес с амфорой в руках смотрел на горизонт, над которым всю сияла полная луна. Он вспомнил обещание Климана, но что он мог сделать? Климан уже собирался заговорить. Его рот открылся, а слова потекли на кончик языка. Вряд ли Геростенес мог крикнуть: «Мой господин, не лгите». Он в ужасе понял, что не знает, что может сказать в такой ситуации.

— Фрезина... — Царь казался не на шутку встревоженным.

Костис никогда не попадал в положение Климана или Геростенеса. Он с сочувствием посмотрел на Фрезину, но она мечтательно глядела перед собой, совершенно не замечая беспокойства Евгенидаса.

— Вот почему, — сказала она, — Геростенес ударил Климана по голове амфорой.

— Ха, — с облегчением выдохнул царь.

Фрезина сделала вид, что не заметила этого, как не заметила тревоги царя. Она продолжала:

— Для всех находящихся на дороге это стало не меньшей неожиданностью, чем для Климана. От группы всадников отделился сам князь Атоса и поинтересовался, зачем спутник Климана разбил целую амфору прекрасного вина о голову своего друга.

Климану и самому было это интересно. Он посмотрел на Геростенеса, но тот смотрел только на луну. Климан проследил за его взглядом и оглянувшись, увидел луну через плечо.

— Я вижу, ты уже догадываешься, — сказал молодой князь. — Пожалуйста, просвети и нас тоже.

Не видя другого выхода, Климан так и сделал.

— Мой друг самым серьезным образом напомнил мне о клятве не лгать при лунном свете, и честно рассказать тебе, что я Климан, базилевс из Каппадокии, который приехал сюда тайно, чтобы увидеть нового князя и судить о его намерениях по его славе среди народа.

— И к какому же мнению ты пришел? — спросил молодой князь.

— Ты человек гордый, но честный, и я не думаю, что ты станешь нарушать договоры, заключенные твоим отцом.

— Что ж, я польщен, — сказал князь.

— Может быть, ты и польщен, но я не льстец. По крайней мере, не при лунном свете. — ответил Климан.

— Тогда я думаю, что ты действительно тот самый человек, которого отец завещал мне ценить превыше всех и доверять, как ближайшему из союзников.

— Тогда я польщен оказанной мне честью, — сказал Климан, — но я не уверен, что достоин твоего доверия.

Он смиренно повернулся к старухе, все еще стоявшей рядом.

— Богиня, — сказал он печально. — Я нарушил свое обещание. Если бы не мой друг, я обязательно солгал бы. Я считаю, что недостойн твоих олив и моего города.

— Ты никому не солгал, — ответил богиня, потому что это действительно была богиня Луны.

— Но я готов был солгать.

— Но твой друг помешал тебе.

— Да, — согласился Климан, все еще считая, что богиня желает оправдать его.

— Если бы ты не обещал держать свое слово, твой друг не оказался бы рядом с тобой в минуту нужды. Я не думаю, что лунный свет изобличил тебя в

неподобающем поведении, — серьезно сказала она, а затем растворилась в серебряном свете, оставив Климана в радости, а всадников на дороге в изумлении.

— Спасибо, Фрезина, — смиренно сказал царь.

— Вместо «спасибо» лучше съешьте супа и поспите немного.

— В него подмешали маковый сок?

Фрезина покачала головой.

— Хорошо. Мы с женой пришли к согласию, что меня травят исключительно по моей собственной вине.

Фрезина пошла за порцией супа.

К тому времени, когда царь немного поел, он признался, что утомлен и снова заснул. Костис был почти счастлив. Ближе к вечеру царица пришла посидеть с мужем и отослала Костиса в караулку. Потом прибыл Телеус со сменой караула и сказал, что Костис может идти отдыхать.

Сумерки сгущались, когда Костис пересек большой двор позади публичных помещений дворца. Костис подавил зевок, удивляясь, каким усталым он чувствует себя после дня ничегонеделания. В глубине двора он поднялся на галерею, которая соединяла парадные залы со сложным лабиринтом зданий, в которых располагались жилые покои придворных. С восточной стороны находился проход, ведущий в обход парадных залов к террасе. С террасы по нескольким крутым лестницам можно было спуститься вниз к казармам и дворам царской гвардии.

Усталый и вспотевший, он перешагнул через несколько расколотых кусков черепицы, вероятно, сорвавшихся с крыши над террасой. Когда за его спиной раздался резкий треск, он проворно прыгнул вперед, чтобы увернуться от новой порции черепицы, летевшей на него сверху. Он осмотрел беспорядок на террасе, с тоской подумал о послеобеденном сне, и пошел в хозяйственное управление сообщить о неполадках секретарю.

* * *

Проснувшись поздно вечером и чувствуя себя ужасно голодным, он направился в столовую. Гвардеец, сидевший сегодня утром по левую руку от него, махнул, приглашая присоединиться. Он так и сделал, сначала налив себе кружку вина.

Сидевший рядом Домисидон поднял голову и объявил:

— К нам пожаловала царская болонка.

Охранник рядом с Костисом рассмеялся, но потом остановился.

— Прости, Костис, это не твоя вина. Ты знаешь, что с тобой будет дальше?

Костис задумался.

— Понятия не имею. Мне до чертиков надоело быть фальшивым лейтенантом. Я думаю, они могут отправить меня в какой-нибудь пограничный форт, может быть, даже в Прокер на севере. Всякое может случиться.

— Но ведь ты спас жизнь царя...

— Не совсем, — признался Костис. — Вообще-то, он справился без меня.

— Конечно. Я забыл.

Он хлопнул Костиса по плечу и добродушно подтолкнул локтем. Но за этим

добродушием крылось нечто иное, сочувствие, может быть. Костису не хотелось спрашивать напрямую, тем более не хотелось становиться объектом всеобщей жалости. Он боялся, что ответ ему не понравится. Костис извинился и пошел искать Аристоклетона.

Глава 13

Среди ночи Релиус опять проснулся, охваченный внезапным ужасом. В лазарете было темно, свет мерцающей у его постели свечи не достигал потолка, в душном воздухе сгустилась тишина. Он сжался от страха под тонким одеялом и должен был изо всех сил зажмурить глаза, чтобы побороть желание соскочить с постели и броситься прочь в поисках спасения. Но за стенами лазарета не было спасения для него. Никакой надежды на спасение. Неведомое чувство, неподвластное разуму, дало понять Релиусу, что он здесь не один.

— Это час собаки, — тихо сказал царь.

Релиус ахнул, распахнул глаза и увидел Евгенидиса, сидящего на табурете в ногах кровати. Пока он смотрел, царь встал, зацепил табурет ногой и подвинул ближе к изголовью.

Казалось, его замечание не имеет никакого значения, но это было не так. Час собаки — самое плохое время для тех, кого преследуют кошмары. Царь должен был знать это по собственному опыту.

Релиус приподнял голову. Царь бросил выразительный взгляд на молчаливую группу теней возле двери. Потом он повернулся, чтобы посмотреть на Релиуса с горькой усмешкой, которая, однако, быстро сменилась выражением удивительного спокойствия. Он неподвижно сидел около кровати, в то время как Релиус напряжением всех душевных сил пытался успокоить свое дыхание и расслабить мышцы тела. Темнота вокруг них становилась все менее и менее пугающей.

— Почему вы меня спасли, Ваше Величество? — слабо проговорил Релиус.

— Ты думаешь, я сделал ошибку?

Релиус открыл рот, потом закрыл его.

— Понимаю. Ты хочешь сказать и да и нет одновременно, — догадался царь.

— У меня возникли проблемы, отделяющие мои личные интересы от интересов государства, — признался Релиус с интонацией, одновременно виноватой и педантичной.

— Ты говоришь прямо как халдей Суниса. У него такая проблема возникла почти сразу после нашего знакомства.

— Вы берете на себя слишком большой риск, — продолжал занудствовать Релиус, — И вы ничего не выигрываете от моего помилования.

— Самый большой риск несет царица. И этот риск заключается в твоей смерти, а не в прощении.

Релиус ломал голову над этим заявлением, но царь решил пояснить свои слова.

— Ты не понимаешь, что я имею в виду. Она так сильна, что все вы верите, будто эта сила не имеет пределов. Вы с Телеусом являетесь одними из немногих людей, к которым она до сих пор способна испытывать чувство любви и уважения, и при этом вы дружно

заявляете, что она должна подвергнуть вас пыткам и казнить. О чем вы вообще думаете?

— Если она будет прощать предателей из одной любви, то когда-нибудь обязательно найдется человек, которого она любит, и который предаст ее, а заодно и всю Аттолию. Царица должна идти на жертвы ради всеобщего блага, — убежденно заявил Релиус.

— А что, если она жертвует своим сердцем? Будет отрезать его по частям, пока ничего не останется? Какая вам польза от бессердечного правителя? И что тогда станет с общим благом?

— Царица не может стать бессердечной.

— Нет, — согласился царь. — Потому что тогда она умрет, Релиус, или лишится разума вслед за сердцем. Неужели ты не видишь, что происходит? Или твоя вера в ее силу так беспредельно слепа? Каждый человек имеет пределы. И все же вы никогда не перестанете требовать от нее невозможного.

Релиус молчал, размышляя.

— А вы? Я думал, что вы сломались в какой-то момент.

Евгенидис поморщился, но не удержался от самоуничижительного фырканья.

— Орнон, Мудрейший-из-мудрейших, говорит, что Воры Эддиса не ломаются. Вместо этого мы вспыхиваем, как порох. Это делает нас особенно опасными.

— Вам не нравится Орнон, — заметил Релиус.

— Я бы так не сказал.

— Потому что вы не хотите признать правду?

Евгенидис поморщился.

— Мы с Орноном завоевали взаимное уважение в долгих и кровопролитных боях друг с другом, — сказал он.

— Каким образом?

— Ну, ему почти удалось предотвратить войну. Я слышал, что он просто виртуозно довел царицу до белого каления, так что она готова была убить меня на месте, когда поймала с поличными в своем дворце. Если бы не ловкое и своевременное вмешательство мидийского посла, я бы благополучно скончался, и не было бы пролито потоков крови с обеих сторон.

— Так вы это слышали? — спросил Релиус.

— Я пропустил вступительную речь Орнона.

Правильно, в этот момент он корчился на мокром полу тюремной камеры. По соседству с камерой Релиуса.

— Значит, вы не таите обиды на Орнона? — Релиус решил перевести разговор на менее рискованную тему.

Царь тонко улыбнулся в ответ.

— Даже бывшие Воры не выдают своих секретов, Релиус.

Немного позже он ушел. Релиус остался лежать наедине со своими мыслями. Каким человеком надо быть, чтобы так спокойно сказать о себе: «благополучно скончался»?

* * *

Проходя через караульное помещение обратно в спальню царицы, Евгенидис спросил:

— А где Костис?

— Он был отпущен после дневной смены.

— Кем? Я не отпускал его.

— Царица отправила его в караульное помещение, Ваше Величество.

— Тогда почему его здесь нет?

— Капитан отпустил его после смены караула.

— Мне он нужен.

— Капитан?

— Нет, идиот. Лейтенант. — он замолчал, когда в дверях напротив появилась царица. — Ты уже проснулась? — спросил он.

— Зато Фрезина спит, как сурок, — заметила Аттолия.

— Да?

— Это ты дал ей опиум?

— Между прочим, она первая начала.

Царица смотрела на него, прищурив глаза; этот взгляд не обещал ничего хорошего. Царь махнул рукой в сторону придворных:

— Я таскал их за собой по всему дворцу, как каторжник гирию.

— Если обычные меры не действуют, мы перейдем к мерам чрезвычайным, даже если придется связать тебя по рукам и ногам.

Царица повернулась и исчезла за дверью.

— О, дорогая, — пробормотал Евгенидис, следуя за ней.

Про Костиса он уже не вспоминал.

* * *

Обещанные царицей чрезвычайные меры прибыли во дворец еще до рассвета.

Костис не был в форме, он даже не успел вымыться, когда на следующее утро узнал, что за ним послали. Накануне вечером он проверил график дежурств, а потом долго искал Аристогета, но не смог его найти. Арис был на дежурстве. У него самого никаких дежурств в ближайшее время не предвиделось, и Костис наслаждался спокойным утром в своей комнате, полируя свой нагрудник и доводя пряжки брони до безупречного блеска. Потом он принялся за меч. От полировочной смазки его пальцы стали совсем черными, когда кожаная занавеска в дверной раме бесшумно отодвинулась в сторону.

Оторвав взгляд от острия меча и готовый обругать незваного гостя, он не обнаружил в дверях мальчика-курсанта. Это был Ион, один из элегантных и тщательно причесанных придворных царя.

Ион в ужасе обвел глазами по-гвардейски суровую обстановку комнаты.

— Одевайся. Вымойся. Тебя ждут в караульном помещении царицы.

— Когда? — спросил Костис, поднимаясь на ноги.

— Сейчас, — ответил придворный. — Ты должен был быть там вчера ночью, хотя царь спросил о тебе только сейчас. Он сказал, что ты был нужен ему вчера, но мы не поняли, что он имел в виду.

— И теперь он злится?

— Теперь злится царица.

Костис быстро плеснул воды из кувшина в керамическую миску и начал тереть лицо.

Царица ждала в прихожей перед спальней. Как и в прошлый раз, она была вместе с Орноном. Они оба ждали. Когда вошел Костис, она встала. Нет, подумал Костис, она не встала. Она выросла, как грозовая туча в летнем небе. Он мог бы попытаться объяснить, что был отпущен самим капитаном и не знал, что ему следует оставаться на посту. Но с тем же успехом он мог бы вернуться в комнату телохранителей, сорвать свой меч со стойки и броситься грудью на его острие. Результат был бы одним и тем же.

— Ты не будешь оставлять свой пост без разрешения царя, — приказала царица. — Ты будешь есть и спать здесь. Ты будешь находиться при царе, пока он не отошлет тебя, и ты всеми средствами постарайся расположить его к себе, чтобы он тебя не прогнал.

— Да, Ваше Величество.

— Орнон, — она метнула взгляд на эддисийского посла, — находит твое присутствие полезным. Есть вопросы?

— Нет, Ваше Величество.

Царица еще секунду смотрела на него. Она словно давала Костису возможность высказаться, но он предпочел молчать. Видя себя ее глазами, он понимал, что является лейтенантом только по званию, и что он оказался здесь и сейчас только благодаря неспособности сдержать свой дурной нрав и нарушенной присяге. Ему нечего было сказать.

Царица вышла из комнаты, Орнон последовал за ней. Все еще дрожа, Костис подошел к двери и огляделся в поисках царя.

На стульях у окна сидели двое мужчин в эддисийских мундирах. Они установили между собой маленький столик и по очереди метали кости на инкрустированную перламутром столешницу. Костис посмотрел на них, подозревая, что царь повторит приказ царицы и отправит его в прихожую. Царь сидел в постели в окружении беспорядочно разбросанных бумаг. Рядом с ним лежала раскрытая почтовая сумка, неуместно грубая на вышитом золотой нитью покрывале.

— У меня уже есть общество, — произнес царь. — Ты можешь пройти в караулку.

Костис осторожно прочистил горло.

— Царица велела мне находиться здесь.

— Вот почему ты боишься уйти. Я бы тоже испугался. Хорошо, оставайся и познакомься с Авлом и Боагусом, моими дорогими родственниками, которые вместе со мной коротают время до моего полного выздоровления.

Костис не мог не подумать о двоюродных братьях, которые топили будущего царя в грязной луже.

— Не доверяй Авлу, — колко предупредил царь. — Он как мартовский бык, только и ждет твоей оплошности, чтобы поднять на рога.

Авл молча бросил на царя быстрый взгляд, потом поднялся со стула. Только тогда Костис понял, насколько он огромен. Сидя, Авл не казался таким большим, но встав со стула, заполнил собой всю комнату. Он навис над царем и начал собирать разбросанные по кровати доклады и письма.

Царь прижал своим крючком один из документов.

— Я читаю! — возмутился он.

Авл не обратил на него никакого внимания. Он просто тянул на себя бумагу, пока она не порвалась пополам. Он аккуратно сложил оба лоскута на собранную им стопку и переправил все в кожаную сумку. Затем он посмотрел на царя и предостерегающе поднял палец толщиной с рукоятку топора.

— Я тебя предупреждал. Еще одно ядовитое замечание — и пойдешь спать.

Его бас был таким густым, что, казалось, его можно резать ножом, а слова он произносил, словно вбивая их в голову по слогам.

— Вы не можете держать меня в постели!

— Еще как могу, — спокойно возразил Авл. — Это так просто, что даже неинтересно. Я лягу поверх покрывала с этой стороны, а Боагус ляжет с другой. Можешь лежать между нами и пищать, как котенок в мешке, и прежде чем ты успеешь придумать подходящую месть, мы с Боагусом будем далеко на какой-нибудь уютной северной границе, подальше от капризного царя Аттолии. — он многозначительно кивнул. — Орнон обещал.

Царь на миг остолбенел, но потом попытался вразумить своего тюремщика:

— У меня срочное дело. Это ВАЖНО!

— Ген, — перебил его Авл. — Ты читал с самого рассвета. Ты совсем выбился из сил и должен отдохнуть.

Евгенидис взглянул на Костиса. Костис набылчился, готовый до последней капли крови защищать своего царя от этого ужасного эддисийского няня.

Авл устало вздохнул:

— Ген. Давай уже спи.

Царь неохотно заполз под одеяло. С благоговейным восторгом Костис наблюдал, как нежно огромный эддисиец расправил одеяло и подоткнул его под ноги Евгенидису.

Авл вернулся к окну, но игру в кости продолжать не стал. Он начал тихо насвистывать незнакомую Костису мелодию, перемежающуюся длинными успокаивающими трелями. Между вторым и третьим куплетами царь заснул.

Боагус встал, чтобы проверить его, и некоторое время стоял, недоверчиво склонившись над кроватью и внимательно наблюдая за царем. Наконец он кивнул Авлу и отступил к своему стулу. Они с Авлом устроились поудобнее и закинули огромные сапоги на крошечный столик, молчаливо договорившись, как им лучше пристроить на нем четыре ноги одновременно. Затем они прикрыли глаза, как настоящие солдаты, которые никогда не упустят возможности отдохнуть и, кажется, заснули.

Костис пошевелился, просто перенес вес с одной ноги на другую, и оба эддисийца дружно открыли глаза и уставились на него. Больше Костис не двигался. Царь почивал, пока трубы за окном не прогудели полдень. Когда он поел, Авл вернул ему сумку с письмами.

Во второй половине дня, утомленный молчанием, Авл сказал:

— Говорят, ты вчера испугался собственного тюремщика, аж позеленел весь.

Ген не стал отвлекаться от чтения.

— Это опять Орнон наболтал? — сказал он.

— Да, — ответил Авл улыбаясь.

— Нет, — сказал царь, глядя на него. — Я не испугался тюремщика.

Он опустил глаза, притворяясь, что вернулся к чтению, но вместо этого начал тереть золотую вышивку на покрывале. Боагус приоткрыл рот, но по сигналу Авла снова закрыл его. Они ждали. Казалось, Авл готов ждать вечно.

— Я чуть было не приказал повесить их всех, четвертовать и сварить в кипятке.

Костис вспомнил болезненную бледность царя и внезапную долгую тишину в камере.

— И твоего капитана тоже? — спросил Авл.

— Ну, конечно. Он был первым на очереди. — царь провел рукой по волосам. — Я сказал ему, что могу сделать все, что захочу, — признался он.

— Ах, — сказал Авл. — До него наконец дошло, что он говорит с царем Аттолии?

— Думаю, да.

Боагус покачал головой.

— Конечно, сейчас ты можешь вытворять все, что угодно. — быстрый взгляд Евгенидиса заставил его вскинуть руки и поспешно добавить. — То есть, ты всегда мог.

Авл усмехнулся.

— Если бы мне давали золотую монету каждый раз, когда ты заявлял, что можешь сделать что угодно, я был бы богатым, — сказал он, — Богатым, как... — он искал подходящее слово.

— Как Орнон до того, как потерял всех своих овец, — закончил за него Боаргус.

Оба солдата рассмеялись, и даже царь улыбнулся. Костис укрепился в подозрении, что ответственность за потерю овец несет Евгенидис.

— Ты все еще блеешь ягненком, когда он входит в комнату? — спросил Боаргус.

Евгенидис покачал головой.

— После коронации Орнон первым делом отвел меня в сторонку и объяснил, что это будет ниже моего достоинства. Цари не блеют, как овцы.

Авл с Боаргусом уставились на него. По лицу Евгенидиса бродило мечтательное выражение.

— Он так и сказал? — спросил Авл.

— Вот именно, — подтвердил царь.

— И что ты ответил? — подозрительно поинтересовался Боаргус.

— Обещал лаять как овчарка.

Эддисийцы снова усмехнулись.

— Но ведь ты этого не сделал? — с надеждой спросил Авл.

Царь посмотрел на него с отвращением.

— За кого ты меня принимаешь? — возмущенно сказал он, и когда Авл с облегчением вздохнул, добавил: — Надо подождать, пока рядом не будет зрителей.

Эддисийцы взревели. Царь тихо посмеивался, прижав руку к боку. Даже Костис улыбнулся. Впрочем, он быстро прогнал улыбку с лица. Кто он такой, чтобы смеяться вместе с царем, но ему тоже стало легче на душе.

Неожиданно в дверях появилась фигура. Рука Костиса метнулась к пустым ножнам на поясе. Авл и Боаргус наклонились вперед в своих креслах, а затем расслабились. Это был Орнон. Заглушенный смех просачивался через их сомкнутые губы, как пламя у неумелого факира.

— Посол Орнон, — приветствовал его Евгенидис несколько сдавленным голосом. — Как я рад, что вы зашли.

— Кажется, вы шутили на мой счет, Ваше Величество, — заметил Орнон, пересекая комнату и садясь в кресло около камина.

— И мечтать не смели, посол.

— Приятно слышать. Я собирался предложить небольшое торжество по случаю вашего выздоровления. Большой прием, может быть? — он внимательно наблюдал за изменением царского лица. — Или военный парад?

— Вы не поступите так со мной.

— Я думаю, это прекрасный случай успокоить местное население, но если Вашему Величеству эта идея не нравится...

— Спасибо. Мне очень многое не нравится. Извините, если обидел вас.

— Вовсе нет. — сухая улыбка скользнула по губам Орнона и исчезла в уголках рта. — Если вы достаточно посмеялись, не могли бы вы отослать ваших охранников. У меня есть новости.

— Дурные новости?

Орнон пожал плечами.

— Хорошие новости для наших надежд о мире и тройственном союзе против Мидии. Плохие новости, — добавил он тише, — для наследника Суниса.

Смех прервался, и царь спросил:

— Нашли его тело?

— Нет. Еще нет. Но мы получили сообщение, что Сунис отвоевал провинцию. Если бы его держали живым в качестве заложника, то уже начали бы торговаться.

— Понимаю.

Орнон повернулся к эддисийцам:

— Вы нас извините?

Царь так же махнул Костису выйти из комнаты.

Костис проследовал за могучим Авлом из спальни в прихожую, а оттуда в комнату для слуг, заставленную станками с гобеленами, пяльцами и арфами, а так же оккупированную негостеприимными придворными Его Величества. Служанок нигде не было видно, им пришлось уступить свое место царским слугам. Теперь придворные щеголи бросали на Костиса и обоих эддисийцев весьма недружелюбные взоры.

— У нас здесь есть караулка, — многозначительно заметил один из слуг, когда Авл опустился в кресло.

— Я уверен, вы хотели сказать: «У нас есть караульное помещение, Ваше Высочество», — заметил Авл, откинувшись назад и подтащив к себе поближе стол, на который он собирался положить ноги. Стол и кресло тревожно поскрипывали. — Я уверен, что это отличное караульное помещение.

Он улыбнулся. Придворные явно поняли намек. Они выглядели так, словно Авл прямо на их глазах оброс шерстью и когтями, но никто не рискнул обвинить его во лжи.

Впрочем, Костис не считал его слова ложью. Конечно, Авл был мало похож на принца, не больше чем Евгенидис на царя. Орнону были нужны люди, которые смогут приглядеть за царем, не опасаясь его гнева. Князь из Дома Эддиса был естественным выбором, если бы таковой нашелся. Конечно, в Аттолии ни один князь не стал бы служить простым солдатом, но от этих эддисийцев всякого можно было ожидать. Костис не знал, есть ли родные братья у царицы Эддиса, но эти два здоровых лося вполне могли оказаться ее близкими родственниками.

Внезапно Костис осознал, что все находящиеся в комнате многозначительно смотрят на него. Ну, конечно, он ведь не был ни бароном, ни наследником барона, ни даже варварским князем. Что же тогда он делал в комнате для слуг? Придворные царя явно считали, что ему следует удалиться. Пытаясь сохранить безразличный вид, он посмотрел в сторону Авла.

— Да, — согласился Авл. — Хороший вопрос. — он повернулся к Боаргусу. — Сходи спроси, что Ген собирается делать со своим маленьким гвардейцем.

Боаргус ушел и вернулся.

— Он сказал, что Костис должен круглосуточно находиться в караульном помещении. А все остальные могут проваливать ко всем чертям.

— Так это ты Костис? — спросил Авл.

Костис кивнул.

— Ну, иди, — предложил Авл.

Ну, Костис и пошел. Когда он приоткрыл дверь, Авл во всю глотку заорал:

— Сам иди к черту, глупый ублюдок!

Безделушки на столе задрезбуждали. Придворные вздрогнули и побледнели. Выходя, Костис заметил, как из противоположной двери выглянула служанка. Она казалась такой же испуганной.

Остаток дня Костис провел в караулке, чувствуя себя там не более желанным гостем, чем в комнате для слуг. Он рассчитывал, что с ним поздороваются, по крайней мере, и кивнул дежурному лейтенанту. Лейтенант посмотрел сквозь него. Озадаченный Костис оглядел комнату, стражников — застывших у дверей и остальных, расслабленно сидящих на скамьях вдоль стен. Ни один не встретился с ним взглядом. Люди, приветливо болтавшие с ним несколько дней назад, теперь смотрели в сторону. Пожав плечами, Костис выбрал себе место на мягкой скамейке поближе к двери. Он был не на дежурстве, хоть и не мог уйти.

Позже в караульное помещение явился Телеус и остановился поговорить с ним. Больше никто не обмолвился с ним и словом за весь день. Телеус спросил только, какие приказы отдавал царь в течение дня, а потом ушел. Наконец, для слуг был подан ужин. Когда они закончили, Костис съел то, что, как он подозревал, было остатками от их импровизированного стола. Впрочем, это были хорошие остатки, во всяком случае, лучше того, что он ел в гвардейской столовой. Фрезина показала ему, где он может спать — маленькую комнату без окон, с узкой койкой и умывальником. Вдоль стены громоздились установленные друг на друга сундуки, и Костис догадался, что для него очистили одну из гардеробных комнат. Ему трудно было поверить, что среди роскошных апартаментов нашелся такой скромный уголок. Ожидая намного большего от царской гардеробной, Костис лег спать разочарованным.

Утром, еще полусонный после краткого сна и беспокойной ночи, он побрился, умылся тщательно, как только позволял неудобный умывальник, и предстал перед царем. Он прибыл в разгар ссоры.

— Я больше не поверю ни одному из твоих лживых обещаний, — говорил Авл.

— Мне все равно, веришь ты или нет, — сообщил царь.

— Я дал тебе свободу. А твое обещание было просто подачкой, чтобы водить всех за нос.

— А что мне оставалось, если вы отказывались уйти?

Боаргус невозмутимо чистил ногти ножом.

— У меня здесь полная караулка мускулистых ветеранов, которые почтут за счастье выкинуть отсюда двух невоспитанных эддисийцев. Они даже согласны надавать вам по шее, если будете сопротивляться.

Авл печально покачал головой.

— Я разочарован.

— А я сыт по горло. Убирайтесь.

Авл задумчиво откинулся на спинку кресла. Оно протестующе скрипнуло.

— В полдень. Когда протрубят трубы. Тогда мы уйдем.

— Да? В полдень я волшебным образом исцелюсь, и вам не нужно будет сторожить меня, как вредную козу? Что такого особенного случится в полдень?

Авл скрестил руки на груди и признался:

— Орнон будет должен мне три золотых статера.

Лоб царя прояснился.

— Понимаю. Хорошо. Вы уйдете в полдень.

— И... — продолжил Авл.

— Если вы не уйдете в полдень, не будет никаких «и».

— И, — настаивал Авл, — твой Костис останется с тобой. Если ты нарушишь свое обещание быть паинькой, он сообщит царице, которая вызовет Орнона, и он снова пошлет за нами.

Он посмотрел на Костиса, чтобы убедиться, осознает ли тот свою ответственность. Костис в свою очередь посмотрел на царя. Царь сказал:

— Я надеюсь, что вы с Боаргусом отправитесь в какой-нибудь Мухосранск подальше отсюда.

— Да, и очень скоро, — заверил его Авл.

* * *

Эддисийцы ушли ровно в полдень. Костис остался. Царь иногда улыбался ему, но все остальное время игнорировал. Он читал почту и что-то писал, пристроив на коленях накрыватный столик для завтраков. Он вызывал людей, чтобы поговорить с ними, и тогда отсылал Костиса в прихожую и просил плотнее закрыть дверь. Когда царица пришла навестить царя, он назвал Костиса своей тенью. Аттолия милостиво улыбнулась Костису, заставив его покраснеть до кончиков пальцев на ногах.

После очередного ужина в одиночестве Костис вернулся на свою койку в маленьком закутке. Среди ночи он проснулся от стука в дверь. Его Величество собрался пройтись и, выполняя свое обещание, послал за своим лейтенантом.

* * *

Релиус был поражен. В голосе царя звучали виноватые нотки.

— Я не смог прийти вчера вечером, — сообщил Евгенидис, усаживаясь на табурет.

— Телеус сегодня сказал мне, что у вас посетители из Эддиса.

Этот обмен светскими любезностями посреди ночи в спящем дворце казался Релиусу странным и неловким.

— Тот, что поздоровее, сидел в моей комнате всю ночь. Как твоя рука?

— Хорошо, — машинально ответил Секретарь и вздрогнул.

Его рука все еще болела, и отек не прошел, хотя кости уже были вправлены. По крайней мере, его рука останется при нем. У царя руки не было.

— Релиус, — тихо заговорил царь. — Я должен был прийти сюда прошлой ночью. Я прошу прощения.

— Вы потеряли намного больше меня, Ваше Величество.

Царь положил руку ему на плечо. Свою единственную руку, не мог не подумать Релиус.

— Ты глуп. Она имела право. Так же, как и ты.

— Как вы можете так думать?

«Благополучно скончался...»

— Таков принцип моей профессии. Когда мы терпим неудачу, нам неизбежно придется заплатить штраф.

— Но меня-то вы простили.

— Ты не член моей гильдии. — это прозвучало слишком легкомысленно. Царь вздохнул. — Наверное, я должен сказать, что ты тоже должен платить за свои ошибки. И ты был готов заплатить, Релиус. Вот зачем я пошел в твою камеру: чтобы узнать это. Что же касается фактической выплаты штрафа, ты и понятия не имеешь, сколько раз мои двоюродные братья спасали меня от вполне заслуженных страданий. О чем еще вы с Телеусом говорили?

Релиус согласился сменить тему.

— Он сердится на Костиса.

— Я тоже от него не в восторге. — царь проверил, доносятся ли их голоса до дальней стены комнаты. — Я собирался еще кое что спросить у тебя...

* * *

Утром Костис испытывал осторожный оптимизм. Даже после полуночной экскурсии царь выглядел лучше. Круги под глазами поблекли, и цвет лица казался более здоровым. После полудня, когда Евгенидис, плотно завернутый в одеяло, сидел в кресле у окна, его навестила царица. Костис вытянулся по стойке «смирно», но царь, казалось, не обратил внимание на звук открывающейся двери. Аттолия легко коснулась его плеча, и он обернулся с улыбкой, но потом снова повернулся к окну.

Она спросила:

— Ностальгия?

— Размышляю о положении Софоса.

— Понимаю.

— Есть новости?

Аттолия покачала головой и тихо опустила на стул рядом с ним.

— Орнон сказал, что если бы он был жив, это уже было бы известно.

— Скорее всего, — согласилась Аттолия. — Ты любил его?

Царь пожал плечами.

— Он был славным мальчиком. Эддис могла бы выйти за него замуж.

— Ты знаешь, за кого ей придется идти теперь?

— За Суниса, полагаю.

— Но она терпеть не может Суниса, — сказала царица.

— Она царица Эддиса. Царицам приходится идти на жертвы.

Аттолия ненадолго замолчала.

— Как ты думаешь, она была бы счастлива с Софосом?

— Думаю, да. Они даже успели обменяться несколькими письмами.

— Я никогда не могла понять, почему она не вышла замуж за тебя.

Царь поудобнее устроился в кресле.

— Может быть, ее остановила перспектива сойти с ума, — сказал он.

Царица улыбнулась.

— Тогда что она нашла в Софосе?

Еагенидису понадобилось некоторое время, чтобы подыскать ответ.

— Он добрый мальчик, — наконец сказал он.

— А ты нет? — резко спросила Аттолия.

Наконец царь повернулся к ней и посмотрел, изумленно подняв брови. Он покачал головой.

— Нет, — задумчиво сказала она. — Ты не добр, не так ли? — потом она скосила глаза к носу и произнесла с подозрительно знакомой интонацией: — Но ты всегда был добр ко мне.

Царь рассмеялся. Он протянул руку, и она прижалась к нему.

— Все это было ложью, — сказал он.

Конечно, царь был добрым человеком. Если бы он не был таковым, Костис давно уже был бы мертв. И царица не полюбила бы его так сильно. Костису оставалось только удивляться, какими запутанными выглядят человеческие взаимоотношения по сравнению с историями о богах, рассказанными у очага. Легкое прикосновение к локтю заставило его обернуться. Фрезина смотрела на него из полуоткрытой двери. Он перевел взгляд с Фрезины на царя с царицей, покраснел и вышел в прихожую. Служанка бесшумно закрыла дверь, оставив царя с царицей наедине.

* * *

Костис не видел царя до следующего утра. Как и накануне, он явился к двери в спальню и обнаружил там двух придворных — Иона и Сотиса. Ион открыл дверь и неприятно улыбнулся, когда Костис прошел мимо него. Сотис откашлялся и объявил прибытие Костиса, а царь поднял голову от бумаг, которые он читал. Он был полностью одет и сидел на кровати поверх покрывала.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он.

Этот вопрос показался неожиданным, словно удар в живот, и Костис некоторое время пытался в замешательстве подыскать подходящий ответ.

— Ты мне больше не нужен. Меня признали выздоровевшим, — сказал царь. — Ты можешь вернуться к своим обычным обязанностям.

Потом он бросил многозначительный взгляд на дверь за спиной Костиса, и тот в недоумении удалился. Когда Костис проходил мимо, Ион зарыл дверь в прихожую, а Сотис внимательно изучал вышивку на манжете.

В караулке Костис попытался сообразить, является ли присутствие в покоях царицы одной из его «обычных обязанностей», и решил, что нет. Конечно, ему незачем было отираться в свое свободное время среди телохранителей царицы под враждебными взглядами ветеранов. Он вышел из караульного помещения и прошел весь путь через дворец до своей комнаты, не останавливаясь. Там он сбросил с себя доспехи и пинком отправил нагрудник под кровать, а потом выругался, проклиная свои ушибленные пальцы. Тяжело дыша, он заставил себя вытащить нагрудник обратно и аккуратно повесить его на привычное место вместе с остальной броней. Затем в тунике и штанах он отправился в столовую. Может быть, его товарищи встретят его менее враждебно, чем ветераны.

Все было еще хуже. Их необъяснимая жалость усилилась настолько, что ее уже трудно было не замечать. Разозлившись еще сильнее, Костис отправился на поиски Аристоготона и загнал его в угол между двумя казармами.

Он начал без предисловий:

— Что, черт возьми, происходит? — спросил он, хотя уже знал ответ.

— Что ты имеешь в виду? — невинно спросил Арис.

Слишком невинно, даже для Ариса. И он вздрогнул, когда Костис заговорил.

— Ты сам мне скажешь, или мне придется побить тебя?

— Костис, почему бы нам не поговорить после завтрака?

— Нет, — сказал Костис. — Сейчас.

— Ну, если ты настаиваешь...

— Еще как настаиваю.

— Они считают, что то покушение было фальшивкой. Может быть, убийцы были настоящими, а может быть, и нет. Но все думают, что тех людей прикончили вы с Телеусом, а царь решил прикинуться героем.

— Они думают, что он лжет?

— Он ведь был вором, в конце концов.

— Они думают, что я лгу!?

Костис резко отвернулся, но Арис прыгнул вперед и успел поймать его за руку. Костис стряхнул его и направился в сторону столовой, но Арис слишком хорошо знал своего друга. Он снова схватил Костиса, и на этот раз вырваться не получилось.

— Что ты делаешь? — сказал Костис, извиваясь в объятиях друга.

— Это **ты** что делаешь? — ответил Арис, усилив хватку.

— Я собираюсь сказать всем, что я не лжец и набить морду любому, кто в этом усомнится.

— Это неправильно, — сказал Арис. — Так ты никого не убедишь.

— Тогда как их убедить? — он посмотрел на Ариса, его взгляд был таким острым, что Арис попятился. — А что насчет тебя? Ты ведь был там. Почему ты ничего им не сказал?

— Меня там не было, — возразил Арис. — То есть, не тогда, когда убили заговорщиков.

К тому времени, когда мы с парнями прибежали в сад, все было кончено.

— Но ты веришь мне.

— Конечно, верю, — сказал Аристоготон.

Костис поднял руки к груди Ариса и грубо оттолкнул его от себя. Тот отлетел к стене казармы.

— Нет. Ты не веришь, — с горечью возразил Костис.

— Я не разговаривал с тобой после нападения, — теперь Арис был зол, не меньше Костиса. — Откуда мне знать? Костис, ты у него в долгу. Ты избил его, а он тебя простил. Откуда мне знать, — повторил он, — что он не напомнил тебе о твоём долге, и что ты не покрываешь его ложь из своего глупого понятия о чести?

— Ты должен мне верить! — крикнул Костис, но заставил себя остановиться.

Он больше не мог отличить истину от лжи, правильные поступки от неправильных и разобраться в своих собственных побуждениях. С тех пор, как Вор Эддиса стал царем, он только и делал, что блуждал в запутанном лабиринте своей жизни. Почему он ждет, что Арис будет верить ему?

— Прости. Мне очень жаль. — он отступил.

— Костис, подожди, — Арис опять схватил его за рукав.

Костис стряхнул его руку, и на этот раз Арис не попытался удержать его.

* * *

Утром Костиса вызвали в кабинет капитана. Телеус коротко сообщил ему, что он снова назначен на должность начальника отделения. Он получит десять человек, но не своих прежних ребят и не в той же сотне. Его вещи будут перенесены из лейтенантской квартиры в комнату над столовой в одной из казарм. Так же кратко Костис принял свое назначение, был отпущен и направился к двери.

— Костис, — окликнул его Телеус. — Если ты дашь всем понять, что обижен, это сделает все эти дикие слухи только более правдоподобными.

— Спасибо, капитан, — сказал Костис. — Постараюсь запомнить.

Вечером в столовой Костис не выказывал своего возмущения, хотя встретил множество сочувственных взглядов. Тот факт, что никто из гвардейцев не осмелился назвать его лжецом в лицо, приносил мало утешения. Отделение, собранное для него Телеусом, состояло из солдат старшего возраста, не успевших получить распределение в другие сотни, а так же нескольких стажеров. Старые солдаты успели наслушаться сплетен и в течение нескольких дней смотрели на Костиса круглыми глазами. Возможно, это портило настроение Костису, но он был справедливым человеком, и они не доставляли ему никаких проблем.

После нескольких дней службы Костис обнаружил, что его больше не привлекает общество других охранников, и отправился в винный погребок в одиночестве. Трижды он попадал в драку. Наверное, над ним тяготело проклятие, потому что то, что должно было закончиться несколькими тумаками, оборачивалось настоящим побоищем с разбитой мебелью. Надо же, его противники даже ножиками на него замахивались.

В третий раз его забрал военный патруль и доставил прямо перед ясные очи Телеуса, который посмотрел на него с нескрываемым отвращением и напомнил, что он будет разжалован или вообще уволен из гвардии, если еще хоть раз опозорит свое звание.

Костис попытался принять это предупреждение близко к сердцу, но каким-то образом снова подрался на следующий день. Он даже еще не вошел в таверну, когда к нему привязались двое пьяниц, делая вид, что они ветераны и требуя, чтобы он уважил их, купив им бутылку вина. Костису надоели попрошайки, и он отказал, может быть, слишком резко. Пьяницы обиделись, и Костису пришлось бы туго, если бы не вмешался случайный зритель. Один из пьяниц держал Костиса за руку, пока второй выхватил острый нож и попытался ткнуть им Костиса в грудь. К счастью, рядом оказался человек, метнувший табурет в голову нападавшего с ножом. Когда пьяницы увидели, что лишились численного преимущества, они мгновенно потеряли интерес к драке и исчезли за углом. Костис поблагодарил незнакомца, а тот обвел взглядом собравшуюся толпу и предложил уносить ноги, пока им не пришлось давать объяснения городской страже. Костис нашел это предложение весьма мудрым и скользнул в толпу, чтобы вернуться в казарму живым, невредимым и невинным, как младенец.

Сидя на кровати и расшнуровывая сандалии, Костис наконец признался сам себе, что на самом деле жаждет хорошей драки. Каждый день он говорил себе, что царь больше в нем не

нуждается и потому отпустил, и что эта отставка не является оскорблением. Он достаточно хорошо послужил своему царю и должен быть счастлив, искупив свою вину. Его Величество был слишком непредсказуемым человеком. Евгенидис доказал это еще в дворцовом саду. Костис был не прав. Вот и все. Он напомнил себе, что сейчас его положение лучше, чем у царских слуг, которых теперь высмеивали все, кому не лень, за внезапное уважение и осторожное восхищение Евгенидисом. Никто не верил в его участие в падении Дома Эрондитесов. Если придворные и стали более вежливы в отношении царя, то только потому, что считали его преданной марионеткой царицы. По слухам, которые доходили до Костиса из дворца, царь казался все таким же безобидным, как всегда, а его слуги выглядели смешно и глупо. Костис должен был быть счастлив, что избавлен от участия в этой комедии. Он лег на кровать, всей душой желая поверить в то, что он наговорил сам себе.

Недалеко от него Арис метался по своей маленькой комнате. Он по-прежнему служил во дворце, где Костис уже не появлялся. Им не случалось пересекаться по службе, а после нее Костис неизменно исчезал в городе, где его было невозможно найти. Аристокетону нужно было знать, кто первым пустил слух о фальшивом покушении. Он боялся, что уже знает ответ, и что это был Лаекдомон.

Глава 14

Царица Эддиса сидела за столом, заваленным бумагами. Ее пальцы были испачканы чернилами, и маленькое чернильное пятнышко темнело на щеке. Она подняла глаза от работы и улыбнулась, когда в комнату вошел халдей Суниса.

— Как поживает мой пленник? — спросила она.

Халдей подхватил свою широкую мантию и уселся в кресло у стола.

— Я переношу свое заключение очень хорошо, — сказал он. — Но никак не могу привыкнуть к холодным ночам и хотел бы вернуться в мою приветливую теплую страну.

— Вы знаете, что можете уехать, когда пожелаете, — напомнила Эддис.

— К сожалению моя приветливая теплая страна истребляет сама себя в гражданской войне, и в ней существует довольно много людей, готовых перерезать мне горло. Один из них является моим царем и все еще таит на меня обиду за невольное участие в гнусной интриге вашего неисправимого бывшего Вора. Мое «заключение» продлится до тех пор, пока Сунис не пошлет за мной.

— Вы слышали о наступлении, которое Сунис начал сегодня утром? Думаю, скоро все решится, и он начнет переговоры о вашей выдаче. Я буду скучать, когда вы уедете.

Он ласково улыбнулся ей.

— Я буду скучать по вам не меньше, Елена. Так зачем вы за мной послали?

— Я думала, вам интересно будет прочитать последний доклад Орнона.

— Очень интересно, — согласился халдей. — Он пришел с дипломатической почтой или был отправлен вместе с очередным помощником посла?

— Письмо доставлено обычным порядком. Но он начинает тревожиться.

— Ген по-прежнему валяет дурака?

— Да, но Орнона теперь беспокоит вмешательство Гена в государственные дела. Вы слышали о падении Дома Эрондитесов?

— Конечно, но разве сам Орнон этого не желал?

— Ну, он не одобрял тактики своего помощника, но всячески пытался заставить Евгенидису принять бразды правления. Думаю, что он сделал ставку на силу рациональных аргументов и изводил Гена лекциями о возможностях, которые он сможет получить. И только сейчас его осенило, что в случае успеха Евгенидис действительно станет царем Аттолии.

— И это открытие не доставило ему радости?

— Царем, — подчеркнула Эддис. — Аттолии.

— Понимаю, — сказал халдей с серьезным видом. — И вы получите в соседи очень сильного царя и амбициозную царицу. И, кроме того, надежного союзника, — заметил

он. — Вы ведь не освободили его от клятвы верности?

Эддис покачала головой.

— Евгенидис никогда не приносил мне клятвы верности. Воры Эддиса не приносят клятвы правителям.

Она ответила улыбкой на ошеломленный взгляд халдея.

— Что поделаешь, Воры Эддиса всегда были неудобными подданными. Всегда существует небольшой риск, что при серьезном конфликте Вор может ликвидировать государя на свой страх и риск. Конечно, есть некоторые ограничения. Всегда существует только один Вор. Им запрещается иметь в собственности любое имущество. Их подготовка неизбежно порождает изоляцию, что делает их независимыми, но так же и удерживает от создания альянсов, способных стать угрозой для трона. Эта должность вовсе не такая глупая причуда, как вы думаете.

— Почему вы решили, что я могу так думать? — спросил халдей, глубоко уязвленный возможным сомнением в его логических способностях.

Эддис рассмеялась.

— Потому что никто никогда не говорит о Воре. Разве вы не заметили?

Халдей кивнул. Он уже столкнулся с суеверным нежеланием обсуждать последнего Вора Эддиса, равно, как и всех его предшественников. Это нежелание почти превратилось в табу. Получив доступ к царской библиотеке, он попытался составить полную историю Эддиса и был сильно озадачен, не обнаружив в документах ни одного упоминания о Ворах.

— До меня дошел слух, как Евгенидис поссорился с капитаном вашей гвардии, — сказал он.

— И как же он до вас дошел? — насмешливо спросила Эддис.

— Я напоил одного из ваших телохранителей, — признался халдей. — Но это правда? Вор Эддиса действительно имеет полную свободу делать все, что ему заблагорассудится?

— И нести за это ответственность, — заметила царица.

— Даже без клятвы, — спросил халдей, — можете ли вы верить, что Евгенидис когда-нибудь не предаст вас или ваши интересы?

Эддис отвернулась.

— Если Софос не вернется... — сказала она.

— Мы до сих пор не знаем, что с ним, — прервал ее халдей.

Как и Эддис с Евгенидисом, он отказывался лелеять надежду на чудесное возвращение пропавшего наследника Суниса. Больше чем любой из них он мучился угрызениями совести, сидя в безопасности в Эддисе, хотя присутствие халдея в Сунисе мало что могло изменить в судьбе племянника царя. Царь Суниса запретил халдею продолжать обучение своего наследника. Он боялся влияния халдея и отослал Софоса из столицы в одну из провинциальных школ.

— Но если он пропал, если убит, а не увезен куда-то как заложник, — спросила царица Эддиса, — хотели бы вы видеть меня женой Суниса?

Она повернулась к халдею, а тот в свою очередь отвел глаза. Ответил он очень неохотно:

— Да, Ваше Величество.

Больше ничего говорить не требовалось. Они оба понимали, что если Евгенидис решит стать настоящим правителем Аттолии, ему предстоит принимать болезненные и трудные решения, основываясь на интересах своего народа, а не отдельных лиц, как бы он ни любил

Релиус был переведен из лазарета, но не в его собственную квартиру. В своих апартаментах он снова очутился бы среди своих секретных донесений, шифрованных посланий и шпионских архивов. Конечно, его комнаты были опечатаны. После изъятия его личных вещей, они полностью перейдут в ведение нового Секретаря архива. Эта новость не доставила ему боли. Было только удивление, какой далекой теперь казалась ему вся его прошлая жизнь. Сожаление могла доставить только одна мысль, что он сделал не так много, как хотел бы. Теперь его внимание полностью поглощали отрывочные воспоминания детства или стремительный полет ласточек за окном. Как правило, он лежал в постели безмятежный и спокойный, как новорожденный ребенок. Его дни казались ему плавным течением теплой реки.

Темные мысли сгущались над Релиусом в глухие ночные часы, когда он просыпался и лежал, прислушиваясь к таинственным звукам спящего дворца. В течение очень многих ночей царь был рядом с ним. Любезный, легкомысленный и остроумный, он давал возможность Релиусу отдохнуть от ночных кошмаров и самобичевания. Иногда он не говорил ни слова, утешая одним своим присутствием. Иногда он описывал дневные события, подвергая правила и обычаи аттолийского двора невероятно смешной критике, что, как подозревал Релиус, приносило больше облегчения царю, чем развлечения Релиусу. Иногда они говорили о театре и поэзии. Релиус был поражен широтой интересов царя. Евгенидис знал множество историй. В течение нескольких ночей они спорили и обсуждали интерпретацию некоторых великих событий, пока аргументы Релиуса не были исчерпаны.

Довода царя были приправлены непременными «халдей считает» и «халдей говорит». Пути халдея Суниса и Релиуса не раз пересекались, но никогда по академическим вопросам, и теперь Релиус был совершенно очарован этой внезапно открывшейся ему стороной личности старого противника. Он надеялся, что достаточно исцелившись и уехав из столицы, он мог бы написать халдею и завязать с ним переписку на тему Эвклида или Фалеса или этих новых идей с севера, о том, что якобы не Земля, а Солнце является центром вселенной. Он осторожно пытался представить новую жизнь, которая откроется перед ним после полного выздоровления.

Лампа на прикроватном столике была зажжена. Если царь собирался прийти этой ночью, то он должен был появиться в ближайшее время. Когда дверь после тихого стука приоткрылась, он повернул голову, но приветствие растаяло у него на губах, как мечты о Затерянном мире под натиском отрезвляющей реальности. Царь стоял в дверном проеме не один. Он держал за руку царицу и ввел ее в комнату. Она стояла у кровати Релиуса, ожидая, когда Евгенидис принесет стул, и все это время Релиус лежал в кровати, не шевелясь и не в силах отвести от нее взгляд, так же как она, казалось, не могла оторваться от его глаз.

Евгенидис по очереди посмотрел на их бледные лица.

— Вам все равно придется когда-нибудь поговорить друг с другом.

Он ласково коснулся пальцем подбородка жены и нежно поцеловал ее в щеку. Должно быть, на лице Релиуса отразилась такая тоска, что царь с улыбкой повернулся к нему.

— Ревнуешь, Релиус? — без признаков смущения или насмешки он взъерошил волосы

Секретаря и поцеловал в щеку его тоже.

Конечно, это выглядело смешным, но когда царь ушел, Релиус сморгнул воду из глаз. Поцелуй был по-братски нежным, и царь, наклонившись к нему, не улыбался.

Пламя в лампе потрескивало неестественно громко. Наконец царица тихо сказала:

— Я подвела тебя, Релиус.

— Нет, — возразил Релиус.

Он приподнялся на локтях, не обращая внимания на тупую боль в боку, вызванную этим движением. Ему было жизненно необходимо, чтобы царица не брала на себя его вину.

— Это я подвел вас. Я виноват, — он неловко добавил: — Ваше Величество.

— Разве я больше не твоя царица? — с сожалением спросила она.

Потрясенный, он прошептал:

— Навсегда, — вдохнув в это слово всю свою душу.

— Я должна была знать, — сказала она. — Я должна была больше надеяться на будущее, и не цепляться за прошлое.

— У вас не было выбора, — напомнил ей Релиус.

— Вот почему я подумала, что это очередная необходимость принести жертву, как мы делали с тобой долгие годы. Я была неправа. Я доверяла тебе, Релиус, все эти годы, и я не должна была оставлять тебя.

Она наклонилась и поправила одеяло, разглаживая складки простеганной хлопковой ткани.

— Мы не можем простить себя, — сказал она.

Релиус знал, что он никогда не простил бы себя, он не заслуживал прощения, но помнил, что сказал ему Евгенидис о душевном одиночестве царицы. Он много раз вспоминал те слова во время одиноких ночных часов в лазарете.

— Но, может быть, мы сможем простить друг друга? — предложила царица.

Релиус кивнул, сжав губы. Если он будет знать, что может снять с царицы хоть частицу ее бремени, он примет прощение, хоть и не заслуживает его.

— Что ты теперь думаешь о царе? — спросила Аттолия. — Он все еще порывистый? Неопытный? Наивный? — Она повторила его слова, сказанные когда-то давно.

Ее голос, безмятежно спокойный, до боли знакомый, немного облегчил его волнение и стыд.

— Он молод, — хрипло сказал Релиус.

Теперь настала очередь Аттолии легким поднятием бровей выказать свое удивление.

Релиус покачал головой. Он поспешил уточнить:

— Я имел в виду, что лет через десять или двадцать...

Он не решился облечь свои мысли в слова, словно из суеверного страха спугнуть мечту. Аттолия поняла его.

— Золотой век?

Релиус кивнул.

— Но он не видит в этом своего будущего. Он не хочет быть царем.

— Это он так сказал?

Релиус покачал головой. Он не нуждался в словах.

— Мы говорили о поэзии, — сказал он, все еще нерешительно и робко, — и о новой комедии Аристофана о крестьянах. Он сказал, что вы выбрали для меня небольшую ферму, и предложил написать по этому поводу что-нибудь буколическое. — Релиус остался верен

любви к точным формулировкам. — Он женился на вас не для того, чтобы стать царем. Он стал царем, чтобы жениться на вас.

— Он говорит, что не собирается умалять мою власть и добиваться господства над моей страной. Он намерен оставаться в тени.

— Не позволяйте ему, — сказал Релиус, а затем откинулся на подушку, пытаясь скрыть волнение.

Аттолия заметила его порыв.

— Разве я недостаточно долго была суверенным правителем, Релиус? — спросила она.

На ее лице не было улыбки, но она звучала в голосе царицы, и Релиус, который знал все ее интонации, вздохнул с облегчением.

Царица продолжала:

— Независимо от того, как крепко я держала власть в своих руках, пока у меня не было мужа, мои бароны были вынуждены бороться со мной и друг с другом, боясь, что кто-то другой может захватить эту власть. Мир настанет только тогда, когда они будут уверены, что эта цель находится вне их досягаемости. Ох, Релиус, среди них довольно глупых людей и даже есть несколько поджигателей войны, но мы-то с тобой знаем, что основной причиной, что заставляет их грызться друг с другом, является страх и недоверие. Если царь докажет, что престол под ним незыблем, бароны помирятся и объединятся. Я исчерпала все время отсрочки до прихода мидийцев, — сказала она. — Если Аттолия не объединится к тому моменту, когда они нанесут первый удар, то не останется ни царя с царицей, ни патронаса, ни охлоса. Поэтому не мне одной важно, будет ли Евгенидис истинным царем или марионеткой на троне.

— И он отказывается?

— Он даже не пытается защищать и отстаивать свою позицию. Он просто... отворачивается и делает вид, что не слышит. Он не собирается ни возглавить страну, ни удалиться в изгнание. Посол Эддиса перепробовал все способы воздействия и не добился успеха. Мне кажется, он боится.

— Орнон или царь?

— Оба. И Орнон все больше и больше, как человек ежедневно балансирующий на крае пропасти. Но я думаю, Евгенидис боится тоже.

— Чего?

— Потерпеть неудачу, — сказала Аттолия, как будто этот страх должен был быть очевиден Релиусу. — Украсть у меня мою силу.

— Но вы бы стали только сильнее.

— Я знаю, — успокоила его Аттолия. — И я не говорю, что боюсь. Но он, думаю, да. Боится собственной тяги к власти. Он не привык обладать властью, ведь его жизнь всегда была скрыта в тени. Конечно, я могла бы приказать ему стать царем. Он дал бы мне все, что я попрошу.

— Это укрепило бы вашу власть, а не его, — возразил Релиус.

— Пожалуй, да, — согласилась Аттолия.

Релиус задумчиво наблюдал за сидящей рядом царицей. Она не казалась слишком обеспокоенной.

— Моя царица, я уверен, что в нужную минуту он проявит себя.

— Он упрям, — напомнила Аттолия. — Ужасно упрям.

— Но он хорошо показал себя при падении Дома Эрондитесов, — заметил Релиус.

— Бароны толпой ввалились в мою спальню, чтобы по-новому взглянуть на него.

— И что? — поинтересовался Релиус.

— Он полировал ногти.

Релиус фыркнул.

— Полагаю, бароны пришли к заключению, что весь план принадлежал вам, а царь служил вашим послушным орудием.

— Вот именно, — кивнула царица.

Она посмотрела на свои руки, неподвижно лежащие на коленях, а Релиус попытался вообразить себе сцену, мало отличавшуюся от тех, что ему довелось наблюдать раньше. Он неоднократно убеждался, как виртуозно царь умеет валять дурака.

— Вы должны заставить его открыться, — предупредил Релиус.

Она подняла голову, и он потрясенно замолчал при виде слез, блестевших в ее глазах.

— Я так устала ломать людей и подчинять их своей воле. Я как боевая колесница, вооруженная косами, сокрушаю всех, кто находится рядом со мной, не отличая друзей от врагов.

— Я предал вас, моя царица, — напомнил ей Релиус.

— Ты служил мне. А я отплатила тебе пытками и казнила бы, если бы не его вмешательство. Он любит меня, а я вознаграждаю его за любовь, заставляя делать то, что ему ненавистно. Вечером, после нашего первого танца он редко возвращается на трон; он танцует с другими женщинами или просто гуляет по залу. Придворные считают, что он пытается быть любезным, разделяя их общество. Одна я вижу, что он переходит от одного свободного места к другому, а придворные перемещаются вслед за ним. Он, как собака, пытается убежать от собственного хвоста. Он только однажды позволил себе несколько минут одиночества и чуть не погиб из-за этого. Релиус, ему ненавистно быть царем.

Релиус подумал о своем ночном собеседнике, его широком кругозоре и обаятельном смехе.

Тем не менее, неуверенный в себе, он не мог согласиться с царицей.

— Воры Эддиса всегда избегают большого общества, Ваше Величество. Он всегда ограничивался очень небольшим кругом близких людей и не привык к подобному образу жизни. Но у независимости и конфиденциальности есть обратная сторона. Это изоляция и одиночество. Хочет он того или нет, ему придется открыться. Мир должен узнать, что он истинный царь.

— Независимо от его желания?

— Ни один человек не может служить только себе, если его таланты нужны государству. Никто не может ставить свои личные нужды выше общественных.

— Береги себя, — тихо сказала царица. — Береги себя, мой дорогой друг.

Релиус лежал неподвижно.

— Я очень острая коса, — сказал царица.

Релиус слабо улыбнулся в ответ.

— Я сам предлагаю вам выход из положения. Не найдется ли для меня какого-нибудь маленького домика в долине Геде, например?

— Не в долине Геде, нет. Есть дом в Модрии, двухэтажный, с открытым двором и уютным атриумом. Земля там скудная, но для разведения коз подойдет.

Релиус ждал.

— Или ты можешь остаться со мной. Ты все еще нужен мне. Ты все еще нужен Аттолии.

Тихие слезы навернулись на глаза Релиуса. Он прикрыл веки и некоторое время размышлял о маленьком домике в долине Геде или в Модрии, с маленьким фонтаном, о блеянии коз и пении цикад.

— Я то, что ты из меня сделал, — тихо сказала царица.

Релиус улыбнулся сквозь слезы.

— Вы можете скосить меня хоть сто раз, моя царица, с моего полного согласия. Но я слаб и сокрушен. Я не знаю, чем могу быть вам полезен.

— Ты не сломлен, и я от всей души надеюсь, что не сокрушен. Давай подождем и посмотрим, как лучше тебя использовать, — предложила она.

Когда Релиус согласился, с сожалением отказавшись от тихой жизни на ферме в долине Модрии, Аттолия спросила: после того, как она так ловко привела его к нужному решению, не изменил ли он мнения о том, что царю следует смириться с ненавистной для него ролью?

— Я могу только надеяться, что вы так же ловко справитесь с царем, — ответил Релиус.

Аттолия согласилась признать сложность проблемы.

— Легче перекроить всю Мидийскую империю, — сказала она. — Орнон был прав, говоря, что его невозможно заставить. Не знаю, почему он не оставляет своих попыток.

— Я думаю, что он готовит поле боя для вас, моя царица, и ждет, чтобы вы сделали свой ход.

— Я уже его сделала, — призналась Аттолия. — В мою первую брачную ночь. Ты, без сомнения слышал о нашей первой брачной ночи?

Релиус отвернулся.

— Он сказал... что вы плакали, — смущенно сказал он.

— Значит, ты не знаешь, что он плакал тоже, — сказала царица, улыбаясь своему воспоминанию. — Мы оба оказались плаксами.

— Это об этом он рассказал Дитесу в саду? — спросил Релиус, складывая в голове разрозненные факты.

— Думаю, да. Я не стала спрашивать. Хочешь узнать еще романтических подробностей? Он сказал, что гвардию следует сократить в два раза, а я запустила ему голову чернильницей.

— И после этого он заплакал?

— Он увернулся, — с сожалением сказал Аттолия.

Ободренный возвращением ее чувства юмора, Релиус ответил:

— Не могу представить, чтобы вы вели себя как торговка.

— Вот она, преобразующая сила любви.

— Гвардия... — задумчиво произнес Релиус.

— «Мои назойливые няньки», — сказала Аттолия.

— Вы их сократите?

— Ты же знаешь, что нет. Я не могу, не сейчас, когда Мидия собирает свои войска, а мои бароны все еще не пришли к согласию. Гвардия — верное сердце моей армии.

— И ваши бароны не придут к согласию, пока Евгенидис будет царем лишь по названию.

Аттолия ждала.

— А Евгенидис не желает быть царем и всячески сопротивляется. И что же дальше? — спросил Релиус.

Аттолия беспомощно развела руками.

— Я согласилась сократить гвардию.

Релиус ждал.

— При условии, что он поговорит с Телеусом, и Телеус согласится.

Релиус расхохотался. Даже боль в боку не смогла его остановить.

Царица ответила с мягким смехом:

— Я помню, как ты поставил мне подобное условие. Когда ты сказал, что я могу назначить генерала из охлоса только с одобрения Совета баронов.

— И оказался прав, — вставил Релиус. — После того, как вы доказали, что можете влиять на решения Совета, вы могли назначать кого пожелаете на любые должности.

— Разве я была не права?

— Абсолютно права. Телеус не склонится перед превосходящей силой. Он не склонится по разумной причине или из-за своего чертова упрямства, он не склонится даже для спасения жизни, но он подчинится истинному царю. Если Телеус увидит в Евгенидесе своего царя, он примет его беспрекословно. Это блестящая стратегия, моя царица.

— Как приятно, когда ты так говоришь, — тихо сказала Аттолия, глядя на свои руки, лежащие на коленях. — Я просто воспользовалась твоим советом.

Царица подобрала юбки, собираясь встать со стула. Релиус неуверенно поднял руку, чтобы остановить ее.

— Моя царица, — спросил он, — Когда вы сказали, что доверяли мне все эти годы?..

Улыбка, которая скрывалась в ее голосе, промелькнула по лицу царицы. Релиус уже достаивался чести видеть эту улыбку. Он знал, что разделяет эту привилегию с очень ограниченным кругом людей. Теперь ему очень нравилось, что царь является одним из них.

— Да, Релиус, — улыбаясь сказала царица. — Я доверяла тебе. И нет, потому что это не значит, что я не следила за тобой и твоими шпионами. У меня даже были шпионы, чтобы следить за моими собственными шпионами.

— Хорошо, — сказал Релиус с облегчением.

Царица покачала головой и предупредила его:

— С этим покончено, друг мой. Ты возведен в новый ранг, где тебе будут доверять безоговорочно. Не смотри так испуганно. Я поняла, что в твоей философии есть один недостаток. Мы не выживем, если не будем никому доверять.

Она наклонилась, чтобы поцеловать его в щеку, потом подобрала свои юбки и ушла. Релиус остался в тихой комнате осваиваться с новой философией.

* * *

События государственной жизни шли своим чередом. Царица выказывала все признаки привязанности к царю, и его признали в качестве необходимой дымовой завесы. Придворные с опаской обходили Евгенидеса, хоть он был не более, чем марионеткой, но почему-то казался опасным. Гвардия лелеяла свое чувство обиды за капитана. Великие государства континента вежливо игнорировали слухи о войне с Мидийской Империей, а царь Суниса постепенно возвращал контроль над своей страной. О Софосе, пропавшем наследнике, по-прежнему не было вестей. Сеанус был осужден за участие в заговоре с целью совершения цареубийства и дал показания, что убийцы были подсланы Сунисом. Царица, якобы по указанию царя, приказала избавить его от высшего наказания, и он был отправлен в тюрьму одной из северных провинций. Последний из убийц умер в царской тюрьме, успев

показать, что его услуги были предоставлены царю Суниса по рекомендации Нахусереха, бывшего мидийского посла в Аттолии.

Придворные стояли перед закрытой спальней, прислушиваясь к приглушенным звукам разрушения. То, что они могли расслышать, бесспорно свидетельствовало о жестокой буре, разразившейся по ту сторону тяжелой дубовой двери. Они морщились при каждом новом ударе. Радуюсь мысли, что находится сейчас в караульном помещении, а не в спальне царя, Ион встретился взглядом с Сотисом и закатил глаза.

Царь вернулся в свои апартаменты неделей ранее. Где он спал, можно было только догадываться. Царские слуги знали, что укладывают его в постель в его собственной спальне и что, когда они стучат утром в дверь, он всегда находится на месте, чтобы отпереть замок. Теперь они понимали, что в отношении царя лучше ограничиваться только очевидными фактами.

Сегодня утром в личной беседе с новым Секретарем архива, бароном Гиппием, Евгенидис узнал, что убийцы из Суниса были подсланы Нахусерехом. Затем царь любезно извинился перед царицей и вернулся в свои комнаты якобы для того, чтобы переодеться перед обедом с иностранным послом.

Но переодеваться он не стал. Вместо этого он вежливо попросил придворных покинуть его опочивальню и с доброжелательной улыбкой закрыл дверь, после чего, судя по долетавшим из комнаты звукам, перебил все хрупкие предметы в комнате.

Через некоторое время шум прекратился и они услышали, как поворачивается ключ в замке. Царь повернул ручку и распахнул дверь, после чего вернулся и встал посреди комнаты. Слуги нерешительно просочились в разоренную спальню. По всему ковру были раскиданы обломки разбитых стульев. Занавеси над кроватью свисали оборванными лохмотьями.

— Я сдеру кожу с любого, кто сообщит о происшедшем царице.

Царь говорил тихо. Слуги поежились и страшно занервничали.

— Ваше Величество, — сказал Ион.

Казалось, царь не слышал его. Ион облизал губы и сделал вторую попытку.

— Ваше Величество, — прошептал он.

Царь повернулся и посмотрел на него бесстрастно.

— Я уверен, что... Уверяю вас, никто не скажет ни слова.

Царь провел рукой по лицу.

— Здесь надо прибраться, — сказал он. — Я переоденусь в гардеробной. Клеон и Ион помогут мне. Остальные... — он посмотрел на обломки. — Уберите все, что можно убрать.

— Священные алтари, — прошептал Ламион, когда царь вышел. — Неужели он думает, что хоть кто-то во дворце не слышал его?

Филологос пропустил через пальцы лоскуты бархатного занавеса. Столбик кровати был изломан, словно по нему долбили киркой. Из резной поверхности были вырваны куски древесины. Отверстия оказались на удивление глубокими.

— Никто не узнает подробностей. Только не от нас.

— Вот именно, — согласился Иларион.

Филологос задумчиво сунул в отверстие палец.

Придворные начали собирать обломки стульев. Потом они беспомощно посмотрели на стену, разукрашенную пятнами разноцветных чернил. Бронзовые чернильницы валялись на ковре. Осколки фарфоровых хрустели под ногами. Одна из чернильниц, вырезанная из

малахита, лежала на боку около плитуса. Она оставила глубокую вмятину в оштукатуренной стене. Поверх бумаг царя были рассыпаны многочисленные письменные принадлежности. Ручки и перья, бумаги и пресс-папье, которыми он прижимал края свитков, красноречиво свидетельствовали о силе царского гнева.

Придворные мысленно сопоставили предоставленное их взору доказательство с безмятежными манерами царя, когда он вернулся после встречи с Гиппиусом.

— Нашему маленькому царю не нравится, когда покушаются на его жизнь.

— Он сердится не на то, что кто-то пытался убить его, — резко возразил Филологос.

— Откуда ты знаешь, Фил, дорогой?

Филологос был достаточно любезен, чтобы снизить до объяснений.

— Потому что, Ламион, дорогой, я не так глуп, как ты думаешь, в отличие от тебя самого.

К тому времени, как Ламион сообразил, что ему нанесли оскорбление, Иларион успел положить сдерживающую руку ему на плечо.

— Так расскажи нам, Филологос, что ты понял.

— Он сердится не потому, что Нахусерех попытался убить его, — сообщил Филологос. — Он сердится, потому что не может сам прикончить Нахусереха.

— Потому что он царь, — согласился Иларион.

— Нет, не потому что он царь, — сказал Филологос, испытывая отвращение к скудным умственным способностям своих коллег. — А потому что у него только одна рука.

Он говорил с горечью, словно сожалел о потере собственной руки. Слуги с пониманием оглядели царящий вокруг беспорядок, разорванные шторы и разбитую мебель. Потом с новым уважением уставились на Филологоса.

— Вот почему он не хочет, чтобы царица узнала.

Никто не возразил. Все сосредоточились на уборке, потом посоветовались насчет ремонта стен и кровати и, наконец, в самых дипломатичных выражениях обсудили официальную версию истерики царя, которую они смогут представить на рассмотрение общественности.

* * *

Задыхаясь, Костис бежал вверх по лестнице мимо последней мерцающей на стене лампы к выходу на крышу. Арис ждал его на верхней площадке. За его спиной высились темные силуэты башен внутреннего дворца. Перед ними расстилался спящий город с редкими огнями на темных улицах, далекой гаванью и освещенными приглушенным светом кораблями, отраженными черной глубиной моря. Костис вздрогнул. Ночной воздух был прохладен, и он с удивлением вспомнил, каким потным был посланник Аристогета, постучавший к нему в дверь и разбудивший его в начале часа собаки.

— Что случилось? — спросил он, недовольный, что его вытащили из теплой постели без объяснения причин. — Твой курьер ничего не сказал.

— Тсс, — сказал Арис и указал в сторону наружной стены.

Глаза Костиса еще не привыкли к темноте после освещенного нижнего двора, и он видел только смутный силуэт, темнеющий на фоне звездного неба.

— Нет... — прошептал Костис.

— Царь. Да, это он, — ответил Арис.

— Он же стоит на зубце...

Костис много раз патрулировал эту стену и отлично знал эти зубцы. Она поднимались на два фута над парапетом и были фута в три длиной, суживаясь до острого гребня вверху. Пока он смотрел, царь побалансировал на одном зубце, а потом перепрыгнул на следующий.

Костис открыл было рот, чтобы сказать: «Почему никто не скажет ему спуститься вниз?», но тут же понял, зачем Арис вытащил его из-под одеяла.

— Нет, — твердо сказал он. — Только не я.

— Костис, пожалуйста.

— Где его чертовы слуги? — прошипел Костис.

— Мы здесь, — сказал Ион.

Костис повернулся и увидел несколько человек, стоящих в темноте. Они не слишком были расположены к Костису, когда он состоял при царе. Однажды они уже дали понять, что комната для придворных не предназначена для него, простого солдата, а теперь они хотели, чтобы он, именно он, стащил царя со стены, пока тот не свалился вниз и не переломал себе все кости.

— Идите к черту, — сказал Костис.

Он повернулся к лестнице.

— Костис, пожалуйста, — попросил Арис.

— Это не мое дело, — заявил Костис. — Кроме того, он наверняка проделывал подобные фокусы у себя дома.

— Может, и делал, но не с бурдюком вина в руках, — решительно возразил Ион.

Теперь Костис мог разглядеть, как покачнулся бурдюк, когда царь перескочил на следующий зубец.

— Это не мое дело, — так же решительно настаивал Костис.

— Это мое дело, — сказал Арис, ловя его за руку. — Я на часах. Если он упадет, меня обязательно повесят. Прошу тебя.

Костис молчал.

— А нас повесят рядом с ним, — сказал Иларион. — Я знаю, почему ты не хочешь нам помочь. Конечно, ты ничем нам не обязан, но, клянусь, честное слово, Костис, назови свою цену, и мы заплатим, если тебе удастся снять его с этой проклятой стены.

Костис медленно приблизился, стараясь двигаться очень плавно. Он ни за что не хотел бы испугать царя.

— А, Костис, — сказал Евгенидис, не оборачиваясь, — я должен был догадаться, что они вытащат тебя из постели. Прошу прощения.

Он развернулся и слегка качнулся, отчего сердце в груди Костиса подскочило к самому горлу.

Прогулочным шагом с бурдюком, раскачивающимся на ремешке у него на шее, царь шел по ребру зубца. Костис шел по крыше рядом с ним.

— Ваше Величество, пожалуйста, спуститесь, — поспешно произнес Костис. Царь почти дошел до конца ребра, и гвардеец боялся, что случится, когда он достигнет края.

— Почему, Костис? Я не собираюсь падать.

— Вы пьяны.

— Не так, чтобы очень, — возразил царь. — Лови.

Он бросил бурдюк Костису, который поймал его и в ужасе стиснул, когда царь вдруг

перевернулся на голову и балансировал ногами в воздухе, стоя на одной руке.

— Боже мой, — прошептал Костис.

— Боже мой, — весело подхватил царь. — Какого бога следует призывать в подобном случае? В конце концов, твоим богом, вероятно, будет Мирас, бог света, стрел и всего такого прочего, в то время как моим богом остается бог ловкости, покровитель воров, каковым я формально уже не являюсь. — царь встал на ноги. — Может быть, мне не стоит испытывать мою удачу, — сказал он.

— Пожалуйста, не надо, — слабо сказал Костис. — Ваш бог может обидеться.

— Костис, мой бог не из тех, кому приносят жертвы на каждом перекрестке. Поклоняющихся ему благочестивые люди травили собаками во все времена. У него мало почитателей и совсем не много забот, но почему-то он слишком давно не вспоминал обо мне, и то, что кажется тебе пьяной глупостью, для меня является демонстрацией веры. Отдай мне вино.

Вспомнив о приемах двоюродного брата царя, Костис протянул ему бурдюк. Царь потянулся к нему, но догадался о намерении Костиса и отдернул руку, прежде чем тот успел схватить его и сдернуть в безопасное место. Царь рассмеялся как мальчишка и помахал рукой.

— Костис, — сказал он с насмешливым разочарованием, — ты хотел меня обмануть.

— Я не понимаю, о чем вы говорите, Ваше Величество.

— Я не уверен, что могу тебе доверять.

— Вы можете доверить мне свою жизнь, мой царь.

— Но не мое вино, это очевидно. Отдай.

— Идите и возьмите.

Царь снова засмеялся.

— Авл гордился бы тобой, и Орнон тоже. Ты очень быстро учишься.

Но Костис не обладал силой Авла, и не был его двоюродным братом. Кроме того, Авл имел дело с больным, прикованным к постели Евгенидисом. В общем, ни одним из этих преимуществ Костис не обладал.

Царь хмыкнул в темноте, это был почти ласковый звук, на который Костис не мог не улыбнуться, хотя был ужасно зол то ли на царя, то ли на себя самого.

— Я тут думал кое о чем. Разве тебе не интересно, о чем я думал?

— Только если вы думали спуститься вниз, — сказал Костис, невольно выдав свое раздражение.

— В тебе проснулось чувство юмора, Костис?

— Оно у меня всегда было, Ваше Величество.

— Тем лучше для тебя, — сказал царь.

Он двинулся в обратную сторону. Костис следовал за ним, все еще сжимая бурдюк.

— Ваше Величество, пожалуйста, спуститесь. Мой друг Арис действительно очень хороший человек, и если вы свалитесь со стены, его обязательно повесят, и всех его солдат тоже, а они в большинстве тоже неплохие люди. И хотя я не могу признать, что меня это очень беспокоит, но ваших слуг повесят вместе с ними за компанию, а среди них есть несколько человек, которые искренне беспокоятся за вас. Прошу вас, не могли бы вы спуститься?

Царь смотрел на него, прищурив глаза.

— Не припомню, чтобы слышал от тебя такую длинную речь. Ты говорил очень

убедительно. Я думал о Нахусерехе, — сказал царь, возвращаясь к своему предмету.

Он посмотрел через плечо на Костиса.

— Ты знаешь, что невозможно задушить человека одной рукой? — очень серьезно сказал он. — Это осложняет дело, потому что у меня всего одна рука. Это ограничивает мои возможности. Я смог стать царем с одной рукой, но одни боги знают, был бы я царем вообще, если бы у меня осталось две.

— Ваше Величество...

Царь потер лицо ладонью.

— И еще я думал о тебе, а тут являешься ты, дубина стоеросовая, и пытаешься уговорить меня спуститься со стены.

Он снова повернулся и двинулся по гребню зубца, а потом, прежде чем Костис успел перевести дух, ловко спрыгнул на крышу.

— Ты понимаешь, что находился на волосок от смерти, когда на тебя посыпалась черепица?

Костис недоуменно возразил:

— Это был всего лишь несчастный случай, — и тут же ему в голову пришла новая мысль.

Старые сломанные плитки можно было разбросать по земле в нужном месте заранее. Разбитую черепицу легко откопать в любой мусорной куче вокруг дворца.

Царь стоял напротив Костиса, слегка покачиваясь с носков на пятки.

— Как вы узнали про черепицу? — спросил Костис.

— Я всезнающий и всеведущий. Или, по крайней мере, был таким, пока не начал таскать повсюду за собой четырех бездельников, отряд телохранителей и одного неприкаянного лейтенанта. Если честно, — царь задумался, — Не знаю. Считаю, что догадался, потому что это довольно банальный и пошлый прием убийства. Но ты проявил настоящую политическую смекалку, молодец. Скажи, твое наивное простодушие позволило тебе заметить другие маленькие покушения?

Костис подумал.

— Да, — нерешительно сказал он. — Наверное. — он удивился, как легко пришло прозрение. — Да.

— Да, — согласился царь. — Довольно опасно считаться доверенным лицом царя. Поножовщина в винном погребе, обидчивые пьяницы и случайная стрела. Припоминаешь?

— Об этом вы тоже догадались? — Костис смотрел на царя в полном недоумении.

— Нет.

— Вы всеведущий.

Царь покачал головой.

— Я попросил двух специалистов из ведомства Релиуса присмотреть за тобой. Я ведь не мог держать тебя в караулке до конца жизни. Ведь ты, буратино недоступный, однажды уже чуть не получил кусок черепицы на макушку.

— Что это за люди?

— Ты встретил одного из них во время драки на пороге таверны.

Костис вспомнил незнакомца. Надо признать, табуретками он кидался очень метко.

— Однако, их полномочия были ограничены. Они должны были только наблюдать и действовать только в крайнем случае. Но когда стрела пролетела мимо тебя, это было чистым везением. Ну, ну, — сказал царь. — Я надеялся, что избавившись от тебя, как от

надоевшей игрушки, я смогу защитить тебя, но этого не случилось. Я мог бы спрятать тебя в провинции, но, честно говоря, в Аттолии у меня нет людей, которым я бы мог полностью доверять. Я мог бы обратиться к моей кузине, царице Эддиса, и попросить ее спрятать тебя, но, честно говоря, мне будет стыдно делать это. — он искоса посмотрел на Костиса и сказал: — Я не хотел тебя смущать.

Он потер бок, и Костис знал, что в эту минуту царь думает о Сеане.

— Я видел его на том балконе, когда, как идиот, сидел в саду и спрашивал себя, чем он там занимается.

Евгенидис потряс головой от отвращения к себе и двинулся вдоль стены. Костис последовал за ним.

— Надеюсь, ты слышал, как я однажды спрыгнул со стены вон туда. — царь указал в черную пустоту за стеной и с грустью сказал. — Если бы я попробовал сейчас, то, скорее всего, разбился бы всмятку. Впрочем, это дает мне одну идею. Утром я скажу Телеусу, что освобождаю тебя от дежурств. Тебе это не понравится, — сочувственно сообщил он Костису, — но знаешь, не надо было бить меня... тогда... много жизней назад.

У Костиса тоже возникло чувство, что прошла целая жизнь с того утра, когда Костис ударил царя на учебном дворе. Это был какой-то другой солдат, простодушный дурачок, представления не имевший, какой сложной может быть жизнь.

— Действительно, — сказал царь. — Мне удалось хорошо подумать сегодня. Несмотря на все усилия мои заботливых придворных.

— Это благодаря вину? Оно помогает вам думать?

— Вино? В вине, Костис можно только утопить истину. Это не помогает. Оно никогда не помогает, но я время от времени прибегаю к нему в надежде, что природа вина могла измениться.

— Правда, Ваше Величество?

Царь поднял голову.

— Я ничего не собираюсь рассказывать тебе, Костис. Я пытаюсь похоронить свои воспоминания, понимаешь? Скрыть их от себя, скрыть от богов. Потому что отказ от дара богов может чертовски разозлить их. Если ты захочешь отказаться от дара богов, Костис, ты должен быть очень осторожен.

Он сурово погрозил пальцем.

— Ты не можешь показать им, как тебе противно все время видеть вокруг себя людей, которые считают, что ты должен думать, как царь, вести себя, как царь. Ты не сможешь вытерпеть еще один день, слушая рассуждения, как тебе повезло, в то время как человек, которого ты ненавидишь, смеется над тобой на той стороне Черного пролива, и ты ни черта не можешь с этим поделать, потому что сам загнал себя в ловушку, из которой нет выхода.

Евгенидис повернулся и пошел назад вдоль парапета. Даже не покачнувшись, он снова на негнущихся ногах запрыгнул на гребень зубца.

— Знаешь, я впервые в жизни не могу выбраться из ловушки, — бросил он через плечо.

Его смех звучал очень горько.

— Потому что я не хочу из нее выбираться, Костис. Я прихожу в ужас, что они узнают, как я ненавижу их дар, и отнимут ее. — Царь остановился, только сейчас осознав, что же он осмелился высказать вслух. — Боже мой, — сказал он, — вино совсем не помогает, правда?

Он взмахнул руками и повернулся к Костису, но его тело, повинувшись импульсу, продолжало двигаться. Балансируя, он сделал два шага назад. Затем глаза царя расширились,

и Костис видел, как в темноте сверкнули его белки. Вместо того, чтобы выпрямиться, он отпрянул дальше. Царь замер на самом краю гребня, хотя это казалось невозможным, он словно парил в воздухе.

— Боже мой, — прошептал царь, словно завершая молитву.

И Костис ясно, как голос царя, услышал другой голос. Он произнес:

— Иди спать.

Царь начал падать в сторону Костиса, и Костис отшвырнул бурдюк в сторону, чтобы поймать Евгенидису. Когда ноги царя коснулись крыши, его колени подкосились, и Костис еще крепче обнял его, чувствуя, как слабеют его собственные колени. Он не мог сказать, кто из них пережил большее потрясение. Царь хватал ртом воздух, словно пытаясь толчками загнать его в легкие. Костис вспомнил, врач беспокоился, что швы могут разойтись при большой нагрузке, но это было больше похоже на шипение человека, который порезался или ухватился за ручку горячей сковороды и обжег пальцы. Когда царь наконец выпрямился, Костис не отпустил его, а царь не стал вырываться. Он стоял, опустив голову и положив руку на плечо Костису, сотрясаясь от дрожи, пока не затих. Тогда он тихо засмеялся и покачал головой.

Он оттолкнул Костиса в сторону и пошел к ожидавшим его придворным.

Пытаясь убедить себя, что он ничего не слышал, а если и слышал, то не видел, Костис затем попытался поверить, что кроме него с царем на стене не было совершенно никого, и та туманная дымка, которая на мгновение окутала Евгенидису, являлась просто обманом зрения.

— Я начинаю подозревать поэтов в склонности к мошенничеству, — сказал царь, опираясь на плечо Костиса. его голос почти не дрожал. — Может быть, кто-то из поэтов лгал. А может быть, это кажется только мне. Ты знаешь, что сказали боги Ибикону в ночь перед битвой при Менаре? — спросил царь. — По крайней мере, что они сказали по версии Архилоха?

— Что-то о мужестве, — машинально ответил Костис, занятый своими мыслями.

Ему очень не хотелось сейчас думать о богах. Они должны были жить в храмах, на далеких горных вершинах или плавать в облаках. Все его существо противилось идее, что один из них может вот просто так взять и заговорить у него над ухом.

Евгенидис процитировал:

«Сердце, сердце! Грозным строем встали беды пред тобой.
Ободришь и встретишь их грудью, и ударим на врагов!»

— А это «К Риму»:

«Тебе одному, Старший брат,
Мойры вручили свой дар.
Времени мощный поток,
Не тронет славы твоей».

— А это была Мелинно.

— Я знаю, — сказал Костис. — Мой учитель однажды заставил меня вызубрить всю лирику.

— Нет, они не говорят мне: «Слава будет наградой тебе». Нет, я слышу только: «Хватит ныть» и «Иди спать». — Он фыркнул. — Я и сам должен был сообразить. Никогда не призывай их, Костис, если действительно не хочешь, чтобы они пришли.

Они подошли к кучке придворных, с нетерпением ожидавших их.

— Я считаю, что мне пора в постель, — сухо проинформировал царь своих слуг, словно ожидая их возражений, но они промолчали.

Он начал спускаться вниз по лестнице, все еще держа руку на плече Костиса, пропустив его чуть вперед и опираясь на него для равновесия. Казалось, он внезапно очень устал, и потому, не задумываясь, свернул из просторного главного зала в боковое крыло с лабиринтом узких коридоров. Придворные и охрана держались в нескольких шагах позади.

Они достигли хорошо освещенной лестницы. Царь двинулся вверх. Один из слуг поднял было руку в молчаливом протесте, но тут же уронил ее. Лестница привела их коридору, который показался Костису смутно знакомым, хотя он и не смог признать его, пока они не прошли через маленький кабинет на балкон, выходящий в большой атриум. Они уже были здесь раньше.

— Черт возьми, — сказал царь, глядя вниз.

Придворные переминались с ноги на ногу. Они уже не злорадствовали. Им даже не хотелось вспоминать, что когда-то раньше они могли стоять здесь и хихикать за спиной царя.

— Ну, на этот раз я не вернусь, — возмущенно заявил царь. — Вы можете идти длинным путем, — предложил он охране. — Мой заботливый Бог, я собираюсь прямо в постель.

Он сел на перила и рывком перекинул через них обе ноги на балку под стропилами, прежде чем кто-либо из слуг успел остановить его. Костису, который потянулся за ним слишком поздно, он сказал:

— Боишься?

— Ваше Величество, вы только что...

— Что? — нахально спросил царь.

Ничто не заставило бы Костиса произнести вслух, что царь только что почти свалился с дворцовой стены, и что Костис воочию наблюдал спасение Евгенидиса Богом воров. Царь улыбнулся:

— Проглотил язык?

— Ваше Величество, вы пьяны, — умоляющим голосом пролепетал Костис.

— Ну и что? Разве это мне мешает?

— Слышать богов и совершать невозможное? Конечно, нет. — царь смягчился: — Безопасность всего лишь иллюзия, Костис. Вор может упасть в любой момент, и однажды обязательно придет тот день, когда Бог позволит ему сделать это. Стою ли я на балке в трех этажах над землей или на лестнице в три ступени высотой, я нахожусь в руках моего Бога. Он либо сохранит мне жизнь либо нет, что здесь, что на лестнице.

Слуги предприняли бесплодную попытку подкрасться к перилам, но царь уже был вне досягаемости. Не обращая ни на кого внимания, он легко продвигался по балке, непринужденно опираясь на стропила, где они опускались достаточно низко, и поперечные фермы.

— Он сошел с ума, — пробормотал кто-то. — Это бред сумасшедшего.

Костис не был уверен в этом. Он помнил, что услышал на крыше, даже если не верил своим ушам. Даже если, проснувшись на следующий день, сочтет все случившее сном. На следующий день, подумал он, когда он уже не будет гвардейцем.

— Ваше Величество, — позвал Костис, чуть громче, чем придворные.

Царь, чуть покачиваясь, повернулся к нему. Он положил руку на наклонную балку.

— Да?

— Вы сказали, что задолжали мне что-то лучше, чем смерть от падения черепицы.

— Да?

— Могу ли я попросить вас кое о чем?

Царь сделал попытку подумать.

— Попросить ты можешь, Костис, — наконец согласился он. — Но помни, я царь, а не джинн. Я не исполняю любые желания.

— Приходите утром на тренировку с мечом.

Царь посмотрел на Костиса, прищурившись, словно его зрение внезапно ухудшилось.

— Костис? Ты догадываешься, в каком состоянии утром будет моя голова? Знаешь, что такое похмелье?

— Вы сказали, что поговорите с Телеусом завтра. Вы придете?

— Зачем? — спросил царь с внезапной подозрительностью.

— Ваша рана зажила. Вам нужно упражняться. — так как царь все еще смотрел недоверчиво, он добавил: — Потому что я прошу.

— Ладно, — наконец сказал царь. — Я приду. Ага, — пробормотал он, поворачиваясь.

Костис и придворные с колотящимся в горле сердцем наблюдали, как он проделал свой путь над атриумом. Никто не двигался и не говорил, пока царь не достиг дальней стороны и не перебрался на балкон. Костис резко повернулся к придворным.

— Это моя цена, — сказал он. — Вы приведете его утром на тренировку.

— Ты знаешь, какой он будет утром? — спросил один из них.

— Костис... мы просто не сможем...

— Сможете, — настаивал он. — Я видел, как вы таскали его по дворцу, все вы.

— Это было давно.

— Значит, просто сделайте вид, что ничего не изменилось. Приведите его утром на тренировку.

Они вздрогнули.

— Когда я предлагал назвать свою цену, я думал о серебре, — признался Иларион.

— А я нет.

— Хорошо, — капитулировали они, — но если это твоя цена, то ты тоже спятил.

Они прошли через дверь и спустились вниз по лестнице. Костис стоял на верхней площадке и смотрел как телохранители и придворные спускаются вниз. Потом он вернулся в свою комнату, немного поплутав по пути.

* * *

Утром он встал и оделся с рассветом. Он спустился в пустую столовую и отрезал себе горбушку от горячего каравая. На полигоне он появился одним из первых. Другие солдаты

разогревались и болтали друг с другом. Его никто не замечал. Он бродил по плацу, стараясь не выглядеть встревоженным. Если царь не явится, ему придется тренироваться без партнера. Костис уже заметил, что никто не собирается фехтовать с ним. Выйдя на плац этим утром, он уже знал, что гордость не позволит ему уйти, хотя бы не сделав вид, что он тренировался. Про себя он молился, чтобы царь пришел.

Костис плохо спал, и несколько раз просыпался, когда ему казалось, что он снова слышит тот самый голос. В предрассветном сумраке все эта история казалась частью одного запутанного кошмара. Костис надеялся поскорее забыть о нем.

Наконец царь явился. Он пришел поздно, и его лицо все еще было опухшим ото сна, хотя полигон уже был заполнен разбившимися на пары солдатами. Они фехтовали повсюду, за исключением прямоугольника пустого пространства в центре плаца, где одиноко стоял Костис. Первым делом царь подошел к одному из фонтанов и погрузил в него голову. Потом он откинул с лица мокрые волосы, сверкающие брызги веером разлетелись в воздухе вокруг него. Затем царь направился к пустому квадрату к Костису, оставив придворных ждать у стены.

— Начнем с базовых упражнений? — он смотрел вниз на кнопку своей манжеты.

Петля соскочила, и царь, неуклюже зажав меч под мышкой, попытался застегнуть манжету без чужой помощи.

— Не уверен, — сказал Костис и, когда царь поднял голову, замахнулся для удара сверху.

Костис даже не успел начать атаку, когда царь отскочил назад. Меч просвистел мимо его носа.

— Костис, ты соображаешь, что делаешь?

— Начинаю тренировку, Ваше Величество.

— Обычно люди, прежде чем скрестить клинки, предупреждают о своих намерениях. Говорят «начали», например. А потом уже нападают.

— Мы сможем скрестить клинки, если вы поднимете свой, Ваше Величество.

— Но мне вообще сегодня не хочется фехтовать.

— Не уверен, — повторил Костис и замахнулся снова.

Царь снова отпрыгнул назад. Он все еще не мог накинуть петлю на кнопку.

— Черт возьми, Костис, ты спятил?

— Нет, Ваше Величество.

— Я не собираюсь драться с тобой.

— Тогда я покойник, Ваше Величество.

— Да?

— Ваши придворные решат, что я напал на вас и прикажут меня арестовать, если вы не начнете драться со мной. Кажется, они уже собираются это сделать.

Царь быстро оглянулся. Гвардейцы вокруг них прекратили тренировку и смотрели настороженно.

— Меня повесят, Ваше Величество, — весело сообщил Костис, — если, конечно, не захотят предварительно пытать.

— И ты решил, что мне это не понравится?

— Я уверен, что вам это не понравится.

— Только потому, что я нашел для тебя другую работу.

Костис ухмыльнулся. Царь нахмурился.

— Это вымогательство.

Костис снова поднял меч. Царь не желал его смерти, и не только потому, что имел для него поручение. Царь отослал его от себя, чтобы защитить от неведомой опасности. Царь не позволит повесить Костиса. Станный эпизод вчерашней ночи был почти забыт. Значение имело только то, что царь не предал его. Костис чувствовал себя просто прекрасно.

Мгновение спустя его меч с грохотом упал на землю. Костис перевел взгляд с меча на свои пальцы, потом обратно на меч.

— Все, — злобно заявил царь. — Мы закончили. Я собираюсь вернуться в постель.

Придворные вскочили со своих мест, все остальные смотрели молча.

— Не думаю, что вы уходите, Ваше Величество.

Костис подобрал меч и вновь поднял его. На этот раз они успели обменяться несколькими ударами, прежде чем меч царя скользнул поверх клинка Костиса и коснулся его щеки плоской стороной.

— Ты опускаешь локоть в третьей позиции, — заметил Евгенидис.

Костис покраснел, вспомнив замечание царя на их первой совместной тренировке. Он несколько недель фехтовал с лучшим мастером, какого встречал в своей жизни, и не оценил его совета.

— Теперь довольно? — спросил царь.

— Нет, Ваше Величество.

Евгенидис вздохнул. Он отступил на несколько шагов. Недоверчиво глядя на Костиса, он взял меч в зубы и, застегнул петлю на манжете. Потом он закатал рукав сорочки и выплюнул меч в руку.

— Готов, — сказал он.

Они сошлись.

— А тебе не приходило в голову, друг мой, — непринужденно сказал царь между несколькими ударами, — что единственная причина, по которой я до сих пор жив, это то, что убийцы посчитали меня легкой добычей?

Это Костису в голову не приходило.

— Теперь вас будет защищать ваша гвардия, — сказал он.

— Моя гвардия должна был защитить меня еще тогда. Ты меня не успокоил.

— Защитит, — настаивал Костис.

— Да? — поинтересовался царь. — Думаешь, когда они увидят, что я умею пользоваться мечом, они сразу отправятся ко мне под каблук? Сомневаюсь, Костис.

Да, Костис знал, что это будет не так просто. На руку царицы претендовало немало женихов, отлично управляющихся с мечом. Но гвардейцы не пошли бы с ними даже в таверну. Тем не менее, Костис был уверен, что гвардия подчинится царю, как только узнает его. Просто у него не хватало слов, чтобы объяснить свою уверенность, а времени остановиться и подумать не было.

Царь напал, Костис защищался. Царь довольно чувствительно ударил его в колено. Отскочив назад, Костис увернулся от меча, но царь продолжал наступать и ударил его еще два раза: в то же самое колено и в локоть. Костис начал отступать быстрее. Царь смотрел на него суженными глазами.

— Честно говоря, Костис, если все они дерутся, как ты, я продолжаю беспокоиться.

На этот раз меч Костиса описал в воздухе длинную дугу, прежде чем с треском удариться о землю. Он пошел поднять его.

— Уже поздно останавливаться, друг мой, — сказал царь и атаковал снова.

Костис схватил меч и отступил. Люди вокруг него передвинулись, чтобы освободить место, а затем снова окружили их, позабыв о своих делах.

— Итак, Костис, — сказал царь, пока Костис с опаской наблюдал за ним, — ты позвал меня сюда. Зачем?

— Вы поставили под угрозу мою честь.

— Я скомпрометировал твою честь? Напомни-ка, кто из нас ударил другого в лицо?

— Все они думают, что я солгал по вашему желанию. Что нападавших в саду убили мы с Телеусом, а вы просто присвоили славу себе.

— Ах, это, — пожал плечами царь. — Твоя честь тут не причем, Костис. Это всего лишь общественное восприятие твоей чести. Оно не имеет никакого значения, разве что для дураков, заменяющих свою честь блестящими погремушками. Но ты всегда можешь изменить свою точку зрения на дураков.

Деревянные мечи столкнулись с громким стуком, и Костису опять пришлось отступить. Круг зрителей сломался и вновь сомкнулся вокруг них. Даже после нескольких недель практики было очень неудобно сражаться с леворуким бойцом. Меч царя приходил с непривычной стороны и к тому же слишком быстро, так что Костис, будучи не уверен, что сможет парировать удар, был вынужден отступать. Круг расширился, чтобы дать Костису место для маневра, но солдаты начали подшучивать над ним.

— Давай, Костис, — крикнул кто-то. — Не в ту сторону смотришь.

Легко им говорить, подумал Костис. Его локоть и колено болели, словно прижатые каленым железом.

Кое-кто из наблюдателей вспомнил, что Костис, даже находясь в опале, оставался одним из них. В его адрес раздалось несколько ободряющих криков, и у него на сердце потеплело. Он вздохнул и попытался успокоиться. Когда Евгенидис двинулся на него, Костис остался стоять на месте. Царь атаковал первым, как делал это в течение долгих утомительных часов. Костис отбил удар, заметив, что его рука движется автоматически. Царь снова атаковал из первой позиции. Костис парировал. Теперь Костис вспомнил первую тренировку, когда решил, что ему придется поддаться и позволить царю избить себя деревянным мечом. Но теперь царь в свою очередь решил позволить ему сохранить лицо. Евгенидис продолжал атаковать первым, действуя все сильнее и быстрее, но Костис каждый раз отбивал удар. Его рука работала быстрее головы. Ему не нужно было думать, только реагировать на привычные удары, которые, однако, становились все быстрее и быстрее. Если царь внезапно изменит угол атаки, Костис уже не сможет защититься. Деревянный меч царя сломает ему руку или ребра или пробьет голову, но в тот момент, когда Костис ждал неминуемого удара, царь замедлился и отступил. Гвардейцы смотрели на все происходящее с молчаливым одобрением.

— Готов? — спросил царь.

Костис кивнул. Это было всего лишь представлением, где ему досталась не самая лучшая роль. Просто фарс. Как ни старался Костис, у него не было ни малейшего шанса защитить себя. Царь двигался слишком быстро, он использовал приемы, совершенно неожиданные для Костиса, который готовился к сражениям на поле битвы и представления не имел о дуэлях.

Солдаты вокруг уже начали выкрикивать советы, но они были бесполезны. Царь играючи пробивал защиту Костиса; он проскальзывал под мечом, лоя его бедро или колено,

или сверху, поражая в голову, достаточно сильно, чтобы причинить боль, но не настолько, чтобы закончить поединок. И с каждым ударом царь выкрикивал незнакомым хриплым голосом:

— Не опускай защиту! — вжик. — Слишком широко замахиваешься! — вжик. — Не открывайся! — вжик. — Не... ниже... терция!

Костис стремительно слабел с каждым ударом. Его защита разваливалась. Царь разоружил его, потом еще раз. Костис стоял, пораженный.

— К-как вы это сделали?

— Нет! — закричал царь. — Не стой там, как истукан. Бери меч! — проревел он и помчался на Костиса.

Костис в панике нырнул за мечом и промахнулся. Клинок царя опустился на его незащищенную задницу. Взыв, Костис дотянулся до меча, сумел вывернуться и заблокировать следующий удар, снова потерял меч и пополз прочь. Гвардейцы хохотали во всю глотку. Костис поднялся на ноги и поднял меч, но смеялся вместе с ними, клинок ходил ходуном у него в руке. Когда царь замахнулся, он отступил. Продолжая обороняться больше для вида, он размахивал мечом перед собой, пока не уперся спиной в стену и не понял, что загнан в угол.

Царя стоял перед ним, скрестив руки на груди.

— Мы закончили?

Костис оглядел стоявших за спиной царя людей, улыбнулся и расслабился.

— Да, Ваше Величество, — сказал он.

— Хорошо, — ответил царь. — Теперь я хочу получить мой завтрак. И мою ванну. — и добавил слабым голосом: — Я слишком много выпил вчера, у меня болит голова.

Он сунул деревянный меч под правую руку и, протянув левую, вытянул Костиса из угла. Костис двигался осторожно, побряхтывая. Взволнованный боем, он сообразил, что никогда не сталкивался с некоторыми из приемов.

— Так тебе и надо, — сказал царь. — Ты даже не извинился.

— П-простите великодушно, Ваше Величество, — быстро ответил Костис.

— За что именно? — поинтересовался царь.

— За все сразу, — сказал Костис. — За то, что на свет родился.

Царь усмехнулся.

— Ты готов служить мне и моему Богу?

— Да, Ваше Величество.

— Тогда запомни, — сказал царь, помогая ему идти к скамье, — Ты никогда не разобьешься, если сам Бог того не пожелает.

Глава 15

— Ваше Величество, — раздался угрюмый голос, и царь отвернулся от Костиса. Веселье стихло, телохранители переминались с ноги на ногу.

— Телеус, — сказал царь.

Улыбка сошла с его губ, он выжидательно смотрел на капитана.

— Если вы позволяете своим подданным искупить вину синяками, найдутся еще желающие выплатить свой долг.

— Думаю, нет, Телеус, — возразил царь и попытался обойти его.

Телеус шагнул в сторону и снова преградил дорогу.

— Ты не сможешь так легко выплатить свой долг, Телеус — сказал царь, — и у тебя мало шансов получить желаемое.

— Действительно мало, Ваше Величество, — согласился Телеус. — Всего один.

Он бросил многозначительный взгляд на Костиса, ясно давая понять, что имеет в виду. Царь покачал головой, все еще не желая клевать на приманку.

— Если я побью тебя, Костис, твои гвардейцы решат, что ты тоже поддался мне. Вот и все. В твоём предложении мало смысла.

— А что, если я побью вас, Ваше Величество?

— Не придет тот день, Телеус, когда я позволю тебе меня побить.

— Думаю, вам не стоит отказываться, сир.

— Телеус, я могу снять с тебя голову, — предупредил его царь.

— Конечно, Ваше Величество. — Телеус покорно склонил голову, и царь уже тронулся дальше, когда капитан добавил себе под нос: — Если царица разрешит.

Евгенидис остановился, подняв подбородок.

— Впрочем, я могу сделать это лично, Телеус.

Телеус отступил назад и встал в защитную позицию.

— Отлично, — сказал царь и поднял меч. — Но я не позволю тебе манипулировать мной бесплатно. Мое время дорого стоит. Во сколько мы оценим твое? Не сделать ли нам ставку, Телеус? Если побеждаю я, царица уменьшает численность гвардии в два раза. Если выигрываешь ты, все остается по-старому.

Стоявшие вокруг гвардейцы в ужасе переглянулись. Телеус упрямо выдвинул подбородок.

— Я знаю, что вы уговаривали ее ослабить гвардию, — заявил он. — Я умру, прежде чем позволю сделать это.

— Тебе незачем умирать, Телеус. Просто побей меня.

Чувствуя, что все его труды пошли насмарку, Костис также понял, что ничего не в силах

изменить, так что ему лучше убраться отсюда. Он повернулся и направился к скамье у стены, где мог присесть и заняться своими ссадинами. Неожиданно за его спиной раздался громкий треск деревянных мечей и крик короля. Он обернулся и увидел Евгенидису, словно застывшего в воздухе. Его ноги не касались земли, утренний туман растаял и четкий силуэт царя парил на фоне синего неба, окруженный сияющим ореолом. Все вокруг замерло неподвижно, словно мраморные статуи на фризе храма, и в этот момент меч царя плашмя коснулся незащищенной шеи Телеуса.

Капитан камнем рухнул на землю. Он выронил меч и обеими руками схватился за шею, а потом изо всех сил вжался лицом в землю, чтобы сдержать боль, и перестал дышать. Его ноги в пыли слегка подрагивали. Царь посмотрел на него и бесстрастно приказал мальчику-курсанту:

— Льда.

Мальчик побежал, солдаты расступились, давая ему дорогу. Царь подошел к Телеусу и присел рядом с ним, сначала на корточки, потом просто на землю.

— Ты ведь не знал, что я знаком с этим приемом? — непринужденно спросил он.

— Не знал, Ваше Величество, — выдохнул Телеус.

— Мой дед однажды убил человека таким способом, воспользовавшись преимуществами деревянного меча.

— Я не знал, что Воры Эддиса настолько воинственны.

— В основном, нет. Но, как и всех людей, Телеус, у меня было два деда. — Телеус закатил глаза, чтобы взглянуть на царя, и тот продолжал: — Вторым моим дедом был царем Эддиса.

— Ах, — сказал Телеус.

— В самом деле, ах. — согласился царь. — Вот лед.

Он принял из рук мальчика холщовую сумку с большим куском льда и, положив ее на землю, воспользовался своим крюком, чтобы несколькими сильными ударами разбить лед на мелкие кусочки, а затем положил мешок на шею Телеусу.

— Так лучше? — спросил Евгенидис.

— Не совсем, — сказал Телеус.

— Ну, пусть его подержит Костис. Я вижу, у Аристокетона есть ко мне дело.

Царь поднялся на ноги и пошел прочь. Костис оставался рядом с Телеусом и держал лед у него на шее, пока капитан не собрался с силами, и не встал на ноги. Телеус огляделся. Костис поступил так же. В центре двора царь осторожно кружил вокруг одного из солдат из отделения Ариса.

— Где Арис? — спросил Костис.

Один из охранников обернулся и посмотрел на них с удивлением.

— Он уже вырубил Ариса ударом по голове. Тот еще легко отделался, — добавил он, многозначительно глядя на капитана с холщовым мешком на шее. — Сейчас он обрабатывает Мерона.

— Он не может драться со всеми, — запротестовал Костис.

Арис подошел к нему, и Костис толкнул друга локтем в бок:

— А ты о чем думал?

Арис пожал плечами. Очевидно надеясь, что капитан не обратит на них внимания, он спокойно сказал:

— Никто не возражал, чтобы тебе устроили небольшую взбучку. Это было весело. Но

когда он побил капитана, они снова разошлись. Я думал, если он погоняет меня, как гонял тебя, то они снова расслабятся. Но он не стал. Он просто через три секунды выбил меч у меня из руки и двинул по кумполу.

Если Арис надеялся, что капитан не слушает, то он сильно ошибался. Телеус обернулся.

— А потом? — резко спросил он.

— Потом он махнул Мерону. Клянусь, я не собирался напустить его на весь мой отряд, сэр.

Костис произнес озабоченно:

— Я думаю, что он выдохся после боя с капитаном. Должно быть, он все свои силы вложил в этот прыжок.

— Мне тоже так кажется. После Мерона ему придется остановиться. Что такое, Арис?

— Это насчет Лаекдомона, сэр. Я не успел сказать вам, сэр, и не знал, кому еще можно доложить, но это Лаекдомон тогда позвал нас унять собак. Это он предложил. А когда нас арестовали, его не было с нами в камере, сэр. Он сказал, что сидел по соседству, но я не видел его до тех пор, пока царица не помиловала нас.

— Понимаю, — сказал Телеус мрачно. — Где он сейчас?

— Я не знаю.

— Может быть, его не было здесь сегодня утром, — с надеждой предположил Костис.

— Нет, — возразил Арис, — я его уже видел.

— И ты думаешь, он выйдет, чтобы бросить вызов царю?

— Я думаю, он человек Эрондитеса, капитан. Он из патронаса, а его семья живет во владениях барона. Каждый знает, как барон относится к нашему царю.

— Человека можно убить деревянным мечом, — медленно произнес Костис, повторяя слова царя.

— Если, конечно, тебя не волнует, что случится с тобой дальше, — заметил Телеус. — Кто-то сможет заступиться за Лаекдомона?

— Вряд ли, — сказал Арис. — Но барон вознаградит бы его семью.

— Царь уже не сможет биться со свежим противником, — предупредил Костис, — и он не будет знать, что это не простой спарринг.

— Не волнуйтесь, — заявил Телеус. — Я не собираюсь стоять здесь и смотреть, как нашего царя убивает полоумный фанатик с дубинкой. Найдите Лаекдомона и тащите его сюда.

Арис с Костисом начали пробираться сквозь толпу. Царь уже закончил со своим противником. Мерон потирал грудь, куда попало острие царского меча и улыбался. Царь смотрел на другого солдата из отделения Ариса, стоявшего в первом ряду. Расталкивая охранников, Телеус не успел подобраться к нему, чтобы оттащить назад. Из-за спины царя капитан помахал рукой, чтобы привлечь к себе внимание, а затем дал беззвучные указания.

Царь заметил выражение лица солдата и медленно повернул голову, чтобы через плечо взглянуть на Телеуса. Потом он снова перевел взгляд на своего противника.

— Он велел тебе не драться в полную силу?

Растерянный гвардеец покачал головой. Царь покачал головой в ответ.

— Нет, так не пойдет. Мне придется сделать тебе такое же предложение, как капитану. Побей меня, и царица сохранит гвардию; поддайся мне, и она сократит ваши ряды вдвое.

Человек в панике переводил взгляд с Телеуса на царя.

— Он все еще хочет, чтобы ты поддался? Он это говорит у меня за спиной? А что

скажут твои товарищи? Что думает гвардия?

— Бей его! — крикнул кто-то из безопасного места в толпе.

Царь цивнул:

— Давай, Деймон. Я знаю, что ты можешь. Может быть, я и устал, но на тебя у меня силы еще найдутся.

Деймон решил напасть. Смеясь, царь отступил. Деймон снова атаковал, и они уже кружили вокруг друг друга, обмениваясь ударами и парируя их. Если Деймон и собирался дать царю легкий бой, то отказался от своих намерений после того, как царь, заблокировав его меч, что-то шепнул ему на ухо. Никто не мог расслышать, что он сказал, но эффект был потрясающий.

Деймон был лучшим фехтовальщиком, чем Арис и Костис вместе взятые. Царь больше не прибегал к крикам. Он нападал и отбивался точно и расчетливо, не теряя сил. Иногда он отступал назад, чтобы отдышаться, и начал чаще опираться на левую ногу.

Деймон пытался вытеснить его, но царь всегда ускользал в сторону. Потом царь начал наступать, последовательно тесня соперника, Деймон отбивался и отступал шаг за шагом, потом незаметно уклонился, когда царь размахнулся, качнулся вперед и промахнулся.

— Черт возьми, — сказал царь. — Я думал, что зацепил тебя.

Деймон улыбнулся.

— Я тоже так подумал.

Евгенидис резко выдохнул.

— Тогда продолжим, — сказал он, поднимая меч.

Он слишком устал для стремительной атаки и не смог коснуться Деймона, но и Деймон был недостаточно ловок, чтобы преодолеть защиту царя. Царь решил заняться критикой:

— Это уже один раз не сработало. Хочешь попробовать снова?

Разочарованный Деймон решил рискнуть, и царь тут же разоружил его. Он стоял печальный, когда Евгенидис хлопнул его по плечу и сказал:

— Готов.

Прижимая меч локтем к правому боку, Ген воспользовался левой рукой, чтобы откинуть со лба потные волосы. Потом он повернулся и вместе с Деймоном направился к фонтану у стены, опустив руку с мечом так, что его острие порой касалось земли. Они успели сделать всего несколько шагов, когда за спиной царя раздался голос. Царь повернулся.

— Лаекдомон. Конечно. Как я мог забыть о тебе?

— Не знаю, Ваше Величество. Но надеюсь, что теперь, когда вы обо мне вспомнили, не скоро сможете снова забыть.

Гвардейцы молчали. Телеус шагнул вперед и открыл рот, чтобы заговорить, но царь отогнал его прочь. Телеусу пришлось ограничиться угрожающими взглядами, которые Лаекдомон отказывался замечать.

— Я не думаю, что забуду тебя, Лаекдомон. Я сделаю тебе такое же предложение, как и твоим товарищам. Побей меня, и я не буду сокращать гвардию, — сказал царь.

Он поморщился, поднял меч поперек рта и прикусил лезвие, оставляя обе руки свободными, чтобы помахать ими в воздухе, разминая усталые мышцы. Потом он выплюнул меч в ладонь.

— Вы стали бы улыбаться шире, Ваше Величество, если бы имели дело с настоящим мечом.

— От моего внимания не ускользнуло, что все вокруг не одобряют мою манеру

обращения с тренировочным мечом. Может быть, ты объяснишь мне, почему?

— Суть упражнений заключается в том, чтобы приобрести навык владения настоящим оружием. Если вы не считаете свой меч настоящим, Ваше Величество, вы не достигнете цели. Здесь, в Аттолии, — снисходительно добавил он, подчеркивая чуждость Евгенидиса своему окружению, — нас учат уважать деревянный меч, как настоящее оружие, и не допускать бездумных ошибок.

— О, — насмешливо ответил царь. — А мы в Эддесе учимся убивать любым оружием, которое имеем в руках.

Он поднял меч.

— Готов?

— Готов, — сказал Лаекдомон.

— Начали.

— Капитан? — спросил Костис.

Он волновался. Телеус пожал плечами.

— Я здесь не главный, Костис. Если он решил идти в ловушку с широко открытыми глазами, я не имею права останавливать его.

Они оба с тревогой наблюдали за схваткой.

Солдаты вокруг замерли в неловком молчании. Не было слышно ни отрывистых комментариев ни криков в поддержку Лаекдомона. Все знали, что на карту поставлено очень многое, но что-то в поведении Лаекдомона отпугивало его сторонников. Ради гвардии они не хотели, чтобы царь выиграл, но все-таки им было трудно болеть за Лаекдомона, так что они просто стояли и смотрели.

Царь оттолкнулся левой ногой и повернулся, опираясь на правую, когда Лаекдомон попытался зайти с фланга.

— Капитан, — раздался рядом тихий голос лейтенанта. — Ее Величество здесь.

Царица со своими служанками вышла на тренировочный двор. Она была не единственным наблюдателем. Казалось, здесь собралась большая часть двора. Придворные выстроились на террасе над плацем и стояли группами на стенах. Костис с растущей тревогой посмотрел на Телеуса.

Телеус подошел к царице. Она приказала слугам установить помост и кресло. Когда стало известно о ее прибытии, гвардейцы разомкнули круг, чтобы предоставить ей беспрепятственный обзор. Пока Телеус шел к ней, она успела сесть в кресло и спокойно расправить складки платья. Ее служанки двумя шеренгами выстроились за спинкой кресла. Придворные царя продефилировали на фланг. Телеус наклонился, чтобы тихо сказать ей несколько слов.

Ее поднятая рука опередила его. Она жестом подозвала Костиса.

— Это была твоя идея?

— Нет, Ваше Величество. То есть, я хочу сказать, да, я просил царя тренироваться со мной. Но я понятия не имел, что из этого получится.

Он с усилием избегал обвиняющего взгляда Телеуса.

— Твои люди выглядят удивленными.

— Ваше Величество, — сказал Телеус, — вы должны остановить это.

— Я? Разве я могу приказывать царю?

— Он остановится. Если вы попросите, — настаивал Телеус.

Аттолия покачала головой.

— Тогда я остановлю его, — заявил Телеус и обернулся.

— Капитан, — голос царицы звучал мягко, но Телеус покорно повернулся к ней.

— Его убьют, — предупредил он.

— Будем надеяться, что нет.

— Он устал. Он ранен. Лаекдомон может убить его одним ударом. Позвольте мне арестовать его, пока еще не поздно.

— Арестовать царя?

— Арестовать Лаекдомона, — Телеус был уже не в том состоянии, чтобы оценить шутку царицы.

— За что арестовать? Разве у тебя есть доказательства, что это нечто большее, чем обычный спарринг?

— Позвольте мне арестовать его, и я вытащу из него доказательства клещами.

Царица покачала головой.

— Почему нет? — беспомощно спросил Телеус.

— Потому что царь не отступит, Телеус, — сказал Орнон, присоединяясь к ним. — Вы, наверное, заметили, — сказал он. — Царь скулит, жалуется и избегает малейшей ответственности. Он пользуется всеми возможными увертками, но он никогда не отступает. — Орнон пожал плечами. — Никогда.

— Он может не отступить, но он проиграет.

— О, я бы не стал ставить свои деньги на его проигрыш. Я видел, как он терпит неудачу. — Орнон бросил быстрый взгляд на царицу. — Но я никогда не видел, чтобы он проиграл в окончательном итоге. Он может затаиться, пока не настанет момент выступить вперед. Ни одна его битва не закончится, пока он не выиграет. — Орнон выразительно пожал плечами. — Он не отступит, и не поблагодарит вас за вмешательство.

Раздался крик, и они снова повернулись к сражающимся. Костис увидел, как царь отступил. Лаекдомон наносил быстрые удары мечом, вынуждая царя отступать все быстрее и быстрее. Наконец царь ответил. Мечи столкнулись с яростным треском, и один из них взлетел в воздух. Затаив дыхание, все следили, как меч развернулся в воздухе и упал на землю. Пару мгновений не было никакой возможности понять, чей меч упал. Потом двое солдат расступились, и каждый присутствующий мог увидеть, что Лаекдомон все еще вооружен.

Царь печально поднял руку. Затаив дыхание, Костис надеялся, что все это в конце концов окажется обычной тренировкой. Лаекдомон покачал головой. Евгенидис улыбнулся.

— Ваше Величество! — закричал Телеус и поднял руку, чтобы дать команду арбалетам, направленным на Лаекдомона.

Костис не видел, как они подошли, но это было очевидным решением проблемы. Царь покачал головой.

— Вы могли бы попросить пощады, Ваше Величество — презрительно предложил Лаекдомон.

— Пожалуй, нет, — ответил царь, весь в поту и тяжело дыша от усталости. — Хотя, когда закончишь, тебе придется иметь дело с царицей. Ты ведь знал об этом, когда вызывал меня, не так ли?

Лаекдомон небрежно пожал плечами. Евгенидис пожал плечами в ответ.

— В соответствии с обычаями Эддиса, я не буду просить тебя. Удар за тобой, Лаекдомон.

С улыбкой и в полнейшем спокойствии Лаекдомон поднял меч над головой царя. Кажется, закричал не один Костис, но меч так и не опустился. Без риска для своих пальцев царь перехватил клинок в воздухе и вырвал его из рук удивленного Лаекдомона. Он развернулся на своей здоровой ноге, одновременно поудобнее перехватив рукоять. Мгновением позже наступившую тишину нарушил хрип, вырвавшийся из груди Лаекдомона, когда царь со всей силы ударил его рукоятью меча под ребра.

Лаекдомон рухнул на землю, как пустой бурдюк. Царь бросил его меч рядом с ним. Деревянный клинок упал рядом с головой Лаекдомона.

— Ты забыл, — сказал царь в полнейшей тишине, — что этот меч деревянный.

Где-то в толпе несколько солдат закричали «ура», остальные гвардейцы подхватили крик. Придворные вдоль стен начали аплодировать. Оглохнуть можно, подумал Костис, оглядывая женщин, машущих шарфами, разинутые рты аристократов, смеющихся солдат.

Евгенидис не ответил. Он медленно похромал к своему деревянному мечу и неловко наклонился, чтобы поднять его. Волоча его за собой по земле, он проковылял через весь двор к царице и, когда придворные успокоились и замолчали, упал перед ней на колени и положил меч у ее ног.

— Моя царица, — сказал он.

— Мой царь, — ответила она.

Только стоявшие рядом видели, как печально он кивнул, соглашаясь с ней. Потом он поднял руку, чтобы вытереть щеку. Весь двор затаил дыхание, чтобы услышать, как царь произнес:

— А теперь я хочу получить мой завтрак.

Губы царицы дрогнули и, покачав головой, она сказала:

— Ты не исправим.

— Да, — согласился царь. — А еще у меня болит голова и мне нужна ванна.

Телеус шагнул вперед.

— Может быть, Ваше Величество пожелает посетить гвардейскую баню? Это ближе и мы будем рады принять вас там.

Царь секунду размышлял.

— Да, — сказал он. — Это было бы очень хорошо. Но сначала завтрак.

Серьезно кивнув, Телеус наклонился и протянул руку, чтобы помочь царю встать на ноги. Царица улыбнулась им обоим. Костис чувствовал, как по его лицу расползается улыбка, которую он не в силах скрыть. Он оглядел улыбающиеся лица и понял, чему все так радуются: Евгенидис был признан царем Аттолии.

Глава 16

Костис вымылся мягкой мочалкой в тепидарии и, прихрамывая, прошел в парилку. Он поднялся на верхнюю скамью и с облегчением вздохнул, опустившись на деревянные планки. Царь не пришел. Гвардейцы могли болтать о чем угодно. Костис слушал их с закрытыми глазами. Его улыбка исчезла, когда он вспомнил реакцию царя на приглашение посетить гвардейскую баню. Должно быть, ему было известно, что подобное приглашение было честью, потому что в баню допускались только гвардейцы, но Костис заметил, что царь колеблется.

Дверь открылась, и Костис, увидев царя, сопровождаемого Телеусом и лейтенантами, понял, почему. Было бы смешно прийти в парную в одежде и даже, если на то пошло, с железным крюком на манжете. Так что Евгенидис был голым, как никто другой, потому что ни один из здесь присутствовавших не сделал одежду частью своей маскировки и защиты.

Он выбирал мидийские кафтаны с длинными и широкими, как колокол, рукавами, потому что ни один воин в Аттолии, увидев мышцы запястья царя, не смог бы недооценить его физические возможности. Его второе запястье, как ни странно, оказалось узким и тонким. Костис старался не смотреть, но обнаружил, что, как дурак, пялится на шрамы царя. Длинная линия на животе все еще была красной, но были и другие знаки: рваные следы на локтях и коленях, широкие голубоватые на фоне смуглой кожи полосы на лодыжках, которые были ничем иным, как знаком оков, а так же разной длины полосы на руках и груди, и еще одна длинная на бедре. Еще царское тело украшало великое множество синяков, некоторые из которых были багровыми и фиолетовыми, а другие выцветшими и почти стершимися. Костис спросил себя, откуда они могли появиться.

Костис и охранники рядом с ним подвинулись в стороны, чтобы дать место царю и Телеусу на верхней скамье, где жар был сильнее. Когда царь шел к ним от двери, солдаты могли увидеть, что мышцы у него на ногах подергиваются от усталости, а выражение лица, когда он посмотрел вверх, можно было бы назвать обескураженным. Телеус, успевший подняться наверх, повернулся, чтобы предложить ему руку. Евгенидис принял предложенную помощь, и Телеус затащил его наверх и уложил на горячую скамью.

Царь выругался, вздохнул и расслабился. Он повернул голову в сторону Костиса и объяснил синяки, как нечто само собой разумеющееся.

— Орнон очень больно дерется своей палкой, — сказал он.

Значит, он заработал их не на тренировке, делая простые упражнения. Перемещаясь по дворцу своими тайными путями, он, вероятно, много раз встречался с посланцем Эддиса.

— Не заблуждайся, Костис, — сказал царь. — Простые упражнения важны для всех.

Костис в смущении отвернулся. С другого конца комнаты кто-то, посмелее Костиса,

спросил:

— Это мы нанесли вам все эти раны?

Царь открыл глаза и осмотрел себя, словно видя шрамы впервые.

— Я думал, что меня кусали только собаки? Прокис, ты решил к ним присоединиться?

— Нет, Ваше Величество, — поспешно ответил Прокис, а его товарищи дружно рассмеялись.

— Боги свидетели, я не обижаюсь, — сказал царь, — даже на эти знаки вокруг моих лодыжек и запястий. Ими любезно наградил меня Его Величество Сунис. — он поднял руку, чтобы посмотреть на широкую полосу вокруг запястья. Они составляли довольно нарядный комплект, теперь, конечно, нарушенный.

Охранников поразило, как он совершенно беззлобно вспоминает о своем трагическом столкновении с царицей Аттолии.

— А вот это вполне мог быть один из вас, — сказал Евгенидис, проведя пальцем по короткому белому рубцу на плече. Он посмотрел на Телеуса. — Не так ли?

Капитан покачал головой.

— Его перевели из дворца? Ты беспокоился, что я захочу отомстить?

— А я должен был? — прямо спросил Телеус.

— Не о нем, — ответил царь. — Но если вы устроите мне еще одно такое утро, вроде сегодняшнего, я упакую вас всех в цепи и продам в гладиаторы на Полуостров.

Снова раздался дружный смех.

— Хватит с нас сегодняшнего, Ваше Величество, — пообещал Телеус. — Мне это слишком дорого обошлось.

Он потер шею.

— Рад это слышать. Если бы я знал, что мне нужно всего лишь отдубасить тебя палкой, я сделал бы это еще несколько месяцев назад.

Телеус ответил задумчиво:

— Мне хочется думать, что сегодня утром я получил больше, чем удар тренировочного меча.

Он серьезно посмотрел на царя.

— Очень нелегко отдать свою преданность человеку, которого не знаешь, особенно если он ничего не желает раскрывать о себе.

Он встретил взгляд Евгенидиса, и на этот раз отвернулся царь. Потом он оглянулся, чтобы сказать:

— Я извиняюсь за то, что было сделано, и сделано не очень хорошо, Телеус.

— Ничего, Ваше Величество. В конце концов, вы показали себя.

Царь посмотрел вниз на свою наготу, потом на Телеуса.

— Это была шутка? — спросил он.

— Если шутка, то случайная. Вы уже решили, что сделаете с Лаекдомоном?

— Отпущу его, — небрежно сказал царь.

— Кое-кто может подумать, что вы слишком милостивы, — заметил Телеус.

— Но только не ты.

Телеус кивнул головой.

— Он вернется к Эрондитесу, и барон убьет его.

Царь согласился.

— Эрондитес не может рисковать связью с разоблаченным предателем, и он опасается,

что Лаекомон может разболтать лишнего. Когда Лекдомона найдут мертвым в канаве, все вокруг увидят, как барон Эрондитес вознаграждает своих верных слуг.

— А если он избежит возмездия? — спросил Телеус.

— Тогда я буду доволен, что позволил ему уйти. Если он и опозорился, то только потому, что я сам предложил ему такую возможность. Если дразнить собаку, она обязательно укусит.

— Люди не собаки. — Телеус наклонился вперед и серьезно посмотрел на Костиса. — Человек должен контролировать себя.

— Легко тебе говорить, капитан.

— Не так легко, Ваше Величество, — заверил Телеус. — Но я все же ни разу не дал вам в глаз.

— Это правда, — согласился Евгенидис без проблеска улыбки. — И я бы не хотел, чтобы это случилось.

Он ждал. Когда глаза Телеуса расширились, Евгенидис подтвердил то, о чем капитан уже догадался сам.

— Я не провоцировал тебя, — сказал царь. — Я провоцировал Костиса.

Костис откинулся назад, ошеломленный. Потеря контроля над собой, которая изменила его жизнь, должность лейтенанта. Все это не было ни случайностью, ни царским капризом.

— Это вы делали заметки на мидийском языке, — произнес он обличающим тоном, понимая, что маленькие буквы, хоть и старательно выписанные, но предательски нетвердые, могли быть написаны только левой рукой. — Это вы присылали их мне.

— Ну, я, — признался царь.

— Зачем?

— У тебя был ужасный акцент, — ответил царь по-мидийски, и его произношение было безупречным. — Теперь гораздо лучше.

— Зачем? — переспросил Костис, желая знать больше.

Телеус скрестил руки на груди, молча присоединяясь к вопросу.

— Иногда, чтобы изменить мнение человека, приходится менять сознание тех, кто находится с ним рядом. — Евгенидис махнул в сторону Костиса, но говорил, обращаясь к Телеусу. — Архимед сказал, если ему дадут надежный рычаг, он сдвинет мир со своего места. Мне нужно было сдвинуть с места гвардию. Мне нужно было повлиять на тебя.

— Вы изменили мнение Костиса, чтобы изменить мое? И почему мое мнение так важно? — спросил Телеус. — Вы могли бы заменить меня самого.

Царь пожал плечами.

— Я хотел сократить гвардию, а царица сказала, что сделает это, когда я спрошу тебя и ты согласишься. Итак, я могу сократить гвардию?

— Это вам решать. Вы царь.

— Это вопрос, Телеус. Могу ли я быть царем? Только не говори мне, что я был помазан на царство жрецами и жрицами и все бароны пробормотали бессмысленные, но священные клятвы перед моими лодыжками. Скажи мне, я царь?

Телеус не стал притворяться, что не понимает.

— Да, Ваше Величество.

— Значит, я могу сократить гвардию?

— Да, Ваше Величество.

— Спасибо. — Царь начал подниматься с места.

— Несмотря на то, что вы не победили сегодня на плацу.

Царь шлепнулся вниз на скамью. Он злобно уставился на Телеуса.

— Ты никогда не сдаешься, не так ли? Что это значит?

— Такова была ваша ставка, Ваше Величество, — заметил Телеус. — Если Лаекдомон победит, вы не сократите гвардию.

— В Эддисе схватка длится, пока соперник не сможет драться.

— В Аттолии тоже.

— Ну, последний удар нанес я.

Телеус скрестил руки на груди.

— Целью состязания было фехтование, Ваше Величество, а не демонстрация уловок и хитростей. Вы прибегли к трюку, который невозможен в сражении с настоящим мечом.

— Ты пытаешься пролезть в игольное ушко, демагог. С кем ты успел поговорить, с Релиусом или с Орноном?

Телеус был упрям.

— Вы бы не смогли голыми руками выхватить у человека настоящий меч.

— Ах, Телеус, — сказал царь, печально качая головой. — Такой упорный и такой наивный. — Пододвинувшись ближе к капитану он протянул к нему сжатую в кулак руку и медленно раскрыл ее, словно цветок. — Сегодня я сделал это с деревянным мечом. Но однажды я смог сделать это с настоящим.

Телеус поднял указательный палец и осторожно проследил тонкую линию на ладони царя.

— Меч убийцы. Я не знаю, что и сказать, мой царь.

Евгенидис пожал плечами.

— Скажи, что мне больше не надо оглядываться назад.

Телеус кивнул.

— Я буду прикрывать вашу спину, мой царь. До последнего вдоха.

— Вот и хорошо, — сказал Евгенидис, вставая. Он добавил, задумчиво глядя на Телеуса: — Теперь я понимаю, почему Орнон был так уверен в твоей преданности трону.

Евгенидис осторожно спустился вниз с верхней скамьи.

— Возможно, Орнон надеялся, что я сверну себе шею, но я не хотел добиться твоей поддержки ложными увертками, Телеус. И Орнон не думал о цирковых трюках. Он знал, что если Лаекдомон попытается когда-нибудь стать реальной угрозой, я выпотрошу его, как курицу. Ты забыл?

Он поднял искалеченную руку, глядя на культю, и все вспомнили о смертоносном крюке, заменившем утраченную кисть.

— Вы заставили людей забыть о крюке, пряча его под длинными рукавами и делая вид, что стыдитесь его, — догадался Телеус.

— Да. Но истина всегда находится перед глазами у тех, кто готов ее увидеть.

— Итак, гвардию сократят вдвое, — мрачно заключил Телеус.

Царь устало вздохнул. Стоя перед Телеусом, он сказал:

— Телеус, гвардия создала царицу. И гвардия может сокрушить ее. Ты можешь гарантировать их преданность сейчас, но что будет через двадцать лет? Тридцать, сорок лет? Ты знаешь, что не можешь, но эти люди и через десять и двадцать лет будут считать себя создателями царей. Рано или поздно преданность телохранителей, как и многих других людей, начнет продаваться и покупаться, просто царская корона пойдет по более высокой

цене. Это неоспоримо доказывает история. Ничто не меняется. Усилить личную гвардию — это все равно, что научить волка охранять ферму. Его можно держать подальше от других волков, но рано или поздно он набросится на тебя. Я не могу оставить моим детям такое наследство.

— Мы обеспечиваем безопасность царицы, — с болью в голосе возразил Телеус. — Мы всегда хранили ее в безопасности.

— Охраняй мою спину, Телеус, а о ее безопасности я позабочусь сам.

Двигаясь легко, но немного припадая на правую ногу, он вышел в дверь, чтобы покинуть гвардию и вернуться к придворным, которые, несомненно, ждали его снаружи.

— Как он сможет защитить ее? Один наш Прокис сможет порвать его пополам одной рукой.

— Если Прокису удастся его поймать.

— А вы сомневаетесь?

Солдаты покачали головами.

— Базилевс, — прошептал кто-то, скрытый в клубах пара.

Остальные тихо повторили:

— Базилевс.

Один Телеус покачал головой. Костис наблюдал за ним, впрочем, не удивленный.

— Базилевс был князем над своими людьми, тем, кого мы теперь называем царем, — объяснил Телеус. — Этот человек, — он кивнул в сторону закрытой двери, — будет не просто правителем Аттолии. Он будет Царем царей, не имеющим себе равных.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

notes

Охлос — толпа, чернь, простолюдины (др. греч.)

Центурион — командир сотни.

Если разбирать подробно, что это такое — римская баня, то схема ее устройства предполагала не менее трех помещений, которые имели теплые полы и стены. Температура пола, стен и воды в бассейнах была разная: в фригидарии пол был теплый и вода в бассейне теплая, в тепидарии пол и вода были горячими, а в кальдарии — очень горячими. В последнем помещении ходили в специальных деревянных сандалиях, потому что пол обжигал ноги. Нагревались эти помещения печами, которые располагались в подвальных помещениях под ними, пол по сути был сводом топки, а в стенах была система дымоходов, по которым продукты горения выводились наружу. Перед кальдарием располагались помещения с сухим жаром — судатории и лаконики, организованные по типу финской сауны, где можно было еще увеличить потоотделение, перед тем как перейти в самое жаркое помещение термы. Римляне свой организм стрессу не подвергали, повышали температуру постепенно и понижали — тоже. То есть после кальдария переходили в тепидарий, а затем уже во фригидарий.

До наших дней настоящие римские термы не дошли, сохранились их грандиозные развалины в Риме, но многое из принципа их организации перешло в восточные турецкие бани. Турки познакомились с ними после завоевания Византии и по достоинству оценили пользу римской традиции.

Атриум — в Древнем Риме так называли центральное помещение внутри здания или внутренний двор, из которого можно попасть в остальные помещения.

RGB код цвета: A93D03 или на палитре: 169, 61, 3

Наос — главный зал античного храма.

Древнегреческое слово «филия», часто переводимое как «дружба» или «любовь», не имеет точного соответствия в других языках. Оно обозначает не только «дружбу», но и «дружественность», «расположение», «притяжение», «влечение», «любовь». В данном контексте — *расположение, предпочтение* Эрондитеса-старшего в плане наследования.